

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР

ОТДЕЛ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И ПИСЬМЕННОГО НАСЛЕДИЯ

68-3
847

ТРАКТАТ
АХМАДА ДОНИША
„ИСТОРИЯ МАНГИТСКОЙ
ДИНАСТИИ“

*Перевод, предисловие и примечания
И. А. НАДЖАФОВОЙ*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОНИШ»
ДУШАНБЕ — 1967

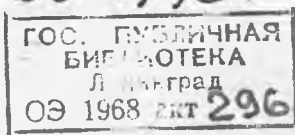
АКАДЕМИЯИ ФАНҲОИ РСС ТОҶИКИСТОН

ШУЪБАИ ШАРҚШИНОСИ ВА ОСОРИ АДАБИ

РИСОЛАИ
АҲМАДИ ДОНИШ
„ТАЪРИХИ САЛТАНАТИ
МАНҒИТИЯ“

Тарҷима, муқаддима ва эзоҳоти
И. А. НАЧАФОВА

68-1773

НАШРИЕТИ «ДОНИШ»

ДУШАНБЕ — 1967

ПРЕДИСЛОВИЕ

В рукописных хранилищах Средней Азии имеется значительное количество исторических хроник, посвященных истории Бухарского ханства XVI—XIX вв. Однако по их переводу и публикации сделано сравнительно немного. Большая заслуга в этой области принадлежит профессору А. А. Семенову. Так, в 1956 г. вышел из печати его перевод «Муким-ханской истории» Мухаммеда Юсуфа Мунши, в 1957 г. — «Убайдулла-намэ» Мир Мухаммеда Амин-и Бухари, в 1959 г. — «Истории Абул-фейз-хана» Абдуррахман-и Тали.

Еще в 1956 г. в предисловии к «Муким-ханской истории» А. А. Семенов писал: «Осуществив русский перевод этого сочинения, мы имеем в виду положить им начало опубликованию памятников по истории Средней Азии XVI — XVIII вв., которая в нашей исторической литературе представляется крайне слабо освещенной».¹

А. А. Семенов осуществил перевод основных произведений по истории аштарханидов (1598—1747 гг.). Естественным продолжением этой работы можно считать перевод исторических хроник по истории мангитов (1747—1920 гг.).

Изучение истории последней бухарской династии по имеющимся первоисточникам представляет большой интерес. Особое внимание заслуживает период присоединения Средней Азии к России. В настоящее время по истории Бухарского ханства известны следующие сочинения, включающие историю присоединения Средней Азии к России: «Краткая история мангитских эмиров Бухары» Ахмада Дониша, «История мангитских государей» Мирзы Абдалазима Сами, «Салимова история» Мирзы Салимбека и некоторые другие.

Из числа названных произведений «Краткая история мангитских эмиров Бухары» А. Дониша бесспорно является самым выдающимся и значительным. «Это была едкая сатира на историю правления последней династии бухарских эмиров»², в которой автор приходит к выводу о неизбежности

падения власти этой династии. Главное внимание в сочинении уделено событиям времени правления эмира Музаффера (1860 — 1885 гг.) и началу правления эмира Абдалахада (1885 — 1910 гг.), т. е. событиям, которые разворачивались на глазах самого автора и свидетелем которых он был. Большое место уделено военному наступлению царизма на Среднюю Азию, завоеванию Джизака и Самарканда.

«Краткая история мангитских эмиров Бухары» стала известна исторической науке намного лет позже того времени, когда она была написана. Нам сейчас трудно судить, насколько это сочинение было знакомо современникам автора. Во всяком случае долгое время никаких упоминаний об этом произведении мы не встречаем. Не указано оно ни в одной из тазкира. Даже С. Айни нигде не упоминает об этом произведении, хотя он был лично знаком с Ахмадом Донишем и считал себя его учеником. Лишь в 1936 г. Е. Э. Бертельс впервые сообщил, что ему удалось обнаружить рукопись до толе неизвестного произведения А. Дониша, которое он (Бертельс) назвал «Рисола» и короткое содержание которого приводит в своей статье.³

Через десять лет, в 1946 г., кратко изложил содержание этого произведения С. У. Улуг-Заде.⁴ После того, как научная общественность была таким образом ознакомлена с произведением А. Дониша, тщательные поиски привели к обнаружению нескольких рукописных вариантов этого сочинения. В 1959 г. появилось первое печатное издание труда А. Дониша на новой таджикской графике, подготовленное Р. Х. Ходи-заде по одной из рукописей с целым рядом сокращений.⁵ А в 1960 г. А. М. Мирзоевым был издан полный критический текст на основе (ставших к этому времени известными) пяти рукописей.⁶

Второе издание по объему значительно отличается от первого. Причем дополнительный текст содержит много нового интересного материала. Таково, например, предисловие А. Дониша, которое дает нам много нового для характеристики автора как историка. В этом же дополнительном тексте имеются новые интересные сведения и о восстании китай-кипчаков во второй половине XIX в. в Коканде. Очень интересны предположения автора по вопросам орошения, по поводу улучшения экономического положения страны и некоторые другие подробности.

В 1960 г. М. Н. Османов сделал первый перевод на русский язык «Краткой истории мангитских эмиров Бухары» вышедший под названием «Исторический трактат».⁷ Перевод сделан с одной из первоначально известных рукописей,

на основе которой вышло и первое печатное издание текста. Переводчик проделал большую работу и положил начало переводам на русский язык произведений Ахмада Дониша. По поводу своей работы М. Н. Османов писал: «Перевод произведений Ахмада Дониша на русский язык в таком большом объеме предпринимается впервые. Довольно сложный текст рукописей Ахмада Дониша с его разносторонним и противоречивым мировоззрением представляет много трудностей даже для самого опытного переводчика. Поэтому переводчики⁸ данного сборника ставили перед собой задачу: передать широкому читателю наиболее доступный, но близкий по тексту автора русский перевод лучших образцов произведений Дониша». И дальше: «Мы надеемся, что после опубликования сборника читатели помогут нам своими критическими выступлениями улучшить предлагаемые переводы произведений Ахмада Дониша—этого первого шага на пути большой, кропотливой работы».⁹ А еще позже, в 1961 г., один из крупнейших специалистов по А. Донишу З. Раджабов писал: «А. Дониш, выдающийся просветитель таджикского народа, достоин серьезного, глубокого, всестороннего изучения. Один автор эту задачу не разрешит. Надеемся поэтому, что изучение творчества А. Дониша займет в будущем почетное место в исследованиях советских ученых».¹⁰

Таким образом, до настоящего времени сочинение это в полном своем объеме на русский язык не переведено; и хотя к нему обращались многие исследователи, достаточной оценки и анализа оно в литературе не получило.

Название «Рисола, или Краткая история мангитских эмиров Бухары» условно. В тазкира и стихах поэтов-современников Дониша или живших после упоминаются только поэтические произведения А. Дониша и его знаменитая Наводир ул-Вакоъ;¹¹ но о «Рисола», как выше указывалось, упоминаний нет.

Е. Э. Бертельс, которому принадлежит заслуга открытия этого сочинения, называет его «Жизнеописанием эмиров священной Бухары» и дает сноску: «Я склонен думать, что название приложено к трактату уже позднее, после смерти его автора и что сам он озаглавил его просто «Рисола».¹² В дальнейшем он так и называет ее «Рисола».

Позже Р. Х. Хади-заде предложил называть его «Исторический и критический трактат».¹³

В 1960 г. в предисловии к критическому изданию А. М. Мирзоев писал, что ни в одной из пяти имевшихся в его рас-

поряжении рукописей автор не дает своего названия: названия добавляются переписчиками. Один из них называет его «Маленькой историей», или «Повестью о путешествии», другой — «Жизнеописанием эмиров благородной Бухары». В результате сопоставления всех пяти рукописей А. М. Мирзоев останавливается на названии «Рисола, или краткая история мангитских эмиров Бухары». В данной работе она будет фигурировать как «Рисола».

Точно так же дело обстоит и с датой написания. Ни в одной из известных рукописей она не указана. Но на основании содержания и отраженных в нем исторических данных совершенно ясно (как показал А. М. Мирзоев), что она написана в последние годы жизни автора — в 1895—1897-е.

Являясь ценным и интересным историческим сочинением конца XIX в., «Рисола» по своему содержанию неравноценна. Условно мы можем ее разделить на две части, неодинаковые как по объему, так и по своей значимости. В небольшой первой части автор рассказывает о тех событиях, которые он мог только слышать или знать по письменным источникам. В ней коротко рассказывается о последних годах правления эмира Данияла и о правлении трех эмиров — Шах-Мурада, Хайдара и Насрулло.

К сожалению, Ахмад Дониш не ссылается ни на один источник, из которого он берет свои данные. Во всей «Рисола» упоминается только два исторических сочинения: «Тузук-и Тимури» — компилятивное произведение XVII в. и те дополнения к «Равзат ас сафо», которые были написаны в XIX в. Первое из них интересовало его как произведение, в котором он искал образец для правителя. В предисловии к «Рисола» он писал: «Эмир Тимур Куракани явился обновителем восьмого столетия. И тот, кто захочет, может это выяснить из «Тузук-и Тимури».¹⁴ А «Равзат ас сафо»¹⁵ один раз упомянута вскользь.

Попытаемся проанализировать известные сейчас исторические сочинения по истории мангитов, написанные в начале или середине XIX в. местными авторами (события, охватывающие время правления эмира Насрулло), которые А. Дониш мог использовать для своей «Рисола».

Наиболее известными являются следующие:

1. «Тухфат ал-хани». ¹⁶ Написана в характерной для придворных историографов льстивой форме двумя авторами — Мухаммад Вафа-йи Керминеге и Дамулла Алим-беком в. Нияз Кулибеком ишаном родом из Карши.

В этом произведении нам не удалось найти данных, которые А. Дониш приводит в своей «Рисола».

2. «Гулшан ал-мулук».¹⁷ Последняя часть этого исторического труда посвящена мангитам. Ее автор Мухаммад Я'куб б. эмир Даниял довел изложение событий до 1831 г., т. е. до первых лет правления эмира Насрулло.

Это произведение также написано пером летописца в обычной манере придворных историографов. Правда, оно несколько отличается от предыдущего произведения более простым языком и более подробным изложением некоторых моментов социальной жизни, но здесь еще нет и намека на критический подход к описываемым явлениям. Некоторые данные, сообщаемые в этом сочинении, мы находим и у Ахмада Дониша.

Так, последний вслед за вторым «Гулшан ал-мулук» говорит о том большом влиянии и власти, которыми пользовался вазир Давлат кушбегги во время правления Данияла,¹⁸ о том, что, благодаря усилиям Шах-Мурада, ислам был укреплен в Мавераннахре.¹⁹

Займствованы А. Донишем у своего предшественника и те факты, что эмир Шах-Мурад в начале своего правления хорошо отнесся к своим братьям, но позже они были им смещены и уволены;²⁰ что он носил бедную одежду, что его халат и чалма были из простой бумажной ткани и что его пищу составляли ячменный хлеб, чечевичная похлебка и что он только раз в полмесяца ел мясо.²¹

3. Одним из наиболее интересных источников по истории мангитов до времени правления эмира Насрулло являются «Записки Мирзы Шемса Бухари», которые начинаются рассказом о приходе к власти эмира Хайдара. Он подробно описывает торжества по поводу этого события. Эмир Хайдар по старинному обычаю был поднят на белом войлоке. В описании времяпрепровождения эмира Хайдара можно заметить сходство с тем, как это описывает Ахмад Дониш, у которого читаем: «А в мирные и спокойные дни, когда эмир находился в столице, толпы улемов направлялись к его стремени и занимали его беседами. Дети знатных и почтенных бухарских махдумов толпами взбирались на арк и в присутствии эмира вели занятия и ученые споры».²²

А мирза Шемс Бухари пишет: «Эмир предавался в это время учению и книгочитству, и когда в течение десяти лет окончил полный курс наук, набрал в ученики к себе от четырехсот до пятисот. мулл и восемь-девять часов в день проводил в преподавании им. Вместе с тем принимал он ежедневно и просьбы от народа. Двести-триста человек учащихся посто-

янно в присутствии его твердили свои уроки и отпускались не прежде, как прочтя все положение книги».²³ Тот же мирза Шемс Бухари сообщает версию о том, что Омар Хан был «подарен», т. е. избавлен от смерти. А эмир Насрулло, едва вступив в Бухару, начал поголовную резню сторонников Омар Хана.

«Не более получаса просидел Мир-Насруллах над воротами, а между тем в это время перерезано было перед его глазами четыре-пять тысяч человек. Затем началось убийство по улицам города; говорят, что от семи до восьми тысяч жителей лишены были жизни в этот день. В течение шестисеми лет все военные и гражданские чиновники, оставшиеся еще на службе со времени Мир-Хайдара, были оставлены и умерщвлены, а имущество их взято на эмира. Предки этих людей более двухсот-трехсот лет были из рода в род постоянными слугами бухарских государей. Теперь жена и дети их проводят жизнь в нищете. Нынешние военные и гражданские чиновники бухарские — безродные, низкого происхождения».²⁴

Установить по тексту, был ли А. Дониш знаком с сочинением Ш. Бухари, трудно, однако приведенные факты А. Дониш включил в свою «Рисола», сопроводив их в отдельных случаях определенными замечаниями.

4. Очень интересны путевые заметки Абдул-Керима Бухари, написанные в 1830 г.²⁵ Источник, о котором можно с уверенностью сказать, что он был известен и использован А. Донишем. И по сообщаемым данным, и даже по той последовательности, в которой они преподносятся, мы находим большое сходство с «Рисола» А. Дониша. Вот как Абдул Керим Бухари пишет о Шах Мураде и его братьях в последние годы жизни Данияла. В ответ на уговоры Данияла быть мягче с братьями Шах Мурад ответил: «Твои сыновья притесняют, угнетают, развращают и делают безнравственными мусульман. Ты не препятствуешь этому, а Давлят кушбеги, не больше как раб, стал властелином государства, судья, свершающий преступления, не сдерживает недостойные поступки. У меня нет терпения видеть эти действия и поэтому я избрал для себя уголок бедняка и дервиша».²⁶

Об этом же пишет Ахмад Дониш, приводя слова Шах Мурада: «Я не могу видеть насилия и слышать о бесчинствах, творимых в стране, и поступлю в медресе для получения образования». И сам добавляет: «Он уединился в медресе, изучая науки и отказывая себе в мирских радостях, перестал общаться с этими насильниками».²⁷

Или эпизод с убийством Давлята кушбеги (по Абдал Кериму): «Когда он (Давлят кушбеги) хотел войти в аудиенцзал, несколько палачей острыми ножами прорезали живот Давлят-бия. Известие об убийстве Давлят-бия распространилось по Бухаре. Население избавилось от его злобы и захватило его добро и ценные вещи». ²⁸

А. Дониш пишет об этом в следующих словах: «Они сошлись посреди комнаты, — и тут царевич распорол везиру живот его же собственным кинжалом. Тут же он велел раздать поместья и имущество везиря тем, кого тот обидел». ²⁹

Можно перечислить еще несколько сочинений по истории мангитов: «Тадж-ат таварих» Мухаммада Шарифа б. Мухаммад Наки; ³⁰ «Футухат-и амир Шах Мурад дар Иран» ³¹ Мухаммада Садик Мунши Бухари — придворного поэта и историка времени эмира Хайдара; «Зафар-нама-йи Хисрави» ³² неизвестного автора; «Фатхнама-йи Султани» Мир Алима Бухари — бухарского чиновника и некоторые другие, которые, видимо, не оказали заметного влияния на Ахмада Дониша.

В основном почти все эти историки писали в той льстивой и угодливой форме, которая характерна для всех придворных феодальных историографов. Иногда прикрываясь вычурными выражениями, они не могут скрыть бесчеловечной жестокости правителей, их смертельной вражды между собой, кровавых подавлений ими малейших волнений. Но это делалось робко и завуалированно. Не было и речи о резкой беспощадной, откровенной критике.

«Почти все указанные выше исторические сочинения вышли из придворных кругов. Они составлялись ими по прямому указу ханов или для поднесения, или в поисках ханской милости и награды. Поэтому вполне естественно, что дела и поступки тех ханов, которым посвящаются эти труды, изображаются как «подвиги»; всемерно восхваляются победы хана, его великодушие, благочестие и т. д. В центре внимания стоит война, отношение к другим ханам, эмирам и шахам, придворная жизнь. Изредка уделяется место движениям «разбойников и негодяев», как неизменно именуются восстающие против феодального гнета народные массы. От этого узкоклассового подхода к историческим событиям происходит и полное пренебрежение к описанию жизни и положению народных низов, к вопросам экономики и социального строя». ³³

На этом фоне подход А. Дониша к событиям выступает очень ярко. Характерно, например, описание правления эмира Данияла. Частично он повторяет то, о чем писали и другие историки: о том, что в последние годы правления эмир

Даниял отошел от государственных дел и передал власть сыновьям и правителям областей и что в его правление никто не следил за исполнением законов Шариата. Но эти фактические данные Дониш сопровождает собственной беспощадной суровой оценкой. Он прямо, не прикрываясь вычурными, лстивыми выражениями, пишет о том, что сыновья эмира Данияла открыто предавались разврату. Подробно он описывает все те бесконечные налоги и поборы, которые были возложены на плечи подданных и труженников. Об эмире Данияле он без всякого почтения пишет, что тот по старости был ни к чему не способен. О таком деятеле, как Давлят кушбеги, Мухаммад Я'куб писал как о человеке больших знаний, в руках у которого находилось управление войсками, подданными и финансовыми делами.³⁴ А. Дониш называет его «жестоким кровопийцей и распутником».³⁵ Главного Казия Низамаддина он называет «пропойцей и забулдыгой». «Но зато происходит из рода сейидов»³⁶, — с иронией замечает Дониш.

Автор, писавший немного позже его (Мирза Абдалазим Сами), даже в своей неофициальной версии истории мангитских эмиров Бухары не решается на такие смелые и самостоятельные суждения. Данияла Сами называет «великим эмиром» и дает ему очень лестную характеристику: «Эмир Даниял был человеком мягким, умным и терпеливым».³⁷ Критикует он положение дел при эмире Данияле только за то, что «большая часть предписаний истиной веры и правил были оставлены, вакфы мест поклонений и медресе уничтожались, еретики стали смело нарушать запреты, всякий же, имеющий повадку лисы, уподоблялся льву. Законные дела были заброшены, а запретные стали обычными».³⁸ Но он ничего не говорит о положении подданных, как это делает, А. Дониш, не говорит о тех бесконечных поборах, которые были введены в период правления этого эмира, т. е., иначе говоря, социальные и экономические проблемы он не затрагивает.

Интересно рассмотреть оценку отдельным правителям, которую мы находим в других независимых источниках, — у европейских путешественников, — писавших, примерно, в одно время с Ахмадом Донишем.

Мы остановимся на высказываниях следующих авторов: Ханыкова,³⁹ Борнса,⁴⁰ Вамбери.⁴¹

О Шах-Мураде; Ханыков: «Царствование Ишан Мурад-Бия было благоразумным».⁴²

Борнс: «Его скорее можно назвать муллою, нежели государем, впрочем, имя беги Джана, под коим он более извес-

тен между узбеками, рассказывающими о нем множество чудных историй, пользуется здесь знаменитостью». ⁴³

Вамбери: «Уже в годах юности он показывал заметное расположение к обществу религиозных фанатиков, даже переменял наружные знаки своего звания на так называемый «Хиркаи дарвишан», т. е. нищенский плащ, и по целым дням проводил в Шанках (монастырях) и мечетях в благочестивных размышлениях». ⁴⁴ Он же приводит известное заявление Шах Мурада: «Я не решусь замарать свои руки деньгами, насильственно явившимися в дом... Он надел на себя платье кающегося грешника, повесил меч на шею и в таком виде ходил по улицам, плача и крича и прося у всех жителей прощения за бедствия, причиненные им в правление его отца». ⁴⁵

Интересно сравнение Шах Мурада с Омаром, которое делает Вамбери. «Как Омара восхваляют за то, что он до такой степени скряжничал с Бейт эль Маль (государственной кассой), что довольствовался самой простой пищей и позволял себе в год только одно новое платье, так точно и фанатичный повелитель Бухары назначил для своей персоны только одну таньгу в день...» ⁴⁶

Сопоставляя данные, приводимые этими авторами, с той характеристикой, которая дается А. Донишем, можно сделать вывод о том, что в рассматриваемой части исторического трактата А. Дониш приводит вполне достоверный, подтверждаемый другими источниками материал. Все это заставляет отнестись с большим доверием к сообщаемым им фактам.

Во второй части «Рисола», наиболее для нас важной, А. Дониш выступает как историк-очевидец. В предыдущей части, как указывалось, он излагает общеизвестные исторические данные, часто добавляя к этому свое собственное отношение к происходящему, дает свою оценку историческим событиям и отдельным политическим деятелям и эмирам. Изложение ведется в хронологическом порядке. Вторая же часть излагается уже не так последовательно: часто нарушается хронологический порядок, повествование прерывается воспоминаниями, вставками, дополнениями, своими соображениями, предложениями реформ, мер по упорядочению общей хозяйственной и земледельческой политики государства; т. е. здесь А. Дониш выступает больше как историк, критик, активный борец. Здесь он обнаруживает свои многосторонние знания в области философии, литературы, астрономии, знакомства с русской культурой и свой богатый жизненный опыт. Это как раз та часть, которая представляет наибольшую цен-

ность для истории Средней Азии в целом и для истории социальной и экономической жизни в эмирате периода завоевания Средней Азии Российским самодержавием — в частности.

Вторая часть произведения отличается широтой охвата всего виденного, яркостью описания, соединенной с большой наблюдательностью, живым интересом к вопросам социальных отношений, к вопросам быта и культуры того времени. Его рассказы подкупают своей непосредственностью и правдивостью. Те критические элементы, которые временами проступают в первой части «Рисола», здесь разворачиваются в полном объеме.

Большое место в этой части «Рисола» занимают описания событий, связанных с присоединением Средней Азии к России, однако конкретной оценки этого факта автор не приводит. У других местных историков об этом говорится обычно мало. Так, например в «Истории Туркестана» Муллы Алим-Махмуда-Ходжи, говорится, что в нападении царских войск на Среднюю Азию был виноват кокандский хан, войска которого неоднократно разоряли принадлежавшие России земли.⁴⁷

В историческом сочинении «Салимова летопись» Мирзы Салим-бека б. Мухаммед Рахима, в котором автор подробно излагает исторические события времени правления эмира Музаффара уже как современник и очевидец, о русском завоевании почти ничего не говорится.⁴⁸

Особый интерес представляет мемуарная литература о царском завоевании, написанная очевидцами. Таков рассказ ташкентца Халим-бая со слов отца, который участвовал в боях против царских войск. Симпатии рассказчика на стороне кокандцев. Ход событий представлен автором довольно объективно.⁴⁹

Показателен и труд «Шохид-и-Икбаль» хивинского историка Мухаммад-Риза Агехи. В нем коротко рассказывается о завоевании царскими войсками Ура-Тюбе, Джизака, Самарканда и Катта-Кургана. Подробно изложены распри между Абдумаликом и его отцом эмиром Музаффаром. Кончается труд изложением событий в Хиве перед русским завоеванием. События доведены до 1872 г.⁵⁰

«Рисола» А. Дониша отличается от упомянутых сочинений его современников прежде всего тем, что события излагаются весьма подробно. Но не только этим. Особенно интересно сравнить «Рисола» с «Та'рих-и Салатин-и мангитийа» Мирзы Абдалазима Сами. А. Дониш даже по сравнению с неофициальной версией Сами выступает как резкий, бес-

пошадный и умелый критик самого эмира и порядков в его государстве, в то время как Сами далек от этого.

Отличает Сами от А. Дониша резко враждебное отношение первого ко всему русскому. Мирза Азим Сами — типичный летописец. Его мало волнуют проблемы государственно-го управления. Исследователь творчества этого историка Л. М. Елифанова писала, что Мирза Сами «нигде не выступал с требованием каких-либо реформ в государственном устройстве бухарского ханства и не предполагал никаких новшеств и переустройств в общественно-политической жизни». ⁵¹ Вот как оценивают эти два автора первые годы правления эмира Музаффар. Сами пишет: «Эмир Музаффар в начале своего царствования [своим] знаменем сделал справедливость и накинуд на себя покрывало щедрости. Эмиров, си-пахов и прочих жителей государства он обладал различными дарами, милостивым отношением, и все сословия людей были ему признательны. Он проявлял похвальный образ действия и [обнаружил] хороший нрав». ⁵²

А вот как пишет Дониш: «Укрепившись на престоле, эмир Музаффар жестоко расправился с теми, кто ратовал за выполнение завещания». ⁵³ Внук, который по завещанию должен был наследовать Насрулло, тоже сбежал и скрылся из Бухары. Эмир уничтожил всех его сыновей и внуков, и ни один из них не смог спастись в какой-либо области. Очень скоро он сместил с должностей вазиров и других высших чиновников, назначенных отцом, конфисковал их имущество и назначил на их места своих верных людей. Войско и народ были недовольны этими действиями эмира». ⁵⁴

В дальнейшем Сами позволяет себе некоторые критические замечания по отношению к эмиру, но тут же с опаской добавляет: «Разумному достаточно намека! Яснее этого сказать невозможно». ⁵⁵

Сами, говоря об эмире, по примеру придворных историографов подбирает льстивые выражения: «Эмир Музаффар не принял этого желания народа в преддверие своего лучезарного сердца» или «Благороднейшее прекрасное сердце эмира...» и т. д. А вот как пишет А. Дониш: «Поскольку эмир Музаффар по своей природе был глуп и ограничен...»; «Во время правления этого неумного и кровожадного эмира...»; «Эмир не кто иной, как развратник и кровожадный тиран...».

Сами главное внимание уделяет подробностям военных действий в войне с русскими и с соседними ханствами, а Дониш дает широкую картину положения дел в эмирате. В своей же недоброжелательности, нелюбви к русским Сами доходит до того, что все то полезное и нужное, что пришло вмес-

те с русскими, он также полностью отрицает. Он считает, что таким мероприятием, как телеграф, железная дорога и пр., следовало оказать сопротивление.⁵⁶

По истории эмира Музаффара и периоду присоединения к России имеется многочисленная литература (документы, воспоминания, записки различных русских чиновников, исторические труды русских авторов): «В гостях у эмира Бухарского» В. В. Крестовского; «Туркестанский край в 1866 г.» П. И. Пашино; «Бухара» И. Т. Пославского. Представляет определенный интерес сравнение характеристики эмира Музаффара, данное А. Донишем, с записками русских авторов, посетивших при этом эмире Бухару. Эти сравнения в целом не противоречат друг другу. Как и любому самому добросовестному историку, А. Донишу присущи иногда небольшие неточности, но они ни в коей степени не имеют характера преднамеренного искажения фактов. Следует особо отметить наличие в «Рисола» большого количества интересных и важных сведений, которые мы не находим у других авторов. К числу таких данных относятся:

1. Подробности о восстании китай-кипчаков.⁵⁷
2. Развернутая экономическая программа, предложенная автором для преобразования экономики страны.
3. Предложения автора по улучшению снабжения водой Бухары и ее окрестностей.⁵⁸
4. Впечатление от поездок в Россию.
5. Описание народных представлений на базарах.
6. Общая оценка бухарского эмирата.

А вот как оценивают это произведение различные исследователи. Составители тазкира, жившие и писавшие одновременно с Ахмадом Донишем и после него, как его доброжелатели (Хашмат, Садр Зиё и Шар'и), так и враждебно настроенные к нему (Афзал, Абди, Мухтарам, отражавшие в своем творчестве отношение сторонников феодально-клерикальной литературы к представителям прогрессивной мысли того времени), хотя в своих тазкира и дают оценку творчества Дониша, но называют только его «Наводир-ул-Вакоеъ» и цитируют его стихи.

Русским и западно-европейским путешественникам, посетившим Среднюю Азию в конце XIX и начале XX вв., исследователям того же времени имя Ахмада Дониша осталось неизвестным. Первые русские и европейские историки Бухарского ханства — Вамбери, Ханыков и др. писали в одно вре-

мя с Ахмадом Донишем, но, по всей видимости, не были с ним знакомы. Даже таким большим знатокам Средней Азии, как В. В. Бартольд и П. П. Иванову этот исторический источник оставался неизвестным.

Е. Э. Бертельс, приведя короткое изложение содержания «Рисола», сознательно воздерживается от комментариев и оценки, считая это делом дальнейших специальных работ. Сам он не успел осуществить своих намерений. И только примерно с 40-х годов этот ценный источник прочно вошел в научную литературу по истории Средней Азии.

Авторы «Истории народов Узбекистана» и профессор А. А. Семенов пользуются «Рисола» как историческим источником. Об «Истории мангитской династии» Ахмада Дониша писали С. У. Улуг-зода, А. М. Мирзоев, Р. Х. Хади-заде, З. Ш. Раджабов, А. Богоутдинов, Б. Гафуров и некоторые другие.

Многие исследователи говорят о большой политической значимости этого произведения и дают ему общую высокую оценку. Так, А. М. Мирзоев пишет: «В этой работе вопрос о реформе правительственных учреждений не ставится, а наоборот, вся работа направлена против эмира и его правительства».⁵⁹ Другой автор, Р. Х. Хади-заде, в предисловии к русскому изданию указывает на то, что «это произведение.. посвящено анализу истории правления Мангитской династии».⁶⁰ А в «Очерках по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР оно характеризуется как едкая сатира на историю правления последней династии бухарских эмиров».⁶¹

Подобным же образом оценивает «Рисола» и З. Раджабов в своей большой работе, посвященной А. Донишу — просветителю: «Рисола» — развернутая критика всей политической системы эмирата».⁶²

Все эти исследователи вполне солидарны в оценке «Рисола» Ахмада Дониша.

Перу А. Дониша принадлежат разнообразные по тематике произведения: «Наводир-ул-вакоъе» — «Редкостные события»⁶³; «Рисола», «Номус-ал-Аъзамъ» («Меъер-ут Тадайюн») — «Критерий веры»⁶⁴; «Ар-рисола фи аъмол ул кура» — «Трактат о пользовании глобусом»⁶⁵; «Мунозир-ул-кавокиб» — «Созерцание звезд». В этих произведениях нашла свое отражение многосторонность дарований Ахмада Дониша, его увлечение литературой, астрономией, географией и мусульманским законоданием.

Проблемам истории и государственного управления посвящены в основном два произведения. Это, во-первых, «Наводир-ул-вакоъ», главной и наиболее значимой частью которого является «Политический трактат», «... ибо он как в отношении времени его составления, так и по своей значимости занимает первое и основное место среди других разделов «Наводир-ул-вакоъ» и, можно сказать, является одной из основных причин, побудивших Ахмада Дониша к составлению всей книги».⁶⁶ И, во-вторых, «Рисола», характеристика которой приводится выше.

Остановимся кратко на «Политическом трактате». Основными вопросами, затронутыми в нем, были реформы в области земельных отношений, предложения по проблеме ирригации, искусственного орошения; и, наконец, одной из главнейших проблем трактата была проблема реформы в области управления страной. Сопоставление этих двух произведений Ахмада Дониша позволяет проследить ту эволюцию, которую прошел А. Дониш в своих политических убеждениях. Идеи, изложенные в политическом трактате, являются первым этапом на этом пути. В «Трактате» А. Дониш говорит о том, каким должен быть эмир (праведным справедливым судьей, вежливым и внимательным к подданным, быть скромным в еде, одежде, образе жизни). А в «Рисола» он показывает, что реальный эмир не отвечает ни единому из этих требований: эмир — угнетатель, жестокий деспот, грубый и беспощадный даже со своими ближайшими царедворцами, развратен и неводержан. Именно из-за его неразумности и неспособности и произошел упадок в стране. Отсюда делается вывод, что единственный выход — это «отстранять их от власти по несколько раз в час».⁶⁷

В «Трактате» А. Дониш выступает против неограниченной власти монарха, предлагая создать государственный совет.

«Таким образом, предложенная Донишем реформа сводилась к превращению Бухарского эмирата из феодальной деспотии в «просвещенную конституционную монархию».⁶⁸

На втором этапе своего творческого пути при написании «Рисола» А. Дониш уже не ограничивается реформами, а, изобразив эмира и эмират в ярких сатирических красках, говорит своим читателям о том, что уже никакие реформы тут не помогут и что только ниспровержение всей династии мангитов сможет улучшить жизнь народа. «В глазах А. Дониша мангитские эмиры несправедливы, и они обречены на неизбежную гибель».⁶⁹

А. М. Мирзоев высказывает предположение, что «Наводир-ул-вакоеъ» написана, как фон для маскировки политического трактата.⁷⁰

Возможно, что этот трактат на фоне исторических событий должен был показать также всю никчемность и нежизнеспособность существующей мангитской династии эмиров.

«Краткая история мангитских эмиров Бухары» и «Наводир-ул-вакоеъ» с его «Политическим трактатом» позволяют говорить об А. Донише не только как о литературе, поэте и просветителе, но и как об историке, политическом мыслителе.

Для того, чтобы правильно оценить А. Дониша как историка, разобраться в его слабых и сильных сторонах, необходимо учитывать двойное влияние, которое он испытывал. С одной стороны, это были многовековые идеологические традиции Бухарского эмирата и всей культуры Востока, а с другой, — культура России.

Именно об этом писал А. М. Мирзоев: «... следовательно его (А. Дониша) научно-литературное наследие нужно изучать в связи с историей развития мысли и общественно-политической жизни этих двух государств (России и Средней Азии)». ⁷¹

Рассмотрим конкретно, в чем заключались и как отразились на идеологии А. Дониша оба эти влияния. Что это за восточные традиции? В восточной историографии еще со второй половины X в. существует особая концепция, заключающаяся в моральном, воспитательном значении изучения истории. Особенно ярко эта идея выражена в труде Ибн Мискавейха, который считал, что опыт истории должен служить руководством для государственных деятелей. Такую же задачу поставил себе автор Сиасет-намэ и многие другие. Ахмад Дониш также придает большое значение воспитательному значению своего исторического труда. В предисловии к «Краткой истории мангитских эмиров Бухары» он пишет: «Мы коротко и сокращенно расскажем о том, что произошло прогрессивного и реакционного в делах религии и государств со времени его (эмира Шахмурада. — И. Н.) правления и приблизительно до 1300 г. (т. е. до 1882-1883 гг. — И. Н.).

Во-первых, о его похвальных свойствах, потом о характерных чертах его благородных потомков, чтобы они стали примерами для правителей этой страны, которые впоследст-

вии станут преемниками этой династии, чтобы следовали они по пути согласия с тем, что правильно». ⁷²

Из сказанного ясно, что из первых мангитских эмиров фигура Шах-Мурада представляется ему достойной подражания: «Но обновитель, подобный эмиру Маъсуму Шах-Мураду, не выдвинулся в эпоху ислама. И если его прозвали Омаром вторым, то это вполне заслуженно и указывает на его добродетели и доблестные деяния». ⁷³

Достаточно традиционным является представление А. Дониша о том, что каждое столетие, пятисотлетие и тысячелетие появляются обновители (духовные вожди), благодаря которым в истории религии наблюдается подъем и процветание. Он приводит примеры из истории. Обновителем восьмого столетия хиджры был, по его подсчетам, Тимур, а обновителем двенадцатого столетия — эмир Шах-Мурад. ⁷⁴

К влиянию древних традиций Востока можно отнести и представление Ахмада Дониша о значении звезд в судьбах людей. Так, по поводу вступления на престол эмира Хусейна он пишет: «Его восшествие совпало с неблагоприятным сочетанием созвездий.

... И действительно, он недолго царствовал и скончался спустя два месяца и четырнадцать дней после восшествия». ⁷⁵

Что же касается всего того нового, передового, прогрессивного, что было связано, во-первых, с особенностью политического и экономического положения страны во второй половине XIX в. и, во-вторых, с влиянием передовой русской культуры, то именно благодаря всему этому мы и находим в «Краткой истории мангитских эмиров Бухары» его беспощадную критику внешней и внутренней политики эмиров Музаффера и Абдалахада, его большой интерес к социально-экономическому положению страны и многочисленные предложения реформ, направленных на то, чтобы вывести страну из состояния экономической отсталости.

Обострение классовой борьбы, влияние прогрессивной русской культуры в Средней Азии в конце XIX в. явились основанием, на котором зародилась общественная мысль, направленная против феодальной и буржуазно-националистической идеологии.

Самым замечательным представителем прогрессивной общественной мысли народов Средней Азии этого периода был Ахмад Дониш. Ахмад Дониш — фигура яркая, многосторонняя, талантливая. Он сочетал в одном лице врача, поэта, музыканта, художника, астронома, ученого и каллиграфа. Своей деятельностью он оставил глубокий след как в области

просветительных идей, так и в области литературы и истории.

Когда говорят о просветительстве в Средней Азии, Ахмада Дониша называют его основателем и выдающимся пропагандистом, а оценивая его литературную деятельность, называют «отцом» новой таджикской литературы.

Как историк, А. Дониш ушел далеко вперед не только по сравнению со многими предшественниками, но намного опередил и своих современников. Основные исторические произведения того времени писались, как правило, в соответствии с требованиями официальной историографии. События изображаются в них в лыстивой, угодливой форме, безо всякого анализа экономического и политического положения в стране и тем более без малейшей критики.

Ахмад Дониш выступает как историк, активно вмешивающийся в политические дела своей страны. Он в своем произведении дает острую и беспощадную сатиру на историю правления мангитских эмиров Бухары. Существенным моментом, который выдвигает А. Дониша на совершенно особое место среди других историков, его современников, является тот вывод, к которому он приходит в своей «Рисола»: убеждение в неизбежном падении этой династии. Целый ряд важных данных, содержащихся в труде, проливают новый свет на многие исторические события.

Имеются в этом произведении и слабые моменты, свидетельствующие о некотором идеализме взглядов автора; но, учитывая воспитание и окружающую обстановку, они вполне объяснимы и нисколько не умаляют больших его достоинств.

В обстановке отсталой средневековой Бухары, когда еще так сильны были феодально-клерикальные силы общества, которые стремились сохранить в неприкосновенности патриархально-феодальные устои в общественной жизни и противились какому бы то ни было прогрессу, Ахмад Дониш смело выступил с новыми политическими убеждениями, ломая старые традиции официальной историографии, и заложил основы нового прогрессивного направления в общественной мысли своего времени.

ВСТУПЛЕНИЕ

И на тебя полагаюсь я, о Аллах, и поверяю тебе себя.

От проницательности обладателей мудрости из [числа] предводителей религии и знатоков [священной] книги не скрыто, что Владыка вселенной, Всевышний и Всесвятой, создав этот мир, украсил его различными редкостными дарами и многообразными удивительными характерами, дабы тем показать степени своего могущества обитателям верхних и низших разрядов.¹

[Однако] для окончательного завершения творений своего могущества [Владыке вселенной] необходимы многие годы и непрерывные столетия. И еще условием [этого окончательного завершения творений явилось то], чтобы мир в это время был процветающим, [и только при этом условии] в нем сможет что-либо обнаружиться, чтобы люди, являющиеся зачинателями процветания, могли бы в нем [в этом мире] существовать. Процветание мира зависело и от других причин.

Что касается упорядочения важных дел государства, то личное занятие ими могущественным государем противоречит его величию и могуществу. Посредники и исполнители должны завершить дела государства в соответствии с пожеланиями² султана, [согласно изречению]: «Да делают они то, что им приказано».³ Точно так же и он [Аллах], Всевышний и Всесвятой, владеющий совершенной наукой и исполненный могущества после того, как положил перед собой скрижали [судеб]⁴ поверхности земли, чтобы на них начертать письма новшеств и изобретений, и для оберегания этой пыльной доски [земли] распростер вокруг нее небесный свод. Он над каждой из подвижных звезд назначил полномочного представителя, чтобы тот извне доставлял средства для ее устойчивости и продолжительного существования. А на [землю] он поместил человека, дабы тот извлек наружу то, что заложено внутри нее [земли], и дабы он очищал ее от повреждений и изъянов и чтобы заботился о ее процветании.

И точно так же запустение поверхности [земли] обнаруживает нарушение порядка, [а] постоянное процветание [порождает] недостаток и распад.

Далее совершенная мудрость миродержца, Всевышнего и Всесвятого, решила так, чтобы процветание мира сменялось упадком, так как если постоянно будет продолжаться процветание, если не будет смерти и разрушений, если не случится голода и затруднений, тогда общество разрастется настолько, что для него окажутся недостаточными продукты земли. Даже сама земля не принесет урожая. Вся она будет вытоптана копытами овец, лошадей и других животных. Больше того: никакие животные не смогут [на земле] жить.

Разложение людей породит всеобщую эпидемию, тогда ничто живое в мире не сможет существовать.

А если точно так же будет продолжаться запустение, само собой понятно, что ничто существовать не будет. Ничто не появится. И этот мир не будет тем, что он есть.

Даже небытие исчезнет.

Причинами процветания являются жизнь, вода и справедливость, а причинами упадка — смерть, отсутствие воды и тирания.

Связь этого всего с высшим миром осуществляют шесть светил. Бытие является результатом свойств Солнца, Вены, Юпитера.⁵

Небытие же зависит от влияния Марса, Сатурна и Луны. Меркурий является помощником каждому из них [т. е. он помогает каждой планете] в том влиянии, которое определяется свойствами данной планеты.

[Свойством] Меркурия, когда он находится в сфере наблюдения, [является] усиливать и ослаблять.

Точно так же и градусы знаков зодиака:⁶ они имеют полное касательство к сфере вреда и благополучия. И когда эти светила находятся на определенных градусах, то и влияние их или увеличивается, или уменьшается.

И вседержитель мира, Всевышний и Всесвятой в своей великой мудрости, сделал божественное предопределение, что когда положение планеты в небесных сферах и среди созвездий примет [определенную] форму и войдет в [такой-то] знак и градус, то мир будет тысячу лет процветать. Если же они примут другую форму и [положение в других градусах], то мир будет в течение тысячи лет в упадке.

При одном расположении звезд предполагается пятьсот лет разрухи, а при другом — пятьсот лет процветания; при других формах расположения может быть сто лет разрухи и сто лет процветания.

И еще он предопределил, чтобы за это время расположение этих звезд и движение их в созвездиях усиливалось и уменьшалось и чтобы степени разрушения и процветания увеличивались и уменьшались таким образом, дабы процветание не охватило целый мир или чтобы полная разруха не уничтожила совсем пространства всего сущего.

Предположим, мы установили, что на определенное число положение [звезд] на небе и в созвездиях было связано с положением Меркурия, влияние которого распространяется на тысячу лет в [деле] процветания мира, изобилия справедливости и добрых дел.

Подобным же образом расположение [звезд] на небе и в созвездиях связано с положением Сатурна, влияние которого приносит миру, разрушение, ущерб и убытки на протяжении тысячи лет. Невероятно, чтобы второй порядок расположения аннулировал первый, так как [этот порядок расположения звезд] ежечасно изменяется вследствие их [звезд] движения, предначертанного и намеренного⁷.

Точно так же и движение других созвездий. Если предположим, что Марс был [вместе] с Сатурном, то злосчастие каждого из двух испортит все счастье Юпитера, уничтожит его влияние. Однако снова через небольшой промежуток времени Венера становится помощником Юпитера, препятствует злосчастью Сатурна и аннулирует его влияние потому, что в это же время Марс уходит от Сатурна.

Как видно из этого предисловия, процветание и запустение следует одно за другим, являясь сутью [судьбы] мира и жителей его в течение периода до тысячи лет, причем они [могут длиться по] двадцать, сорок, сто и двести лет.

В этом смысле астрологи употребляют свои термины в отношении движения, расхождения и сближения звезд и их периодов. Так они говорят: период Сатурна, период Юпитера.

И как результат влияния этих движений, расхождений и сближений, приблизительно в каждое тысячелетие или столетие истории мира появляются благочестивые и набожные лица из могущественных государей и великих ученых в каждой религии и оживляют ее. Их называют обновителями тысячелетий и обновителями столетий.

По убеждению правоверных мусульман, совсем не обязательно, чтобы обновитель был единственным или [наоборот] чтобы обновитель появлялся во всех городах, или чтобы исключительно был среди мусульман. Если бы мы утверждали, что только в [различных] толках ислама [появляется обновитель], то это противоречило бы очевидности, так как [обнови-

тели] иногда появляются в религии христиан, огнепоклонников и шиитов, несмотря на ложность их учений.

И, несомненно, оживление веры и религии связано с учеными каждой религии, а сладость и немощь ее [веры] также связана с учеными каждой религии. Также существование каждой религии до predeterminedенного часа вытекает из обязательной премудрости. И даже существование неверия также [вызвано] необходимостью.

Таким образом, процветание мира связано как с неверием, так и с верой.

Ведь бывает и так, что результатом веры становится удаление от [общества]—отшельничество и тому подобное, а это не имеет никакого отношения к процветанию. И этот одиночка, побыв немного в горах, в пещере, там же кончает и свою жизнь.

Иное дело — неверие, суть которого зиждется на небрежении к истине и на отказе от дня воскресения, что является причиной застройки и возделывания земли.

В мире веры неверные неизбежны.

«Если бы [Аллах] захотел, то повел бы вас всех прямым путем»⁸.

Этот обновитель тысячелетия и столетия появлялся как в исламе, так и еще и до ислама. [И он, обновитель, предназначен] для наставления на путь истины, которая является твердой верой Ибрагима⁹ — высочайшего из них пророков, — да будет мир над ним! И от него до святого отца человечества — Адама, — да будет мир над ним! — и приблизительно каждое столетие или тысячеление—больше или меньше—был ниспослан пророк. [И так они, пророки] проповедовали шариат и божественную истину, пока [появился] его высочество убежище печати [Мухаммад], — да благословит его Аллах и да приветствует!

И после того, как завершилась цепь пророчества с появлением печати пророков,¹⁰ — да будет молитва Аллаха и мир над ним! — около начала тысячелетий и столетий среди мусульман появились люди набожные и религиозные и установили порядок в предписаниях божественной истины; [они же] исправили те ереси и недостатки, которые вошли в истинную веру. Шариат божественной истины находился под влиянием Юпитера и Меркурия, а Венера являлась его [шариата] помощником. Сама же религия — ислам — сделала влияние планет более полным.

А во время Моисея — собеседника [бога], — да благословит его господь! — помощником был Сатурн, что явилось причиной победы сынов Израиля над фараонами.¹¹

И он подчинил себе ложные религии: правильный путь — единственный путь.

[И противоречия в религиях существуют по причине разногласий наставников].

[Ведь] различие в напитках [зависит] от различия [приемливаемых] сладостей.

Если скажешь, что правильный путь, это истинная вера ислама, согласно изречению: «Истина всегда берет верх и ее не одолеть» и что следует, чтобы была одержана победа над всеми другими верованиями, то мы скажем, что это не нужно. так как если эта вера всегда будет победительницей и если все религии будут угнетены и покорены, то тогда люди праведные и люди грешные, виновные не выявятся. Мир наполнится правдой, справедливостью, доверием, а свойства всепрощения и отомщения не будут различаться.

Далее: слабость этой веры происходит от полноты ее величия, так как вознаграждение за дела при слабости дается вдвойне, а при преобладании силы — в один раз. [Благодаря этому свойству], люди этой религии в день воздания будут чтимы и прославляемы среди других религий. Это в противоположность [людям] прежних религий, которые в период слабости большей частью отрекались от веры и становились поклонниками Тельца и идолопоклонниками; что касается слабости и расстройств отдельной личности, то это не должно считаться унижительным и презренным и не является необходимостью.

Разве не видишь, что зажиточный крестьянин, имеющий много посевов и засевающий различные сорта овощей, каждому из них для выращивания по очереди дает воду в такой последовательности: овощ, которому вначале подавалась вода, вторично она подается [только] через пятнадцать дней, в зависимости от обилия посаженного. За это время засеянный участок дает много всходов, на нем же появляется и много сорняков. И дело приближается к тому, что овощи погибнут и задержатся в своем росте. Крестьянин вырывает все сорняки и этим посевам снова дает воду [до полного их созревания].

А неустройство происходит тогда, когда крестьянин не уделяет внимания [этим посевам]. Но пусть никто не подумает, что этот участок заброшен хозяином и что он нежелателен и неприятен для него.

И точно так же он, Всевышний и Всесвятой, поступает согласно словам: «Каждый день он за делом».¹²

Так, Венере он дал силу и влияние для того, чтобы для всех видов и родов [творений] мира бытия она завершила сто ты-

ся важных [деяний], чтобы внести в дела веры столько то чистоты и опрятности, столько то чистоты и блеска в драгоценные камни рудников, столько то красоты [и] нежности самкам и самцам, столько то красок и ароматов цветам и растениям, столько то тонкости пению и музыке. Собственно, каждому из них необходимо выделить определенные сроки.

Разве не видишь, что из добываемых в рудниках драгоценных камней годами наблюдается [спрос] на один из сортов, а потом [спрос] прекращается и начинается [спрос] на другой?

И точно так же цветы и трава, музыка и пение. С течением времени вкус меняется; и то, что ранее [нравилось], оставляется и заменяется другим. Меняются обстоятельства, которые постепенно развивают элементы этих видов из года в год, из месяца в месяц, из дня в день.

Иначе говоря, составные части и органы их то уменьшаются, то увеличиваются по решению времени и эпохи.

Его [время] на языке шариата называют Малак, а на философском языке — «господин видов».

Затем, тот период, который мы рассматриваем как [время] расстройства, подобен очередному перерыву в подаче воды на посевах крестьянина. Смысл тот, что мы живем во времени и пространстве. А срок, который мы считаем в двадцать или пятьдесят лет, для божественного летоисчисления длится всего одно мгновение.

А обновители тысячелетий и столетий в этом мире следуют один за другим без перерыва.

Больше того, начало одной эры идет непосредственно вслед за другой. И когда отдельные даты мира приближаются к тысяче или сотне, среди мусульман обязательно появляется личность со свойствами Юпитера, Меркурия и Венеры, которые очищают религию и веру. [И одновременно] с теми же свойствами выдвигаются государи им послушные и помогающие им люди.

Точно так же в каждой религии появляются личности в роли предводителя каждой религии, которые вводят упорядочение в дела своей веры. А если глубже посмотришь, то обнаружишь появление обновителя в каждой профессии и в каждом искусстве, но обычно человек на это не обращает внимания.

Разве не видишь ты, что в течение нескольких лет среди людей распространяется интерес к звездам, и они ими занимаются? Затем несколько лет [преобладает интерес к] пению и музыке, затем — к играм и забавам. Потом на несколько

лет все это забрасывается и оставляется. То же наблюдается в торговле и земледелии. И после появления обновителя, если он был господином тысячелетия, в развитии этой религии до пятисот лет наблюдается прогресс, а другие пятьсот лет проходят в упадке.

А если этот обновитель был господином столетия, то пятьдесят лет прогресса укрепят опору этой религии, а другие пятьдесят лет пройдут в регрессе. И весь прогресс и упадок в первые пятьсот [лет] будет лучше, чем в остальные пятьсот.

[Здесь] для нас не важно установить всех обновителей тысячелетий и столетий. И тот, кто захочет, может это выяснить из «Тузук-и Тимури».¹³

Сам эмир Тимур Куракани¹⁴ явился обновителем весьмого столетия. И после него в каждой мусульманской стране появлялся обновитель: Султан Хусейн Мирза Байкара примерно в девятом столетии выдвинулся в Герате, а эмир Абдулла-хан — в начале тысячелетия в Бухаре; в одиннадцатом столетии — Сейид Субханкулихан, а в двенадцатом столетии — покойный господин эмир Ма'сум, т. е. эмир Шах-мурад.¹⁵

В одно время с этими обновителями были наиболее знающие ученые, выдвинувшиеся в государствах Мавераннахара. Также и в других мусульманских странах среди падишахов и ученых появлялся обновитель. Например, в Индии — Аурангзеб, Шах-Джехан и шейхи — их современники.¹⁶

Но обновитель, подобный эмиру Ма'суму Шах-Мураду, не выдвинулся в эпоху ислама. И если его прозвали вторым Омаром,¹⁷ то это вполне заслуженно и указывает на его добродетели и доблестные деяния. [И этих достоинств] не было даже у Омара [сына] Абдал-Азиза.¹⁸ Он полностью обладал справедливостью Омара — фарука¹⁹ и простотой Сулеймана.²⁰ И он украсил ковер эмирства одеждой бедняка. Он вырвал корень зла и вражды из сада мира и возлелеял саженьцы справедливости и милосердия.

Мы коротко и сокращенно расскажем о том, что произошло прогрессивного и реакционного в делах религии и государства со времени его правления и приблизительно до 1300 г.

Во-первых, об образцах его похвальных свойств, потом о качествах его благородных потомков, дабы они были примерами для правителей этой страны, которые впоследствии станут преемниками этой династии, и чтобы следовали они по пути согласия с тем, что правильно. А уклонение от того,

что расстраивает [дела] правления и путь согласия с тем, что правильно, — считали бы для себя обязательным.

Далее, порядок управления должен соответствовать времени и месту.

Повторим: тот, кто осуществляет [власть] на весах справедливости и правосудия и тем делает процветающими свою религию и жизнь в этом мире, [тот] этим заслужит благоденствия в своей будущей жизни. «И мир тому, кто последовал за их водительством».²¹

Беспорядки в эмирате при эмире²² Данияле²³ и система управления эмира Шах-Мурада

Знай, что в дни правления эмира Данияла в столице эмирата Бухаре имел место явный разлад в делах государства и религии. В большинстве медресе²⁴ и мечетях прекратились занятия и совершение намазов.²⁵

Худжры²⁶ медресе стали стойлами осла водоноса и местом для зерна бакалейщика. Причиной такого [порядка] и бессистемности правления было вмешательство узбеков²⁷ в дела государства. Каждый объявлял себя владельцем и хозяином всего того, что бы и где бы он ни находил. Украд огонь из лампы вдовы и хлеб из кладовой вакфов,²⁸ они все обращали в пользу [своего] живота и на свои потребности. И ни у кого не было мужества привлечь их к ответу. Вино и азартные игры, разврат и распутство были широко распространены среди эмиров и хакимов.²⁹ А бедняки и подданные³⁰ не имели возможности пошевелиться или спокойно вздохнуть от чрезмерного насилия и угнетения, от олука и солуга³¹, подобных аминона³² и вакилона³³; и хотя сумма, полагающаяся по брачному договору, была низка, но поборы казия³⁴ за совершение брака высоки. Например: наличный махр³⁵ составлял десять дирхемов³⁶, а плата казию за заключение брачного договора — десять динаров³⁷ и один ман³⁸ пшеницы, стоимостью в десять танга³⁹, плата за пользование весами — пятнадцать танга и тому подобное.

И на большинство постов в эмирате были назначены сыновья эмира Данияла,⁴⁰ которые открыто распутничали и развратничали. Вазират в Бухаре был в полном подчинении Давлят кушбеги⁴¹ — человека развратного и дерзкого кровопийцы. Должность главного казия была в руках казия Низамаддина, который хотя и происходил от великих сейидов,⁴² открыто курил табак,⁴³ пил вино, был насильником и взяточником. Сам же эмир Даниял ослабел от старости и был неспособен навести порядок в государственных делах.

В конце концов, управление важнейшими государственными делами он передал своим потомкам, дядьям и эмирам. И он оставался в неведении как относительно подъемов и упадка [в делах государства], так и относительно справедливости и насилия. Всеми предписаниями и ограничениями шариата пренебрегали и их не выполняли. И никто не обращал внимания на крики угнетаемых о помощи.

В это время эмир Ма'сум⁴⁴ был еще малолетним [ребенком]. Когда же он стал взрослым, то [не смог] примириться со всеми этими беспорядками и неустройством.

Множественно, приходя к отцу, он жаловался на своих высокопоставленных братьев и сановных правителей: «Такой-то распорядился таким образом, а такой-то проявил жестокость. Ограничивать и сдерживать их является насущной потребностью государства и веры». [Он заявлял также, что] положение бедняков дошло до предела и что государство на грани полной разрухи.

Однако то ли эти речи не доходили до слуха эмира Дани-яла, то ли он боялся правителей и сыновей, — [положение в государстве не изменилось]. Поскольку в натуре у сына эмира от природы было нечто от промысла Божьего, он доложил отцу, что у него нет сил слышать и видеть насилия, которые происходят в этом государстве, и что он уйдет в медресе, чтобы заняться изучением наук. Сказав это, он отправился в медресе, занялся науками, подвергал себя мучительным испытаниям, а посещение двора насилия он сделал для себя запретным. Он вступил в круг простых людей и избрал для себя наставником одного из шейхов⁴⁵ того времени. Благодаря природным способностям, он за короткое время изучил все необходимое [по вопросам] веры, а также в достаточной мере приобщился к пути суфиев.⁴⁶ Он предельно ограничил себя в еде. Так, для своего пропитания он у своего пира⁴⁷ брал полмана пшеницы с тем, чтобы вернуть после получения зерна с наследственного [урожая].

Однажды слуга царевича, мальчик по имени Давлат, получив пшеницу, стал [тщательно] ногтями собирать просыпавшиеся зерна. В это время вышедший шейх спросил: «Кто ты такой и что тут делаешь?» Он ответил: «Я слуга царевича, пришел взять в долг пшеницы и теперь собираю просыпавшееся». Шейх был в хорошем расположении духа. Он похвалил слугу и сказал: «Выполняй работу царевича от чистого сердца, — тогда и ты, и твои потомки будете вазирами и управителями при нем и его наследниках до тех пор, пока они будут пользоваться властью». Слуга, вернувшись, передал этот разговор царевичу. Тот [в ответ] прочел благодар-

ственную молитву, сказав: «Да не окажутся слова моего пира ложными».

Итак, вскоре бесчинства узбеков перешли всякие границы, а бесконечные вопли народа наконец дошли до слуха эмира Данияла. Он кого-то уговорил пойти к царевичу [и сказать ему]: «Я, [мол], состарился, пусть придет и примет мое благословение. Хватит тех наук, что он уже изучил. [Пусть] в качестве наместника от моего имени решает важнейшие государственные дела и исполняет предписания ша-риата».

Царевич согласился при условии, что никто не должен препятствовать всему, что он самостоятельно будет делать для блага веры и государства, и прибыл во дворец отца. Он сам передавал на подпись большую часть важнейших дел, касающихся войска⁴⁸ и подданных; и в отдельных случаях, когда из-за вмешательства казия или вазира он не мог решать тот или иной вопрос, он решал дело приказом отца. Сам же он разбирал дела и жалобы народа в бухарском арке,⁴⁹ а иногда и у себя во дворе у бухарского минарета.⁵⁰ Большую часть времени он постился, а разговлялся сухим хлебом и холодной водой. Находясь у власти, он понял, что все зло происходит в большинстве случаев из-за малодушия суждений вазира и из-за многочисленных притеснений судьи. Однажды после выполнения обязанностей, [связанных] со всеобщим приемом⁵¹ и большим собранием во дворце, он поместил отца на трон, а сам вместе с пятью — шестью приближенными спрятался у ворот арка на тупчихона. В тот момент, когда судья Низам намеревался сесть верхом на лошадь, царевич проворно выскочил из засады и, распоров ему грудь кинжалом до пупа, отправил к праотцам. Одна нога судьи осталась в стремени, а другая на земле. Царевич приказал бросить его труп на Джилавхана⁵² под ноги лошадям. В обращении к народу указывалось, что ради справедливости имущество и собственность судьи Низама должно быть разграблено. Кто бы что ни взял — [все] будет принадлежать ему.

В это время правители, сейиды, главы племен возвращались из дворца. У того, кто от природы был злым и развратным, ослаб корень жизни; и все тело охватил озноб и дрожь, когда они узнали обо всем случившемся.

Вскоре он пригласил к себе вазира с группой знатных лиц под предлогом угощения. Несколько своих людей он поставил в прихожей с тем, чтобы когда он воскликнет: «Бейте!» — они незамедлительно должны [были] войти и убить вазира. Во время беседы, которая длилась около часа, царевич [об-

ратил внимание] на инкрустированный и украшенный драгоценными камнями нож,⁵³ висевший на поясе у вазира: «Отец, Ваш нож выглядит очень дорогим. Можно сказать, что такого ножа нет у эмиров всего государства». Вазир ответил: «Да! Когда этот нож попал ко мне из дворца, он уже был покрыт драгоценными камнями, а я еще дополнительно украсил его жемчугом и другими драгоценностями». Царевич сказал: «Когда смотришь на него, зрение становится более острым». Вазир тотчас же вытащил нож и положил его перед царевичем. Тот развлекался им и рассматривал его целый час. Затем он поднялся, чтобы самому отнестись и положить нож перед стариком [якобы для того], чтобы не утруждать его. Вазир тоже поднялся, отвечая вежливостью, чтобы не беспокоить царевича. Оба дошли до середины зала собрания — и тут царевич распорол живот его ножом, так что весь ковер покрылся алой кровью. [Затем] приказал: «Добейте же этого грязного человека и бросьте на улицу!» Вошли слуги с обнаженными мечами, разрезали труп на части и вытащили наружу. И тут же движимое и недвижимое имущество стало добычей тех, кого он [вазир] притеснял.

После этого никто из насильников и распутников не осмеливался задирать голову. Постепенно ведущие посты государства он поручил подходящим людям. Братьев же заставил довольствоваться средствами на ежедневное пропитание. Поскольку сам он был человеком богобоязненным, его самого боялись от мала до велика. И никто не осмеливался перечить его приказам, как велению неизбежного рока. Его решения стали непререкаемыми, как решения судьбы. Несмотря на то, что отец был жив и потому царевич еще не стал единодержавным правителем на троне, все улемы,⁵⁴ сейиды, эмиры и хакимы стали послушны его приказам и повелениям.

Однажды [дело было на площади медресе Кукельташ] сын господина домуллы Каландар-джан ахунда⁵⁵ беседовал с учениками. Один из них проголодался и хотел купить хлеба у продавца-мальчика, а тот не дал, сказав, что хлеб этот слишком дорог и что этот хлеб не для муллы. Сын ахунда, услышав это оскорбление, обратился к ученикам: «Бейте эту собаку, он кафир». Молодые муллы набросились на продавца, и каждый стукнул его кулаком и толкнул ногой. Хлеб его разграбили, а продавца хлеба с «поля битвы» унесли мертвым. Отец его [мальчика] обратился с жалобой к царевичу, что, мол, сегодня сын господина Муллы Каландар ахунда убил моего сына, не сказав истинной причины. Царевич приказал слуге, чтобы сына ахунда с унижением доставили для допроса. Посланный пошел и [застал] молодого господина бе-

сидящим с большим скоплением людей на площади Кукельташ, но он не решался сказать ему ни слова. [Потом] вошел и доложил ахунду: «Свет очей господина убил продавца-мальчика, а его отец пожаловался тюре.⁵⁶ Мне же приказано привести Вашего сына, но я не смог ни слова ему сказать. Я боялся, что если и скажу, то он пошлет меня вслед за продавцом хлеба. Разобраться в этом деле следует Вам».

Ахунд, услышав об этом, несколько не изменился в лице. Он сказал группе мулл: «Идите и сделайте так, как этого хочет посланный, чтобы [царевич] смог утолить свой гнев». И стал продолжать занятия. Муллы пошли и дали знать господину.

«Он мне сам сдался и мы вместе пошли», — [продолжал посланный]. Ученики поняли, что сын господина идет к тюре. Они подняли шум и сказали: «Мы не хотим, чтобы молодой господин пешком вошел в дом притеснения». Привели лошадь и посадили его верхом, а сами пошли рядом у его стремени. Пока молодой господин доехал до минарета, чтобы войти во двор тюри, собралось около двух-трех тысяч учеников. Я быстрее выбрался из этой толпы, пошел к наследнику и рассказал о положении дел. Царевич в смущении выбежал наружу. В это время молодой господин еще не успел сойти с лошади и таким образом доехал до михман-хоны на площади, а ученики также подошли туда всем скопом. Царевич, подняв руки, с полной предупредительностью подошел к молодому господину и спросил об обстоятельствах убийства. Сын ахунда рассказал: «Он унизил науку и людей науки, что то же самое, как если бы саму веру. И потому я приказал: бейте и гоните. Он не нашел пути к спасению. От ударов друзей наших он умер. Теперь любое Ваше наказание будет правильным!» Царевич обратился к истцу: «Твой сын заслужил смерть и его следовало забросать камнями и сжечь. Мы от имени господина дадим тебе триста танга мировых. Ты откажись от своей жалобы, ибо если бы твоего сына тогда сюда привели, мы бы сбросили его с минарета». Жалобщик ответил: «Я и так, даром уйду». Царевич велел дать триста танга вместе с сарупо⁵⁷ и, попросив извинения у махдума, сделал несколько шагов у его стремени.

Его высочество, эмир Хайдар⁵⁸ покойный, был старшим сыном эмира Ма'сума. Он постоянно находился вместе с учеными того времени. И в его время этот господин был одним из авторитетных ученых. Всегда, когда он бывал в присутствии эмира, он говорил речи без стеснения. Эмир Хайдар однажды сказал об этом одному из приближенных, что такой-то господин очень возгордился и не соблюдает правил

приличия в собраниях и беседах с учеными. Он развязно разговаривает, размахивая руками. Тот ответил, что, чтобы ни делал господин, все оказывается к месту. И все ученые этого времени были его или его отца учениками, если будет высочайшее разрешение, то у меня есть подобающий случаю рассказ и я его поведаю в честь господина.

Эмир приказал: «Давай то, что имеешь!» Тогда он рассказал следующее: «Это я выполнял это дело и был участником в этом событии.⁵⁹ А выше высочество, равный кибле, изволили таким образом пройтись и прислужить у стремени господина, пока жалобе не был положен конец».

В то время эмир Хайдар все это прощал господину, не проявляя [неудовольствия].

Из сказанного видно, насколько в то время наука и ее служители были на подъеме, а также насколько твердыми были тогда мнения улемов и государей. В общем, эмир Ма'сум в то время, когда он еще был царевичем, в [период] правления своего отца снял с плеч народа бремя добавочных поборов, всяких новых налогов, олук и солук,⁶⁰ стал источником справедливости и добрых деяний. Он поразил большинство врагов веры и государства. В мечети он назначал имамов⁶¹ и муэззинов⁶², в обители — шейхов, а в медресе — мударрисов.⁶³ Потерявшие силу вакфы он восстановил, велел возобновить их грамоты и написал указы на камне, чтобы впредь правители Бухары не взымали с крестьян олук и солук и путем взяток и лихоимства ничего не брали за пользование мерами и весами, не брали бы взяток и не обмеряли. А если кто-нибудь так сделает, — да будет «над ним проклятие Аллаха и всех ангелов и людей!»⁶⁴.

Этот камень с каллиграфической надписью был укреплен в айване⁶⁵ у купольного зала большой пятничной мечети.

В 1198 г. хиджры⁶⁶, после ухода отца в вечный мир, он вступил на бухарский трон. Был устроен прием и угощение для знати, улемов и народа. Он установил новые порядки в управлении государством и племенами.⁶⁷ И все племена и вилайеты стали послушны ему и покорны. С целью священной войны несколько раз совершил походы до Тегерана.⁶⁸ Он заставил просить о пощаде шиитов, подвергая их каждый раз убийству и грабежу. Наконец, удовлетворившись этими делами, он встал на путь послушания творцу мира Всевышнему.

Я не знаю, во сне ли я видел [так] или слышал от одного улема, как однажды в конце путешествия по дороге он сказал одному из своих приближенных: «Мы на путях священной войны жизнь свою погубили. Теперь выяснили, что ниче-

го не сделали». Ни у кого не было смелости вступить в разговор, чтобы уяснить значение этих слов: «Почему он ска- зал эти слова?»

Эмир Ма'сум правил семнадцать лет.

12 раджаба в пятницу 1215 г. хиджры⁶⁹ он простился с бранным миром. Его благородная жизнь длилась пятьдесят два года. Родился он в 1163 г.⁷⁰ Его достоинства и доблестные деяния должны быть записаны в отдельной книге. Ограничимся записью двух-трех удивительных рассказов о его благородном поведении.

На празднике обрезания эмира Хайдара присутствовало несколько человек улемов, как например, домулло Айяз и домулло Иса. Принесли в деревянной миске шурпо, в которое были брошены различные овощи, чашу воды и хлеб. Мастер, совершивший обрезание, после окончания обрезания попросил разрешение уйти. Эмир произнес длинную молитву в его честь и сказал: «Потерпи, я для тебя постараюсь и что-нибудь найду и дам, чтобы не уходил с пустыми руками», — и пошел в урду.⁷¹ После долгого отсутствия он, наконец, прибыл, держа в руке горсть хлопка. Отдал это мастеру, не найдя ничего более для расплаты из разрешенного имущества: «Женщины делают из него пряжу для моей одежды».

Еще рассказывали. Однажды на Регистан Бухары принесли свежие дыни. Но у него не было денег, чтобы купить одну дыню. Тогда он, не задумываясь, снял свой кулах⁷² и [сказал слуге]: «Отнести продавцу дынь, и что он затем даст, то и принеси». Этот кулах был изорван, прогнил от пота. Расползшаяся на отдельные ниточки ткань из нее вылезала наружу. Продавец дынь понял, что кулах [принадлежит] эмиру. Дал одну дыню. Эмир своей рукой разрезал на куски и раздал собеседникам, а сам даже не притронулся.

Еще рассказывали. Однажды он сказал своему вакилю:⁷³ «Сегодня в ночь на рамазан⁷⁴ сердцу моему очень захотелось пышного праздничного плова. Деньги возьми у казначея из средств, идущих на мое содержание. А если не хватит, то одолжи. Блюдо с праздничным пловом приготовь ко времени разговления». Вечером принесли плов, приправленный шафраном и различными пряностями. Эмир что-то тихо сказал, а затем приказал привести четырех бедных студентов медресе. Их привели. Эмир обратился к ним: «Ешьте этот плов, чтобы ничего не осталось. Затем из государственного казначейства дам вам по одному динару. А если плова не доедите, — не будет вам золота».

Домуллы осилили плов со вкусом и аппетитом, а сам он смотрел и молился, перебирая четки. Затем приказал выдать

по динару, чтобы в месяц рамазан потратили на питание. А сам попросил сухого хлеба и холодной воды, чем и разговлеялся, а плов и пальцем не тронул.

Он никогда не превысил сумму, которую назначили для него улемы, согласно шариата, из государственных средств. Еженедельно он только два раза приготавливал для себя жирную пищу. Для членов же семьи он [позволял] столько, сколько они желали по их заслугам. Жирная пища его состояла из масла абрикосов, джиды, гороха, маша и изюма. Сухой хлеб он крошил и делал из него шурпо. Когда же оно протухало, то в доме сидеть нельзя было, не то, что принимать эту пищу. Сам же он эту еду съедал дочиста и произносил благодарение [Аллаху].

С вечера до утра он молился и весь день до поздна совершал правосудие и выслушивал жалобы.

Однажды в дождливый день в окружении большой свиты вместе с эмирами государства, которые были опоясаны золотыми поясами и в золоченых одеждах, он отправился в соборную большую мечеть. Был он верхом на худой лошади без попоны и седельного набора и не было у него плети, чтобы погонять лошадь. Он погонял лошадь, ударяя ее в живот большим кафшем,⁷⁵ который был у него на ногах, и этим заставлял ее шевелиться и двигаться. Кафш этот имел тысячу починок и заплат. Эти удары не производили никакого впечатления на лошадь, и она шла, не спеша, покачиваясь. Вдруг этот кафш отделился от сапога и упал в грязь. А по обе стороны дороги столпились люди, чтобы посмотреть на султана и правителей. Один из подданных бросился и поднял кафш, почистил его, пошел рядом со стремянем султана, взял ногу султана и одел на нее кафш. Эмир остановил лошадь, [а лошадь только этого и хотела]. Эмир поднял обе руки и громким голосом произнес длинную молитву за этого человека так, что люди слышали. Эмиры стояли при этом позади и слева, выстроившись в ряд.

И рвение, и усердие его доходило до того, что если он слышал о том, что какое-то место воры ограбили или дорога подверглась нападению, то сейчас же сам садился на коня и направлялся в ту сторону; и вслед за ним войско собиралось вокруг него, и он усмирал мятеж. Во время разбойничьего налета Ойтназара хорезмийского он выехал из Бухары, в одну ночь переправился через Аму-Дарью и ученил расправу над ним на ее берегу.

И о полученном им чудесном даре откровения много рассказывают. Так, однажды во время похода в сторону страны шиитов [Ирана] случилось, что на содержание войск оказа-

лось мало средств. В окрестностях Тегерана на войско напал страх из-за недостатка денег на питание. Об этом доложили эмиру. Эмир утешил их и хризал к терпению. В это время в воздухе пролетела стая гусей. Эмир прицелился в одного из них и выстрелил. Поскольку рана была легкая, гусь не упал [сразу]. Эмир сказал: «Стрела султана редко не достигает цели. Я в этого гуся попал. «Пойдите, найдите, где он упал, и принесите». Один из слуг отправился и по тени заметил, что гусь упал среди камней вблизи большой горы. Этот человек побежал, чтобы поднять гуся. Подойдя, он гуся не увидел. Обыскав всю местность, он увидел темную пещеру. Сказал себе: «Очевидно, туда упал». Вошел. [Пещера] оказалась очень темной, но показалось, что место просторное. Немного посто-ял, пока не стало светлее. Внезапно увидел упавшего гуся. Оглянувшись, он заметил, что вокруг много ям. Спустившись в одну из них, он обнаружил там много разных предметов, то же самое было и в другой яме, то же он нашел и в следующих. Он принес гуся и доложил о виданном им подно-жии царского трона. Эмир изволил сказать: «Все это богат-ство наше, пусть идут и принесут».

Много воинов отправилось и вытащили все эти вещи, так что вся площадь заполнилась драгоценными вещами и тка-нями. Там же оказались сладости, продовольствие и зерна. Шииты, опасаясь грабежа узбеков, перед приходом августейшего войска принесли и спрятали там все свои вещи и имущество, опустошив дома и дворы. Эмир эти запасы — подарок вседарящего бога — разделил между воинами. Из этого похода он вернулся с полной победой.

И подобного рода удивительные рассказы об этом высокопоставленном господине распространялись среди знати и среди простого люда.

А после него [Шах-Мурада] знать в союзе с эмирами утвер-дила на царском троне Бухары эмира Хайдара.

Некоторые события времени правления эмира Хайдара

Восшествие его на шахский трон произошло в воскресенье 14 раджаба 1215 г. в третьем часу после восхода солнца, когда оно стояло в двадцатом градусе знака Козерога. Марс в этом расположении находился в квадрате Сатурна. Сатурн был на склоне, Юпитер находился в созвездии Льва, голова которого находилась в третьем [градусе], являющемся зоди-акальным знаком Рыбы. Такое расположение [звезд] и планет предсказывало беспокойство в войске во время его правле-

ния и несогласие между эмирами и падишахом. А [сам он] султан имел склонность к покорности [воле божьей] и к добрым делам.

Действительно, во время его правления большинство эмиров выступило против него и враждовало с ним. И врагов его [они] подстрекали к бунту так, что все племена, занятые им области и крепости, находившиеся в подчинении Бухары, взбунтовались и подняли мятежи. Между узбекскими племенами происходили непрерывные войны и раздоры. Сам этот высокопоставленный падишах еще в детские годы дал обет тщательно изучать религиозные науки и выучить наизусть коран, а также соблюдать через день пост. Эти три обязательства он и выполнял соответственно своему обету. Во время своего правления в те промежутки, когда он был свободен от военных походов и отражения врага, эмир возвращался к преподаванию, спорам и беседам с учеными.

Отказавшись от всего мирского, он держал постоянный пост, один день принимал пищу, а другой день постился. И во время разговления не допускал излишеств, довольствуясь [тем, что] разрешено шариатом.

И поскольку большая часть его внимания и милостей уделялась ученым, эмирам приходилось при нем лицемерить. Они поднимали против него племена, чтобы таким путем от падишаха получить больше жалованья и подарков, так как если бы всюду было спокойно, то падишах никогда бы не выходил из медресе и хонака⁷⁷ и кроме ученых ни на кого не распространял бы свою милость. Поэтому каждые три—шесть месяцев то одну, то другую область подстрекали к мятежу и вынуждали эмира посылать войско, получая при этом [добавочное] жалованье и танхо.⁷³ А в мирные спокойные дни, когда эмир находился в столице, толпы улемов направлялись к его стремени и занимали его беседами.

Знатные и почтенные дети бухарских махдумов толпами взбирались на арк и в присутствии эмира вели занятия и ученые споры.

Подобной формы правления ни в одной эпохе никто не упоминает. Слух об этом распространился во всех мусульманских странах, и люди со всех сторон и всех населенных частей земли приезжали в Бухару учиться. Науки и постановления шариата настолько расцвели, что во времена ислама ни при одном [из прежних] падишахов [на долю] ученых не выпадало такого успеха. В соответствии со склонностью своей натуры он стремился к многочисленным бракам и каждый раз брал в жены новую женщину при всем том, что в еде и жизненных благах он был чрезвычайно воздержан. И

это его свойство происходило от большого воздержания. Тяготы воздержания и набожности склоняли его к общению с красавицами, чтобы быть дальше от болезней и печалей. И это происходило от силы натуры, а не от излишка чувственности.⁷⁹

Смерть эмира Хайдара и время правления эмира Хусейна и эмира Омара

В общей сложности эмир Хайдар, вступив на престол, правил двадцать семь лет. Он ушел из [этого] мира, прожив достойным образом. Родился он в 1189 г.⁸⁰ Умер он около полудня в четверг 4 раби-ал-аввала в 1242 г.,⁷¹ жил он пятьдесят три года, и после него воссел на бухарский престол эмир Хусейн — его старший сын в воскресенье 7 раби-ал аввала,⁸² спустя один час и сорок пять минут после восхода солнца, когда оно находилось в восемнадцатом градусе Козерога.

По расположению звезд вступление его на трон совпало с противостоянием Сатурна и Марса в созвездиях Рака и Козерога. Сатурн был в созвездии Рака. Короче говоря, царствование его не было длительным. Он умер через два месяца и четырнадцать дней. Этот эмир достиг чрезвычайных совершенств и достоинств, он овладел всеми науками [в том числе] и иноземными. Он знал стихосложение, медицину, алхимию и гадание. Прожил он тридцать лет. Родился он 15 мухаррама 1212 г.⁸³ около полудня.

После него с помощью эмиров и знати воссел на бухарский престол Омар—второй сын эмира Хайдара в пятницу 23 джумада⁸⁴ спустя один час после восхода солнца. По роскошу было: один градус созвездия Тельца, Сатурн в четвертом градусе, Венера — в десятом, а Марс — в одиннадцатом. Эта форма [сочетания] светил также не свидетельствует о прочности государства. Действительно, через небольшой промежуток времени он [Омар] был свергнут и бежал из Бухары. На чужбине он погиб. Он родился вечером 1224 г., в четверг 11 зул-ка'да⁸⁵. Правил он меньше четырех месяцев. Развратный и распутный по натуре, он за небольшой промежуток времени получил полную меру наслаждений и удовольствий и даже сделал запас на остаток жизни. За едой, ночью или днем он не мог обойтись без вина и музыкантов и постоянно был пьян и в бесчувствии. Вплоть до того, что, будучи правителем, он даже не знал о том, что Бухара осаждена его братом Насруллой, прибывшим из Самарканда. Относительно же звуков выстрелов из ружей и луков, доносившихся из-за города, его приближенные уверяли в том, что

это его собственные охотники упражняются в стрельбе в цель из ружей и луков, [говоря]: «Вы не волнуйтесь!» И [это продолжалось] до тех пор, пока войско эмира Насрулло не одержало победу над Бухарой, подошло к воротам арка и сломало их.

Эмир же в это время был занят слушанием игры на арфе, бубнах и барабане. В то время спас его один из видных улемов. Он накинул на него паранджу, как на женщину, и вывел за пределы Арка. И тот отправился туда, куда [глаза глядят].

Пребывание у власти эмира Насрулло и характер его правления

Устои государства и оси жизни зависят целиком от решения неба, от которого нельзя уйти ни вперед, ни остаться позади и которое нельзя ни уменьшить, ни увеличить. Поэтому во всякое время земные обстоятельства соответствуют следам небесным. Так, по убеждению мудрецов [основой] гороскопа крепости Бухары является созвездие Рыбы в пятом, восьмом или пятнадцатом градусе. В момент, когда умер эмир Хайдар, противостояние созвездий Рака и Козерога указывало на несчастье. Поскольку Сатурн противостоял созвездию Близнецов, а остановка Марса была в созвездии Рыбы, то гороскоп Бухары, [бывший] в четвертом [градусе], указывал на несчастья: голод, обнищание, убийство, осады и восстания со стороны правителей, сидевших в той стране.

После того, как эмир Насрулло, сын эмира Хайдара, сел на престол царства, он подавил мятежи и восстания. И одновременно то сочетание с небосвода удалилось.

В общем, восшествие эмира Насрулло на бухарский престол произошло в четверг последнего месяца рамазана 1242 г.⁸⁶ при гороскопе: созвездие Льва в восьмом градусе; Солнца, Луны и Марса — в десятом; Сатурна — в одиннадцатом; Венеры — в созвездии Рыб. Меркурий был в силе; Сатурн во главе с Юпитером в четвертом градусе. Мир снова обрел свежие краски. Этот эмир был падишах самовластный, твердый, жестокий и деловитый. Во время своего правления он уничтожил и наказал всех тех, кто участвовал в восстаниях племен, и тех лиц, которые были предателями по отношению к прежним эмирам. А своим доброжелателям он оказывал много милостей. И по примеру отца поощрял улемов. Соблюдал, как должно, предписания шариата. Он повсюду назначил мухтасибов так, что дочь виноградной лозы в его время сидела за занавеской добродетели. А зву-

ки флейты и бубан едва пробивались наружу из подворотен. И во всех областях, в которых происходили мятежи при его отце, он наказывал по заслугам.

Владения его расширились. Вся страна до Коканда и Кеша подчинилась ему.

По своей натуре он склонялся к юношам и к общению с красивыми мальчиками. Большинство постов в государстве было пожаловано лицам этого разряда. У его стремени находилось много переликих юношей. А с улемами и людьми учеными он мало общался. Разве лишь тогда, когда в этом была крайняя необходимость.

Для упрочения своего государства он заставил племенных вождей неподвижно сидеть на своих землях. А большинство таджиков и чужеземцев он возвел на самые ответственные посты и должности.

На этом недостойном пути он был последователем своего отца эмира Хайдара, который после того, как узнавал о мятежах и бунтах племен и народов, большинство племенных вождей прикреплял к земле; и с того времени правление его стало спокойным. Этот образ действия хотя и был направлен на защиту государства и [по внешнему виду] был правильным, но впоследствии принес много вреда окраинам государства, потому что в дни правления его сына [эмира Насрулло] он не оправдал себя. Этим он [многие] вилайеты подверг опасности со стороны врагов.

«Сажай такой корень, который вечно давал бы плоды».⁸⁷

Одним словом, когда года хиджры перевалили за 1250-й, в делах религии и государства начался упадок. Так как эмир Насрулло подверг конфискации и штрафам сипо,⁸⁸ чиновники и сборщики налогов вынуждены были прибегать к насилию. Улемы также боялись его придирчивости и строгости и лъстиво выдавали мягкие фетвы.⁸⁹ И ни у кого не было мужества довести до сведения эмира истинные предписания шариата.

Сам эмир то придерживался, то нарушал законы шариата. Указывая на улемов, он свои прегрешения перекладывал на плечи улемов. По этому поводу в новой главе Равзат ас Сафо⁹⁰, составленной в Тегеране, писали о том, что Насрулло узбек по фетве таких улемов, как господин Муфтий Намангани, разрешил содомитство и назвал это документом, освобождающим от греха за мужеложство. Ему были известны все подробности положения эмиров, войска и улемов. И положение каждого он защищал достойным образом. И без [основательной] причины он не привлекал силы народа на бесчестное поприще. Во время его правления бедняки, под-

данные и сипо пребывали в колыбеле покоя и безопасности и всегда пользовались обилием благ, дешевизной и процветанием.

У него не было сыновей, кроме эмира Музаффара. Заметив, что в натуре его [Музаффара] преобладает испорченность, эмир, печалась о войске и подданных, не захотел, чтобы он занял престол в государстве после него. И поэтому он назначил своим наследником одного из внуков и некоторым из эмиров завещал [осуществление] этого [своего желания].⁹¹

В 1277 г. хиджры в месяце «Весов»⁹² он оставил сей бренный мир. Он правил тридцать пять лет и прожил пятьдесят шесть лет. Родился он в 1221 г. 13 раби-ал-авваля⁹³ за пятьдесят две минуты до восхода солнца, когда оно находилось в знаке Зодиака Тельца на двадцать шестом градусе.

Некоторые события времени правления эмира Музаффара и способы его управления

После него [эмира Насрулло] эмиры и знать колебались в деле передачи власти между сыном и внуком эмира. Некоторые говорили: «Государство — наследственно. Следует предпочесть сына». Некоторые говорили: «Завещание предпочтительнее и нужнее».

В конце концов, победили те, кто требовал вызвать сына. Эмира Музаффара вызвали из Кермине.⁹⁴ 7 раби ал-авваля упомянутого года⁹⁵ через пятьдесят минут после восхода солнца он утвердился на бухарском троне. По гороскопу Скорпион и Юпитер находились в десятом градусе, а Сатурн и Марс — в пятом. Луна противостояла Юпитеру, Венера противостояла Марсу. Такое сочетание предопределяет, что ученые и люди науки внешне будут процветать, однако, встреча Марса с Венерой предсказывает, что вера ослабеет, бедняки и крестьяне, вельможи, благородные люди страны потерпят ущерб. Действительно, так и стало.

И после того, как эмир Музаффар укрепился на царском престоле, он с корнем уничтожил тех, кто был сторонником завещания. Наследник, [указанный в завещании], бежал, покинув Бухару. Эмир уничтожил всех его потомков и приближенных, которые не могли спастись. Тотчас же всех эмиров, вельмож, вазирей, которые прежде при его отце занимали должности, он во время своего правления разогнал и конфисковал их имущество, а во главе государства поставил своих приближенных и доброжелателей. Войско и крестьяне притеснялись. Люди, окружавшие эмира, прибывшие с ним из Кермине, были людьми низкими в результате того,

что эмир Насрулло всякого, кто противоречил ему, посылал в Кермине, чтобы наказать и поручить [мол, пусть побудет на службе у наследника [сына], тогда узнает цену мне].

Поскольку он их назначал сразу на высокие должности [вопреки их ожиданию], они стали пить кровь людей и разговаривали с людьми грубо. Не делали им ничего хорошего и с ними приветливо не разговаривали, поступали точно так же, как прежние чиновники. По этой причине жители Бухары считали людей Кермине [для себя] злосчастливыми. Чиновники их угнетали, а крестьяне налоги вносили с большим трудом и утаивали харадж.⁹⁶ Затягивали дело жалобами и криками о помощи, но никто им не внимал.

В первые два—три года правления на остатки богатства отца он [эмир Музаффар] собрал войско и, совершив походы в сторону Гиссара⁹⁷ и Коканда, захватил силой и жестокостью некоторые места. Жителям этих мест не дали пощады: их убивали или увозили в плен.

В конце концов, снова вернулись к притеснениям и разврату. После двух-трех первых военных побед высокомерие фараона ударило ему в голову. Он, кроме себя в мире, никого не признавал и стал повеления шариата приравнять к своим желаниям. Например, того, кто украл мелкую монету, подвергал смерти, а того, кто убивал, вовсе не преследовал. И людей за мелкие преступления заточали в тюрьму. И самый малый срок был три года и больше того—семь лет. Поскольку тюрьмы были полны узников, то их выводили и убивали целыми толпами. Большую часть правителей времени отца он убил, конфисковал их имущество и полностью разорил. А низких людей и рабов посадил на головы людям.

Так продолжалось до тех пор, пока не произошло завоевание Мавераннахра⁹⁸ русскими. Войско же, поскольку его [всячески] притесняли, а начальники были людьми низкими, невежественными и трусливыми, [в битвах] показало спину. Воины бежали, считая постыдной службу под начальством у рабов.

Так все области страны попали в руки русским.⁹⁹ Причины были таковы: жалование одного солдата выдавали на четверых, а сумму, причитающуюся одному военачальнику, выдавали на двоих. А управители того времени с этим соглашались. Другая причина заключалась в том, что чернь, люди базара и те, что только отошли от банных топков, украденное у государства рассматривали как законную добычу и радовались этому, полагая: день сегодняшний прошел, а завтра, что будет, — пусть будет.

Управление Бухары было в руках Мухаммадшаха кушбеги. Это был человек безрассудный, необразованный и неразумный; вместе с тем всегда болел и никогда не осмеливался даже о малом—правдивое слово доложить падишаху. Да и ни у кого другого не хватало духу доложить о том, что послужило бы на пользу государства. Неизбежно государственные дела и дела веры пришли в полное расстройство. Войско и бедняки лишились покоя.

Дело в том, что процветание государства зависит от проницательности, твердости характера и мнений вазира. Если вазир безрассудный, то такое государство впору оплакивать.

Вкратце события происходили так. Около середины правления эмира Насрулло русские подошли к берегу Сыр-Дарьи и построили там крепость.¹⁰⁰ После многочисленных толков некоторые из расудительных людей, которые понимали, каковы будут последствия, довели до сведения эмира о необходимости изгнания оттуда русских, [мотивируя это тем, что] они через небольшой промежуток времени продвинулись дальше внутрь страны и причинят много беспокойства мусульманам. Эмир дал такой ответ: «Русское государство большое, а мы не в силах ему противостоять. Ему противостоят франки и турки [Стамбул]. Земли же, которые они заняли, не в нашем подчинении. Повода для выступления нет. Они могут сказать: «Это земля без хозяина. Если она нужна, — почему не пришли и не овладели ею?» И станут нашими врагами, а сейчас они [русские] разговаривают с нами по-дружески. Если со временем двинутся в нашу сторону, то дело примет другой оборот. Им отдадут то, что они захватили, или же они заберут и наши [земли]. И тогда между ними и нами станет меч и только.

В самом деле, до тех пор, пока эмир Насрулло был жив, русские не переходили через Сыр-Дарью.¹⁰¹ Они заселили берега реки и привели в порядок крепость, собрав там провиант и оружие. Они признавали эмира могущественнейшим и сильнейшим из правителей стран Туркестана и оказывали ему почтение, а вскоре после его смерти напали на Ташкент и с небольшими усилиями завладели им.

Во время осады Ташкента русскими войсками эмир Музаффар намеревался отправиться в поход на Коканд. Некоторые из советчиков предлагали отказаться от похода на Коканд и выступить в сторону Ташкента для оказания поддержки мусульманам. Эмир не согласился с этим.¹⁰² Он двинулся на Коканд и, завоевав его, дошел до Узгенда.¹⁰³ Множество мусульман попали в плен и были ограблены, после чего вскоре возвратились назад. Благодаря тому, что было со-

вершено много зла и притеснений, люди от них [эмира и его войска] отвернулись. Находясь в страхе, многие под покровом ночи убегали. Некоторые из них, дождавшись ухода войска эмира, снова возвращались.

А Ташкент между тем был завоеван русскими. Причиной утраты завоеванных областей было то, что после победы над областями из-за недисциплинированности войска всякий грабил как мог, совершал насилия над детьми и женщинами тамошних жителей.

Сам падишах ничего не делал такого, чтобы склонить на свою сторону войско и население [тех областей]. Его занимали заботы о собственном наслаждении. А те, что были посредниками в этом деле, процветали и получали одобрение. Остальных считали отверженными. Поэтому сразу же после возвращения султана все эти области восстали.

В это время, незадолго до присоединения Ташкента к русскому государству, когда эмир собрался в поход на Коканд, пишущему эти строки пришлось по какому-то делу побывать в султанской ставке. Там эмиры собрались на совещание. После окончания заседания вышел один из вазирей. Я спросил о разговорах, которые велись на собрании. Он ответил: «Некоторые из военачальников считают необходимым выступить против Ташкента, о чем и доложили. Эмир не согласился, изволил сказать: «Под Ташкентом одержал победу нукер¹⁰⁴ русских войск, выступить против которого для меня позорно и стыдно. Уже если я и сяду в седло, то пойду прямо на Москву».

Эти слова он говорил потому, что был уверен, что русское правительство — подобно правителям Мавераннахра, и поскольку он над ними одерживал победу, то полагал, что и над русскими одержит победу.

Да, когда человек услышит о чем-нибудь, чего не видел, то он сравнивает с тем, что видел. И это сравнение в нем закрепляется. К примеру: если мы услышим, что Стамбул сильно процветающий и густонаселенный город, то в нашем сознании возникает представление о виденных нами городах и мы считаем, что и Стамбул похож на одного из них и таких же размеров. Но действительное положение таково, что разница между двумя городами чрезвычайно велика. Точно так же, когда мы услышим, что государство султана стамбульского такое-то, в нашем сознании возникает представление о том, что окружает падишаха нашей страны и мы говорим: его государство подобно государству нашего эмира.

Но дело в том, что между ними глубокая разница, и если у нас есть хоть немного разума и мудрости, мы этим не

удовлетворимся и постараемся разузнать подлинное положение и достоверно узнать об уровне процветания Стамбула и султанского государства, который несравненно выше нашего. Что касается эмира, то он, будучи по природе глупым и ограниченным, не смог распознать разницы между государствами.

Есть и другая причина глупости правителей этой страны. Она заключается в том, что [правители еще], будучи детьми, как только отрываются от подола няньки, получают учителя, чтобы овладеть письмом и грамотой. Определяют к ним двух-трех рабов — мальчиков для услужения, которые находятся при них днем и ночью. Учитель, давая уроки, обычно держится подобострастно со своими учениками. Учитель задает уроки, но [ученик], если захочет, — выучит, а не захочет, — то спросить его он [учитель] не в состоянии, боясь потерять кусок хлеба.

После того, как они овладевают письмом и чтением, их сейчас же направляют в качестве правителей области. Их сопровождают те же рабы, которые становятся обладателями чинов и постов. И ни у кого нет возможности сказать им разумное слово. Да и вообще до них не доходит осмысленное слово. [Они не желают ничего знать], помимо того, как есть, испражняться, совокупляться и ездить верхом. А их приближенные заранее согласны с ними во всем и не способны сделать что-либо разумное. Поскольку правители этой страны с малолетства не отесаны и не воспитаны, не знают труда и затруднений, не испытали принуждения со стороны учителей и не ощутили голода и жажды, не постигли общеобразовательных наук, а истории не читали и не слыхали о ней, то после прихода к власти высокомерие фараонов овладевает их воображением. Они только себя под небом и видят. Поэтому все их повеления исходят и делаются от недоразвитого ума, и им [же] подчиняются и шарият, и предание. Поэтому неизбежно, что они и счастья достойного не обретают. Они постоянно суетятся, а народу причиняют мучения. И какое может быть счастье от власти, если правителя ум не сдерживает! А без вмешательства собственного разума или разумных советников установить в государстве спокойствие можно только в воображении. Им, подобно животным, доступны только удовольствия от еды, испражнений и совокупления, что они считают приятным времяпрепровождением. И по этим свойствам им в товарищи годятся лишь выучные животные.

Вообще после победы и завоеваний русских под Ташкентом все поняли, что совершенно необходима охрана Джи-

зака¹⁰⁵, который прикрывает границы Бухары и является воротами Самарканда. Добыли сто тысяч танга, построили вокруг него [Джизака] крепостные стены. И туда было назначено большое количество воинов в виде гарнизона, дабы воспрепятствовать движению русских.

В этот период Якуба Кушбеги, который был одним из рабов эмира, назначили главнокомандующим. А [это был человек], который за всю свою жизнь не слышал ружейного выстрела и никогда не видел поля сражения; так что и самый малый из нукеров ислама устыдился того, что он был назначен главой этого войска.

В это время русские еще не нападали на Джизак,¹⁰⁶ когда в Бухаре в среде духовенства поднялось волнение и раздоры насчет обязательности объявления священной войны,¹⁰⁷ в которой должны участвовать и благородные, и что все должны двинуться на неверных. Эмир был удивлен, услышав об этом, и волей-неволей был вынужден собирать войско и заняться подготовкой снаряжения для священной войны. Собрав все необходимое для похода, он с очень большим войском в смущении вышел из города. [Было у него] тридцать шесть пушек и несколько верблюдов, нагруженных артиллерийским снаряжением. Однако, когда произошла встреча с врагом, оказалось, что порох и ядра остались в Бухаре, а все снаряжение оказалось непригодным. Что касается пороха, то он был таким, что для его воспламенения и взрыва был необходим целый таз огня.

После ухода войска поднялся всеобщий клич в городе, чтобы всем выступить на священную войну. Стучались в двери каждого дома: мол, скорее, выходите. Горожане, которые никогда звука пушки и ружья не слышали и никогда не были на поле боя, подумали, что священная война подобна площадке, где происходит состязание в единоборстве, или ристалищу для скачек. Каждый вооружился дубиной в три газа.¹⁰⁸ А некоторые, правда, [еще] конец такой дубины окovali железом: мол, если враг бросит дубину, они тоже опустят свою дубину на его голову.

Удивительное и страшное время!

Улемы трубили о священной войне, как о богоугодной обязанности. И не знали они того, почему она была обязательной. Не знали они, каковы вызвавшие ее причины. И не спрашивали, каков враг в этой войне, каково его вооружение, куда следует направить всеобщее волнение. Они не смогли определить, зачем [существует] войско, которое в течение целой жизни получало жалование, поедая налоги областей; зачем их кормить, если все это тяжким бременем ложится на

плечи народа, и что может сделать народное ополчение, если регулярное войско бессильно что-либо сделать? Не знали они, что при первой же стычке они все будут перебиты и никто не останется. И тогда очередь дойдет и до крестьян. Ведь смысл кормления воинов в том, чтобы крестьяне находились в безопасности от нападения врагов и чтобы воины их оберегали. Они [воины] выкуп за свою кровь получали еще до того, как происходили военные события.

Крестьяне вовсе не должны защищать войско во время войны. В мирное время оно [войско] сосет кровь подданных, а во время смуты их же [подданных] вперед посылает! Невслыханный новый порядок! Ни в одной другой стране не наблюдается ничего подобного!

Во всяком случае правителям следовало, когда они узнали о предстоящем нападении врага, обучить население стрельбе из ружья и подготовить средства сопротивления, дабы во время призыва в ополчение они были подготовлены. Там, где объявляется призыв в ополчение, смысл его заключается в том, чтобы призвать людей, подготовленных, а не толпы женщин. И действительно, положение таково, что приказ включал и женщин. Суть его [приказа] такова, что когда мужчины заняты подготовкой орудия убийства, женщины, глядя на них, должны с этим оружием познакомиться. Потом они [при условии, что приобрели знания], также смогут оказать сопротивление неверным.

И в то время, когда само войско ни в одном сражении не участвовало, еще отправили на избиение толпы бедняков, которые знают [военное дело] не больше, чем женщины. И в придачу к этому недомыслию много невинной крови лежит на [совести] правителей. Сопротивления врагу от них ожидать нельзя. Все это совершенно бесполезное дело. И основой его была глупость, незнание и бестолковость.

Вот таким способом было собрано огромное войско, которому не было ни числа, ни счета. Некоторые шли по своей охоте, а другие — только по принуждению. На священную войну отправились люди из всех сословий. Некоторые захватили десятидневные запасы продовольствия, а некоторые и на месяц.

Его величество эмир, когда увидел это сборище, решил, что в этом походе он одержит победу и овладеет Петербургом — столицей императора. Ведь он увидел войско, растянувшееся в длину и ширину. А того он не знал, что разбросанное войско к делу непригодно. Двести человек мужественных воинов лучше, чем сто тысяч [необученных].

И вот с пышностью и великолепием на каждом полфарсахе дороги делали остановки и стояли по два дня и две ночи. Звуки барабанов, флейт и труб доходили до сферы эфира. Самих Фаридуна¹⁰⁹ и Афрасиаба¹¹⁰ считали недостойными свиты. [Наконец], за два месяца добрались до берегов Сыр-Дарьи. Привал сделали в местности, называемой Сасик-Куль.¹¹¹ Борцы за веру августейшего лагеря еще до того, как достигли остановки, уже стали раскаиваться в священной войне, стали искать способы бегства [или иного спасения]. Их припасы иссякли, и дело обернулось так, что пришлось прибегать к выпрашиванию. Теперь они полностью насытились и насладились священной войной.

Благословление на тебя Аллаха, о священный воитель! В пользе священной войны ты воочию убедился. Потратив свои два-три дирхема и динара, они вдоволь потрудились.

Русские были в неведении об истинном положении врага, испугались и согласились на перемирие. Они по своим книгам знали о могуществе Тимура и силе узбекского войска, а теперь видели, что войско численностью, как муравьи и саранча, покрывало все пространство степи, и боялись понести тяжелый урон. Сколько они ни посылали людей и сколько ни обращались с письмами, все это не вразумило военачальников, от которых часть отвернулось. Быть может, они смысла [этих писем] не понимали или же не сумели убедить эмира...

Волей-неволей произошло столкновение, подобное встрече в Сиффине.¹¹² Раздались звуки труб и барабанов. Русское войско состояло из полутора или двух тысяч человек. Оно выступало, точно железная стена. И с каждым их шагом газии нашего войска отступали все дальше с тем, чтобы завлечь русских в пересеченное место и, окружив, захватить в плен. Там, где остановился эмир, возвышался пышный царский шатер. От него до поля сражения было примерно один фарсах,¹¹³ так что звук литавр достигал его [шатра]. Эмир под тенью шатра был занят игрой в шахматы. Толпа чтецов читала газели.¹¹⁴ Эмир следил за тактом барабанного боя, подстукивая ногой. Временами он приказывал отправить прислужника к начальнику артиллерии Салимбю и начальнику войска Ширали с приказанием сохранить русскую казну, чтобы она не попала в руки нукеров и чтобы они не разграбили ее и не убивали бы много русских, а брали живыми, чтобы затем включить их в состав сарбазов, и они выполняли бы военную службу. А в тылу войска Ахья Ходжа Туркмен, который имел звание ахунда, и отличался глупостью, забросил конец чалмы за спину и, держа в руках

большой лист, перечислял превосходство священной войны и призывал воинов к стойкости. Но в это время русские, начав атаку, захватили пушки и два-три раза одарили картечью борцов за веру Ислама. Все как будто ожидали возможности бегства и предпочли бегство стойкости. Первым побежал Яхья ахунд, сбросив чалму. Тогда доложили его высочеству, что войско изменило и обратилось в бегство. Эмир в полной растерянности вскочил на неоседланную лошадь, не успев одеть халат и чалмы на голову. Так, сбросив шахматы, он еел на коня и ускакал. Наши люди никогда регулярного сражения не видели и не слышали, а услышав, не верили и не знали, что войско, одержав победу, далеко не преследует врагов. Они судили об этом по себе. [Поэтому] они без оглядки, побросав все, что имели, пустились наутек во все стороны, куда глаза глядели. Некоторые во время бегства попали к русским. Русские давали им воду и отправляли их к своим. Некоторые угодили в реку, некоторые ушли в горы, другие рассеялись по степи. Большое количество перешло границу. Многие из них стали добычей хищников-барсов и речных чудовищ, не оставив о себе никаких следов.

И все имущество, скарб, деньги, снаряжение осталось на месте. Была оставлена и готовая пища, разложенная на блюде, а чай и пиалы расставлены на подстилках. Но русские войска на это не обратили внимания. Кочевые киргизские и казахские племена все это забрали и завладели [всем] в таком количестве, что никто не в силах был бы все это подсчитать.¹¹⁵ Во время бегства эмиру некогда было даже исправить своей нужды, и он это сделал с седла, замочив свои штаны; и лишь к вечеру, добравшись до кишлака Хавас,¹¹⁶ он сошел с коня. Нескольким слугам, которые присоединились, приказал помыть одежду. Утром к восходу солнца стали собираться вокруг него некоторые из военачальников. Эмир украсился свежей одеждой. Таким образом, когда добрался до Самарканда, к нему присоединились около пятисот человек. Примерно двести тысяч человек войска было рассеяно. И каждый направился в свое убежище. Сперва их безрассудно собрали и столь же безрассудно подвергли разгрому. Никто не спрашивал, кто был пришедший и кто бежал. Причина этого была в том, что все военачальники были рабами, учившимися в школе вместе с эмиром. Племена считали для себя позором служить при них. Жалование им не было упорядочено. Ежемесячно с опозданием на несколько дней выдавали по двадцать танга. По причине неорганизованности урдабазара цены колебались. Цены были высоки, а жалованья

настоящим храбрецам не хватало. Зато в лагере собралось большое количество голодранцев, готовых за лепешку отдать душу. Если бы во главу войска назначили настоящего воина, открыли бы двери казны и каждому выдавали бы шестьдесят дирхемов жалования, установив порядок в урдабазаре в соответствии с жалованием, то, вероятно, появилось бы у людей желание преодолеть врага. Когда для воина жалуют золото, то и рука его не протянется к мечу.

Да! Без одежды и хлеба войну ведет лишь шахматное войско. А после того, как в Самарканде собрались все начальники и войско, казалось бы, что для блага государства следовало задать вопрос о причине этой слабости, а затем, разобравшись в причинах, попытаться их преодолеть и снова привести войско к присяге.

Причиной нерадивости войска во время сражения было, во-первых, то, что им не хватало жалования. Во-вторых, войском командовали люди низкие; в-третьих, когда видят, что после павшего на поле боя, дети его погибнут [от нужды], то это становится причиной отсутствия у них храбрости. Всякий, кто подвергает себя бедствию, питает надежду, что он это делает ради жены и детей и своего собственного [будущего] покоя. Если же эта цель отсутствует, то он себя не будет подвергать гибели.

Еще одной причиной бегства войска явилось то, что люди не знали о положении врага, а если и слышали, то не верили по той причине, на которую выше мы указывали. Они сравнивали положение врага с людьми своей страны. Поэтому они довольствовались дубинками в три локтя—оружием, которым они отражали узбеков. Их состояние напомнило положение того гурийца,¹¹⁷ который, услышав в мечети от проповедников о хадже и что остановка у горы Арафа — богоугодное дело, а бросание камешков между Сафо и Марвы влечет за собой большую награду, был настолько поражен, что прямо из мечети, не заходя домой, без вещей и вьючного животного направился в хадж. Пройдя один фарсах, он проголодался и захотел пить. По дороге у бакалейщика он спросил о расстоянии до «ходжа»¹¹⁸ [и о том], сколько осталось еще идти. Этот человек [бакалейщик] ответил: «Несомненно, ты сумасшедший. Откуда ты начал расспрашивать? Отсюда до «хаджа» тысяча фарсахов дороги, а ты теперь еще в окрестностях города». Тот человек [хаджи] тут же возвратился в город, убедившись, что дело трудное [и подумал, что] мне, мол, не нужна награда, которую получают с таким трудом.

Так же и наши борцы за веру. Они слышали, что умереть от меча неверных безболезненно и быстро и что награда за участие в священной войне — рай, согласно словам: «Сады, где внизу текут реки».¹¹⁹ Если их убьют, то станут газиями. И выступили с такими желаниями.

Но еще до того, как они достигли места назначения, у них кончились дорожные припасы. Убедившись, что увидеть неверных — одно, но подойти к ним близко, чтобы замахнуться трехлоктевой дубинкой — другое, они отказались от этой и будущей жизни и обратились в бегство. А когда увидели, что впереди неверных войск идет огненное войско, им и вовсе стало не до храбрости. Они увидели, что кроме бегства, все остальные пути были для них закрыты.

И еще: для того, чтобы войско на поле сражения было стойким, необходимо, чтобы сам султан был храбрым, а предводитель войска и военачальники проявляли прозорливость, твердость характера и мужество. Необходимо, чтобы воины охранения [караулы] лично находились в рядах сражающихся и приободряли людей, возбуждая нукеров обещаниями золота и богатства. Рядом с полем сражения должны быть всегда динары и дирхемы, а при них — верный чиновник,¹²⁰ который тут же наличными награждал бы всякого, кто проявил храбрость и нанес ущерб врагу. Если убьет врага стрелой, — то такую-то награду, за пленного — столько-то, если голову принесет, — то столько-то; и в этом деле никакое обещание не подействует. Все равно, что сказать: здесь работа, а в городе будешь хлебом обеспечен; или: после разгрома ты получишь высокий чин. Никто из тех, у кого есть ум, за одно обещание не будет рисковать жизнью. В таком деле вместо всех обещаний и посулов действует только наличие. Даже указы о назначениях должны быть готовы и написаны, чтобы их тут же положить на голову храбрецов.

Одним словом, когда крышка с котла узбеков была снята и под позолотой сверху донизу стала видна медь, русские должным образом оценили положение. Они тут же двинулись к Джизаку.¹²¹ Из Самарканда для обороны Джизака выступили двенадцать тысяч солдат во главе с несколькими военачальниками. Все военачальники враждовали между собой. Когда один делал привал, — другой двигался. Если у одного лошадь застревала в грязи, — никто ему не помогал. Среди них были и регулярные воины. Командиры были афганцы. Эти были обучены правилам регулярного сражения и видели много сражений.

Все они собрались в Джизаке. Военачальники из регулярных частей посоветовали выйти за стены города. Находиться

всем внутри города не следует. Там надо дать сражение. Но гулямы эмира, которые были главными начальниками, этих слов не послушались. Все они шумели, как на сборище женщин, и слов друг друга не слышали. В конце концов, отряд афганцев из регулярных войск вышел и, окруженный русскими войсками, после жаркого сражения героически пал. Оставшиеся же глупцы засыпали ворота города, чем закрыли дорогу собственного спасения и открыли большую дорогу своей гибели. Начальники вместе с войском оказались в окружении.

В это же время русское войско подошло к крепости, подвергло его обстрелу из пушек и ружей и в течение получаса стену сравняло с землей. Около ста человек вошли внутрь крепости, и все они расстреливали из ружей все живое, что им попадалось.

Убивая и расстреливая, они загнали всех добровольцев к воротам города, которые перед этим те сами закрыли и засыпали землей. Все пригнули головы и прятались за спины друг друга, чтобы спастись от пуль врага. И все выставили зады. За каждым двумя-тремя тысячами этих добровольцев было по три-четыре русских воина, которые стреляли им в зады, и с каждым выстрелом пуля пробивала зады пяти-шести человек добровольцев, застревая только в зад у седьмого; так они толпами падали на землю. И не было у них мужества оглянуться, они думали, что их преследует несколько тысяч русских воинов. Так, они отправились в ад, перепачканные дерьмом, и им слышались со всех сторон слова: «О, отступники неверные, бейте отступников!»,¹²² и лишь немногие из них вскарабкивались на стену, бросались вниз и бежали с перебитыми руками и ногами и, то падая, то поднимаясь, добравшись до Самарканда, рассказывали о страшных событиях,¹²³ став примером и назиданием для [потомков].

Когда русские силой оружия захватили Джизак, эмир не решился дальше оставаться в Самарканде и направился в сторону Бухары. Ученые улемы снова протрубили всеобщий сбор, и множество народа из мулл и простолюдинов, которые не имели представления об истинном положении дел, снова собралось в Самарканде. Инак Ширали, который эмиром был оставлен правителем Самарканда, отдал приказ убивать этих добровольцев¹²⁴: «... мол, из-за их подстрекательства поднялась смута и мятежи; и пока муллы не будут убиты, не успокоится народное возмущение. В основе священная война в том и заключается, чтобы убивать суннитов, тогда для нас наступит спокойствие». И этот приказ

правителя, отданный от большого страха, они украсили и подтвердили печатью крови множества мусульман.

Увидав такую несправедливость со стороны Ширали, население Самарканда ради защиты веры встало на сторону мусульман и учащаяся, напало на женщин и мужчин гарнизона, находившегося в Самарканде; и по улицам города потекли ручьи крови.¹²⁵ Известия об этом сразу же достигли неверных, и они говорили: «Откуда бы ни шло убийство, [оно] все идет на пользу нам».¹²⁶ И тогда некоторые из бухарских военачальников, которые находились в гарнизоне в Самарканде, приняли меры к примирению, положив конец смуте мягкими увещеваниями.

Ни в какие времена и эпохи никто не мог бы назвать такие беспорядки, которые обнаружились в этом государстве.

Удивительно то, что если кому-нибудь и приходило в голову что-либо разумное, то он не мог никого заставить согласиться с этим. Поразительно и вот что. В плену у этого войска находился один из знатных русских. Каждый раз при встрече с кем-либо он внушал советы, которые могли бы быть использованы на благо государства и ради его сохранения. Он говорил: «Если хотите, я даже отсюда могу добиться перемирия [между вами]». Во время разгрома на берегу реки он говорил: «Я обещаю, что русские не перейдут через эту реку и что эта сторона реки останется вашей». А во время сражения в Джизаке он говорил: «Я добьюсь таких условий, чтобы [земли] по эту сторону от Джизака остались за вами». И я успокою ваши сердца, что является вашим желанием».

Но никто не принял его слов и никто не взялся за то, что бы доложить эмиру, так как это не входило в намерения эмира. А он еще так говорил: «Освободите меня и пошлите со мной кого-нибудь. Я отправлюсь и устрою ваше дело, как нужно. Вы с русскими воевать не в состоянии».

При нем они соглашались, а как только уходили от него, — делали все по-прежнему; и никто не довел до сведения эмира его слов.

В конце концов, [как оно и должно было быть], произошло нападение русских на Самарканд. Узбеки надеялись на то, что местность в окрестностях Самарканда сильно пересечена и что они здесь легко смогут перехватить русских так, что никто из них оттуда живым не уйдет. Они, мол, не знают этих мест, мы их схватим в этих расселинах и отправим в овраги ада. Когда русские подошли к берегу самаркандской реки [Зеравшан], некоторые наши пушки стояли на холме Чупан-Ата.¹²⁷ Две-три пушки выстрелили, но порох не воспламенился. Русские также ударили картечью и без особых

затруднений вошли в город и заняли Кокташ. И все эти фантазеры мгновенно разбежались и бегом добрались до Бухары. Затем волей-неволей обратились с просьбой о заключении перемирия.¹²⁸ А того русского начальника, который был у нас в плену, освободили даром.

Было отдано русским сто семьдесят тысяч динаров червонного золота. Провели пограничную линию между Бухарской и Самаркандской областями. Молились лишь о безопасности для души.

То, что мудрец делает,—сделает и глупец,

Но [этот] лишь после того, как много раз опозорится.

Мы решили уплатить русским такую же сумму в виде возмещения расходов, [назвав ее военной контрибуцией],¹²⁹ дабы они приостановили нападение на нас. В столицу русского императора мы отправили бухарского царевича с посольством и обещанием покорности вместе с этой суммой денег.

Удивительно то, что перед присоединением Самарканда к России, командующий русским войском в письмах и посланиях предполагал, чтобы эмир прислал одного из своих сыновей на этих же условиях. При этом мы [русские] обещаем отсюда отойти, т. е. вернуться назад из окрестностей Джизака, и между нами установится прочный мир, искренность и взаимопомощь. Это предложение не встретило сочувствия у военачальников. Они не смогли даже об этом довести до сведения эмира. А после самаркандской смуты на них так же была возложена военная контрибуция. Волей-неволей они вынуждены были покориться, принять на себя обязательство и подчиниться.

В одной притче мудрецов рассказывается, что некий правитель подверг пытке одного из жестоких своих чиновников и приказал: «Он вправе выбрать одно из трех: заплатить триста динаров [в качестве] штрафа, принять сто ударов палкой или съесть тарлеку человеческого кала». Палачи и помощники начальника полиции приготовили охапку палок, блюдо горячего кала и сказали: «Ты волен выбрать одно из этих трех наказаний». Он ответил: «Легче всего справиться с тарелкой». С отвращением глотнул два-три раза, но это пришлось ему не по вкусу. И он сказал: «Палки лучше». Пятьдесят раз ударили его по спине и по бокам, и он заплакал и закричал, что дает золото и что дать золото легче всего. Несчастный бедняга из-за своего недомыслия подвергся всем трем наказаниям.

К тому путешествию в Россию, в которое был назначен бухарский царевич в качестве посла и для заключения перемирия, автор этих строк также был причастен. Он отправился

вместе с этой миссией, видел много интересного. Хотя рассказ об этом выходит за пределы этих черновых записок, он содержит много полезного и редкостного, что может удивить людей мудрых и послужить подкреплением содержания этих записок. Опишу все, что видел и слышал в сокращенном виде.

Итак, после того, как владение Кеш¹³⁰ и прилегающие области попали в руки эмира Насрулло и были уничтожены главы кенигесских племен, возникла необходимость отправить посла в столицу России. Незадолго до этого Николай, отец императора, потерпел страшное поражение от стамбульского государства и франков.¹³¹ Выпив смертельного яда, он сам себя отправил в место вечного упокоения. На троне его место занял сын Александр. Он обязался в течение семи лет платить контрибуцию стамбульскому государству, на двадцать лет приостановить всякие военные предприятия и занялся обновлением основ государственного устройства.¹³² По этой причине было решено послать посла, который должен был отправиться с поздравлением нового русского правительства, а также с сообщением о нашей знаменитой победе [под Кешем] и тем самым укрепить узы дружбы между двумя государствами, от чего зависело спокойствие подданных и и войска.

К этому посольству автор этих строк также был присоединен и принял участие в этом путешествии. По той причине, что мне в [этом] государстве [приходилось] исполнять службу¹³³ и потому, что я проявил некоторые познания и умение, мне было поручено [следующее]: «Ты расследуй тамошние внутренние дела, хорошо изучи положение их государства и доложи вышнему престолу. Обо всех внешних делах каждой страны мы узнаем или от купцов, или от путешественников».

Приготовление дорожного снаряжения и средств для путешествия царевича велось под наблюдением вазира Мухаммед-шаха кушбеги. Эмира не было в городе. Он поехал верхом на прогулку по некоторым крепостям. После сообщения кушбеги [в котором писалось], что снаряжение для путешествия царевича подготовлено, исключая одного мирзы¹³⁴ и имама для ведений всей переписки посольства, [встал вопрос], кого назначить, что зависело от высокого приказа. Эмир написал, что такой-то был в России, и он знает дорогу и тамошние остановки, он будет мирзой и имамом.

В связи с тем, что занятие делами войска и служба правителям казались мне очень тяжелыми и бесплодными и по причине отсутствия в них порядка, я, [несмотря] на наличие

предложений [работы] и упреков, отошел от дел, жил спокойно при медресе, довольствуясь сухим хлебом.

Я довольствуюсь сухим хлебом и старой одеждой:

Груз изнурительного труда лучше, чем бремя благодеяний,

Под вечер зашел ко мне человек от вазира и пригласил меня в канцелярию министерства. Я отправился. Кушбеги сказал: «Завтра утром царевич отправляется из города в путешествие. Ты тоже устрой свои дела и поедешь вместе с ним». Я спросил: «Что же я могу за такое время сейчас приготовить для путешествия?» Он ответил: «Я доложил эмиру о твоём жаловании, [ожидаю], что он прикажет». Утром я снова отправился в канцелярию вазира. Вазир спросил, приготовил ли я лошадь и снаряжение. Я ответил, что у меня в медресе нет конюшни, где был бы конь. Он сказал: «Я доложил о твоём жаловании эмиру. Он ничего не приказал. Беги и позаботься о своём верховом животном, поторопись, так как царевич утром уже отправился и ты его ещё догонишь». Я попросил: «Выдай мне лошадь из царской конюшни». Он дерзко и грубо ответил, что лошадей лишних нет.

В это время писец дивана министерства знаком вызвал меня наружу и потребовал лошадь из царской конюшни без седла и узды. Итак, я сел верхом и отправился вслед за царевичем. В это путешествие¹³⁵ было назначено, кроме прислуги, сорок человек: десять человек чиновников, десять ясаулов, десять чиновников кушбеги и десять купцов. Жалованье амальдаров¹³⁶ было триста танга, ясаулов¹³⁷ — сто танга, а остальных — пятьдесят танга, а также полная одежда, Жалованье пишущего, назначенного секретарем и имамом, — молитва и фатиха.

Удивительное дело! Надо быть ослом, чтобы, будучи вазирем, нуждаться в докладе и ответе на сумму в сто—триста танга! Не мог он со своей стороны дать одежды, а тем более динары и дирхемы. Но ещё удивительнее то, что никто в этой компании меня не знал. Каждый спрашивал: «Мулла, куда вы едете? и кто вам нужен?» Иногда я от удивления посмеивался и ничего не говорил, а иногда говорил, что иду с вами. Так длилось до тех пор, пока несколько купцов, которые меня знали, не присоединились к нам.

Короче говоря, эти купцы привели в порядок моего коня и снаряжение и поручили меня своим слугам, чтобы те ухаживали за моей лошастью. И их прибытие никого не заинтересовало. Поскольку они купцы, предполагалось, что они наши попутчики. Царевич по молодости лет не обращал никакого внимания на толпу людей, сопровождавших его. Он не знал, куда едет, куда его тащат. А глава посольской миссии, у кото-

рого была грамота и поручения, был старым, выжившим из ума человеком. Он был постоянно [пьян], с пересохшей глоткой. По причине излишнего курения анаши, он был погружен в самого себя. Он ехал один по обочине дороги и не касался всего этого люда. Если кто-либо его о чем-нибудь просил, он говорил: «Иди доложи царевичу», а царевич, [в свою очередь], отвечал: «Отец знает, иди к нему!»

Короче говоря, в таком позорном состоянии мы прибыли в Самарканд. Чиновники и смотрители дорог из Бухары и Самарканда везде, где мы устраивали ночлег, доставляли воду и пищу и приносили подарки и дары. Различные товары и ткани дядя царевича засовывал в дорожные вещевые мешки. Что касается еды и питья, то тот, кто был проворнее, подобно комару, пробивался к миске и успевал запачкать пальцы. Остальное, обычно приканчивали прохожие, зеваки и слуги чиновников [посольства]. К вечеру большинство попутчиков, становилось голодными, всадники оставались без ячменя; хлеб, пища, ямские лошади — все забиралось и грабилось. На этом участке дороги никому не понадобилась ни молитва, ни письмо; и не было нужды ни в мирзе, ни в имаме. Тот, кто хотел, совершал намаз с омовением или без него в уголке. Но в Самарканде, поскольку нас прислали на три дня в качестве гостей, появилась необходимость в общем намазе, дабы русские, увидев [наше нерадение], не упрекнули нас.

Тогда начальник посольства стал жаловаться на кушбегги за то, что он не назначил нам ни имама, ни мирзы и [предложил] отправить жалобу и поставить в известность эмира о делах хакимов и правителей Самарканда. Группа купцов указала на меня: «Вон тот, который сидит в углу ковра, является для вас и имамом, и мирзой». Тогда меня вызвали, и он мне предложил постоянное место, испугавшись, что я назначен в это путешествие для того, чтобы все, что увижу, — сообщал.

Между тем все от мала до велика начали спорить и ругаться из-за лошадей, харчей и фуража для лошадей, полученных от русского начальника. В тех же случаях, когда нужно было давать подарки на чай, тюря отсылал к послу, а посол — к царевичу. В тех же случаях, когда кто-нибудь приносил [что-либо] в виде дорожного подарка, посол говорил: «Это для меня принесено», а царевич говорил: «Для меня!» И кому бы ни достался, остальные начинали ссориться и скандалить, почему ему не выделили части? И ведя себя так пошутовски, добрались до Ташкента. После свидания с губернатором посол послал специального человека с конем и подар-

ком эт эмира. Тамошний правитель, который был из русских, подарил конюху ассигнацию в двадцать пять танга. И всю ночь и весь день посол с конюхом спорил, требуя от последнего те двадцать пять танга. Он говорил: «Я тебе за службу каждый месяц плачу десять танга, а на большее ты не имеешь права, и эти двадцать пять танга принадлежат мне». Конюх сказал: «Это мое».

В конце концов, дело передали в русский суд. Доверенное лицо суда эти деньги взял у посла и отдал их конюху.

Когда собрались отправиться из Ташкента в русскую столицу, наступила осень. Я говорил послу, что мы прибудем в русскую столицу в самый сильный холод, падающий на начало сорокодневных зимних морозов. Предположим, что после вручения послания русские дадут разрешение на отъезд,—не соглашайтесь и оставайтесь до весны. Вы человек старый, а царевич малолетний, а в этой стране в это время самые сильные холода. Не дай бог, что-нибудь случиться с вами! Он согласился, что, конечно, это правильно.

Было начало месяца, когда он вручил послание и грамоту и сейчас же попросил разрешение у царя на обратный отъезд. И снова во время пути мы с послом ехали рядом.

Я говорил, [предупреждая]: «До сих пор во время разговоров с русскими правителями и начальниками все, что вы говорили и делали, было не к месту и попусту. После этого вам предстоит еще две встречи с царем и министром. Надо подготовить два-три умных и толковых слова». Затем я описал обычаи приемов русского царя и беседы с министром так, как я прежде видел. И разъяснил, как следует задавать вопросы и вести с ними беседу.

«Столько слов в моей памяти не сохранится. Если ты мне напишешь, я запомню». Кое-какие из этих вопросов я записал вместе с обоснованными и короткими ответами. Он их повторял день и ночь, точно грамматические правила. А когда пришел на прием к царю, такое сказал, что не соответствовало ни тому, что я написал, ни наставлениям переводчика.

Когда мы прибыли в русскую столицу, нас встретили с достойным почетом и уважением. Но императора в городе не было. Он выехал на прогулку в окрестности города. К нам был приставлен ученый переводчик — иранец. Когда приблизилось время прибытия императора, посол начал приставать с вопросами к переводчику: «Растолкуй мне обычаи и характер разговоров на этих приемах. Скажи мне, что говорить царю». [Переводчик] подтвердил то, что я уже написал. Тогда он [посол] сказал: «Напиши, а не то у меня не удержится в памяти». Затем [переводчик] спросил меня, что хочет

этот глупец? Я сказал, что все уже написано и приготовлено, он хочет услышать это от тебя, чтобы снова выучить. Он тоже два-три слова написал и дал ему, указав, что во время первого приема царя говорят о дружбе, přátельстве и любви. И на нем [приеме], кроме дружеских и любезных слов, ничего другого не следует касаться. «А если я спрошу о землях, что будет?» Тот ответил: «Берегись! Не делай этого безрассудства! Потому что если царь по этому вопросу что-либо скажет, то уже ни прибавить, ни убавить ничего нельзя будет. Здесь есть государственный министр. По государственным вопросам говори с ним сколько хочешь. Он даст ответ. Вопрос относительно твоей страны наши министры обсуждали и советовались [по этому поводу]. [Они говорили], что из царей тюрских стран никто до сих пор нам не подчинялся. Теперь царевич из Бухары прибыл с изъявлением покорности. Следует с ним поступить так, чтобы это понравилось другим государствам, т. е. вернуть захваченные области и кое-что прибавить». Посол закивал головой и сказал: «Так я и сделаю». Когда же посол стал разговаривать с падишахом, то без вступления и предисловия, взяв за руку царевича, проговил: «Повелитель правоверных прислал свет своих очей с надеждой, что его величество император вернет захваченные области—Ташкент, Самарканд, Джизак». Царь спросил у переводчика: «Что он говорит?». Тот перевел его слова. Царь махнул рукой, топнул ногой и сказал: «Эти области подчинены ташкентскому губернаторству и находятся в его ведении. Об этом следует спросить его». Затем, отвернувшись от посла, он взял за руку царевича и милостливо обратился к нему с вопросами и предложением осмотреть апартаменты своего дворца. Он приказал распорядителю, чтобы царевича не огорчали, показали ему различные театры и хорошие фабрики, чтобы он не печалился. Затем мы получили разрешение оставить собрание. Переводчик с послом говорил очень резко и упрекал его: «Я тебе что толковал? А ты что сказал? Я был не в силах все это переводить, но поневоле должен был перевести. И ты сам уничтожил труды царевича. Теперь у тебя не будет случая ни с кем сказать слово о владениях, исключая губернатора».

По этой причине посол очень опечалился, не стал осматривать тамошние места и начал просить разрешение отправиться назад. Переводчик говорил: «Не торопись и оставайся до весны: и царевич хорошенько насмотрится удивительных вещей в этих местах, и мы в ответ на твое послание напишем письмо. Наше письмо будет закончено лишь после обсуждения его во всех департаментах и министерствах. На это уйдет по меньшей мере один месяц. В ответ на твои подарки мы

тоже прикажем, чтобы приготовили все должные дары». Он не согласился и упорно настаивал на своем. Вначале месяца джади¹³⁸ было получено разрешение. Я сказал послу: «Ты дело не сделал, а людей и себя подвергнешь холоду и гибели».

«Творец, создатель мира,—он бог милостивый и нас сбережет»,—ответил он. Я сказал: «Если падишах прикажет кого-нибудь расстрелять, разумный человек не станет ходить между стрелками и мишенью, говоря, что бог защитит, так как если пойдет, то, конечно, будет настигнут пулей и сам станет мишенью несчастья. Холод, снег и град на земле подобны пулям. Они сами собираются и невольно сами падают; и так продолжается, пока под солнцем месяца хамолл¹³⁹ не наступит отдых и ослабление. Само по себе падение [снега] происходит ради сохранения зерен, а таяние — для роста и разрастания корней. Можно сказать, что холод имеет то же значение пахоты и боронования. Святой владыка ради поездки такого глупца безмозглого, как ты, не приостановит дело земледелия и холодное время не превратит в теплое. По этой причине во время летнего зноя и зимнего холода путешествовать — это свидетельствовать о глупости и безрассудстве. Кроме глупцов, никто на это не отважится».

Действительно, холодные ветры и наступление осени несут весть обитателям земли, оповещая: «О жители земли, готовьте нужное для защиты от холода и, о, дикие звери, из пустыни бегите в берлоги, [пещеры] и, о, насекомые, забивайтесь в ямы, так как у нас есть дела в мастерской земли. Смотрите, как бы с вами—[не дай бог!]—не приключилось несчастье».

Только невежда не поймет это обращение и в этот момент уйдет из дому. Действительно, в пути мороз раздул нос посла и сделал его похожим на глиняный кувшин. Я сказал: «Не печалься, так как бог самый милостивый!» Пальцы рук и ног у большинства наших друзей были отморожены, и мы были вынуждены около полутора месяцев провести в одном из русских городов. Мы лечили ноги и руки, пока не приблизилась весна. Заботу о пище и пропитании возложили на плечи бухарских купцов. Каждый волей-неволей что-нибудь приносил и давал. Если бы посол не был глупцом, он бы оставался в столице, а все расходы на пропитание его и его товарищей шли бы за счет государства. Целью его поспешного отъезда было скорее прибыть в Бухару, а не прозябать в дороге. Вывод таков: по глупости он не послушался слов доброжелателя.

Еще одно: после того, как мы побывали в русской столице, было объявлено, что эмир бухарский, признав себя покорным [царю], прислал в связи с этим своего сына. Франки

этому не поверили и прислали [своих представителей], чтобы проверить это известие.

Однажды переводчик привел в посольский дом одного иностранца, знающего язык, и сказал: «К вам пришел с целью вас увидеть умный и многознающий, владеющий персидским языком человек из страны франков. Он нам рассказал о после, который был с нашей стороны в Руме и что он три дня жил в его доме. Тот был человек невежественный. При этом [забавно то], что по убеждению ваших людей он слыл бухарским Абу-Али [Синой]». Затем, обратившись к послу, он сказал: «Император, великий падишах и вы хорошее дело сделали, что вступили на путь мира и согласия с ним, открыли дорогу для обмена письмами и посланиями. Теперь вам следует заключить письменный договор на пятьдесят, сто лет о союзе и мире, так как спокойствие людей связано с этим». Посол ответил: «Вражда, распри и войны между государями возникают из-за того, что не довольствуются [тем, что имеют]. Первоначально такие-то земли и такие-то места были наши, а эмир Насрулло отдал их эмиру афганскому Дастмухаммаду¹⁴⁰ под пастбища, поскольку тот прибыл в Бухару, как изгнанник. Сейчас они в твоих руках. Такие-то земли и такие-то места также были нашими, а сейчас они присоединены к государству императора. Если бы эти земли были возвращены и каждый бы довольствовался своей землей, то никаких бы смут и вражды не было. Если цель — спокойствие, ты эти области отдай и император пусть тоже отдаст, а мы вернемся назад». Иностранец очень удивился этим словам и спросил у переводчика по-русски: «О чем говорит этот человек, что он имеет ответить на мои предложения? Он говорит что-то противоположное. Нам следует говорить эти слова, а не ему». Переводчик ответил: «Он человек глупый и неотесанный. Неуместно повторял все, что взбрело ему в голову». Иностранец сказал: «Удивительно невежественный человек. Неизвестно, дадут ли [палку], а он претендует на целый климат». Затем он спросил у посла: «Вы когда сеете хлопок и сколько раз поливаете его? Если вам понадобится американский сорт хлопка, то мы дадим его семена. Это очень хороший сорт, высевайте его». Посол спросил: «Ты хочешь коконы шелкопряда?» Тогда я разъяснил ему, что речь идет не о шелковых коконах. Он ответил: «По дороге мы видели на берегу Сыр-Дарьи тысячи мешков с хлопком. Если будет свободный проезд и открытые дороги, то купцы привезут намного больше хлопка, чем теперь привозят». Иностранец засмеялся, поднялся с места и распрощался.

В самом деле, если бы в то время при определенных усло-

виях в определенных обстоятельствах посол вел себя умнее, то, возможно, царь приказал бы вернуть некоторые отошедшие области. И даже если бы молчал, то сами министры вернули бы кое-что в связи с приездом царевича. Или, по крайней мере, он мог бы заключить скрепленный печатями договор хотя бы о том, что между русским государством и нами не будет вражды и войн в течение ста лет. Это, конечно, даст основание избавить наш народ от опасений о том, будет ли в этом году война или нет.

Короче говоря, в таком [плачевном] положении мы вернулись в Ташкент. Царевич рассчитывал на то, что возможно губернатор Ташкента вернет области. Он же дал ему горсть орехов и фисташек и распрощался с ним. Так прибыли в Бухару. Эмир также питал надежду на возвращение некоторых областей. Когда увидал, что мы прибыли с пустыми руками, то очень огорчился. Он понял, что эти неудачи и огорчения произошли из-за его собственной неосмотрительности и из-за глупости его посла. Он спросил у меня: «Очевидно, грязь посла и вас запачкала [вероятно, посол совершал грязные дела]». Я ответил: «Нет, посол не делал преднамеренно или с умыслом ничего такого, чтобы противоречило самопожертвованию и интересам государства. Однако, сколько бы и что бы он ни говорил и ни делал,—все было не к месту. Но вины его в этом нет. Ответственность за это несет правительство и прежде всего за то, что оно назначает подобных лиц на высокие посты и на ответственные дела. Положение его в точности напоминает обезьяну-сторожа». Эмир спросил: «В чем дело?» Я рассказал: «Один садовник сильно привязался душой к обезьяне и выбрал ее себе в друзья. Однажды, выбрав в саду себе удобное место для отдыха, уснул. Обезьяна взяла веер и стала прогонять мух. Но как ни старалась обезьяна, размахивая веером, защитить его, мухи со всех сторон нападали на спящего, залезали в ноздри и глаза садовника. Расстроенная обезьяна схватила камень в десять сир¹⁴¹ от весов, которым взвешивали виноград, и запустила им в мух. От удара мозга брызнули из головы садовника. Это было наказание за то, что он допустил к делам своего дома и своей жизни недостойного». Эмир сказал: «Что я могу сделать, если кушбеги допустил его к этому важному делу?» Я промолчал, не сказав, что кушбеги еще глупее его [посла].

Однажды мы были на приеме у одного из министров императора. Он сказал: «Я слышал, что вазир Бухары Мухаммад-шах кушбеги хороший человек, но неграмотный. Каким же образом он справляется с делами министерства?» Я отве-

тил: «Он стал вазиром, благодаря многолетней службе. С детства он находился при отремени эмира». Министр сказал: «Я не говорю, что его нужно повесить или заточить в тюрьму и там уморить, но работа министра требует ума и грамотности. Вазир должен обладать умом и владеть пером, чтобы устранивать изъяны государства. Персона министра близка персоне падишаха. И тайны падишаха должны быть под силу вазиру. Если министр не будет сам владеть пером, то вынужден будет государственным тайны излагать писцу, а последний не имеет достоинства министра. Непременно тайна будет разглашена». Я ответил: «В нашей стране государственных секретов немного. Мы пребываем в колыбели мира и безопасности. У нас больше обывательских, жизненных секретов. И разглашение их не принесет вреда государству». Он продолжал: «Сохранение всяких секретов — необходимое качество благородства и человеческого достоинства. Нужно, чтобы никто не знал о скрытых грехах и испорченности падишаха. Применение этого в отношении султанов — предписание шариата».

И эта неразумность нашего вазира стала очевидной для него еще и из следующего. Однажды несколько русских начальников приехали в качестве путешественников, [чтобы все] осмотреть. Их безо всякой причины посадили на цепь, а имущество их было разграблено, растащено и конфисковано. А потом под каким-то предлогом их выпустили. На самом деле, если хорошо посмотреть, все потрясения и смуты, которые происходят в этом государстве, все недостатки, которые здесь имеются — все [происходит] из-за неразумения вазира, его слабости и глупости.

Да, общий ход государства и его упадок вызван явной причиной, и этой [причиной] является Мухаммад-шах кушбегги. Во-первых, если бы у него было хотя бы немного ума и мудрости, то он не взялся бы за руководство вазиратом. Он заранее разузнал бы из исторических книг о занимаемом ими [вазирами] положении с тем, чтобы спросить себя: «Подхожу я для этого дела или нет?» Ум повелевает, что не следует брать на себя бремя сана, если не видишь общее благо конечным результатом. И для того, чтобы сберечь самого себя, ни один умный человек не возьмет на себя обязанность военачальника, вазира, с которыми связана гибель в этом и том мирах. А если уж ему выпала доля приказывать и распоряжаться, то делать это надо ради блага рода человеческого. Счастье не в том, чтобы наполнять и освобождать утробу и произносить молитвы. В действительности такой человек есть ассенизатор в образе человеческом. Наконец, тот, кто

от страха не в состоянии сказать падишаху слово правды,— как может управлять делами вазиратства?

Дело в том, что в руках вазира должна быть хотя бы частично власть, дабы он мог решать государственные дела. Затем, если же ему свободу действия и власти не дают,—ему следует тут же сбросить с себя бремя вазирства, не задумываясь о гневѣ султана.

Харун-ар-Рашид приказал одному из эмиров взять на себя управление Египтом. Тот человек не согласился. Харун разгневался и сказал: «Люди через посредников добиваются от меня управления Египтом, а я сам тебе это предлагаю и ты не соглашаешься». Он ответил: «Я по ряду причин к этой должности не пригоден: первое — необходимость наблюдения за нравственностью, что невозможно, так как бог назвал этот город обителью разврата, и только по моему приказу разврат в этом городе не станет порицаться: второе — я человек рассеянный, а ты в этом отношении поблажек не даешь. Даже карающий и все милостивейший аллах груз веры предложил взять небу и земле. Но они не согласились. И он на них не гневался». Харуну этот его ответ понравился и он его простил.

А однажды случилось так, что несколько русских и иностранцев под видом купцов прибыли в Бухару и выбрали остановку в одном из караван-сараев. Бухарские купцы, которые находились в России, написали письмо кушбеги [о том], что пять-шесть человек из русских и иностранцев приедут в Бухару. Они, очевидно, шпионы и их следует разыскать. Кушбеги кому-то приказал, чтобы их всех посадили на цепь и арестовали, имущество их конфисковали и передали в казну. Будучи в тюрьме в арке Бухары, они через посредство евреев или других лиц отправили в Россию письмо, что их заточили в тюрьму и теперь они находятся в цепях у эмира Бухарского: «Причина этого нам неизвестна. Затребуйте нас». Один из этих пленных был братом русской императрицы, который предпринял это путешествие под видом купца. Сейчас же из русской столицы дали знать в Оренбург (а этот город служит местом сбора бухарских купцов), приказали забрать купцов вместе с их товарами и потребовать освобождения арестованных [русских].

Бухарские купцы написали кушбеги, прося его выпустить тех арестованных путешественников: «Мы тоже арестованы вместе с имуществом». Кушбеги тех арестованных освободил и отправил, чтобы этим освободить бухарских купцов. На все это ушло примерно шесть месяцев. После этого ста-

ло известно о готовившемся нападении русских на области Туркестана. И о том, что они в скором времени подойдут к Ташкенту и завоюют его. В это время один из друзей автора из числа купцов, ездивших в крепость, приехал ко мне и рассказал: «Я был в крепости Казалинске. Однажды некто прибыл в крепость, сидя в великолепной коляске и в шляпе с перьями. Говорили, что он едет из Петербурга и намеревается отправиться в Бухару. Через два дня он ко мне пришел и что-то спросил. Я достал для него это в своей лавке и отдал. Он спросил: «Ты откуда?» Я ответил: «Из Бухары». Потом он присел и сказал: «Если я отправлюсь в Бухару и буду служить там вашему правителю, что мне дадут? Я знаю много ремесел и искусств, начиная от военных порядков и знаний военной тактики, а также перевод с многочисленных языков». Я сказал: «Тебя объявят шпионом, бросят в тюрьму, закут в цепи и убьют». Он ответил: «Меня не посмеют убить, а если убьют, то за мою кровь пусть дадут десять [таких городов, как] Бухара [и то] они не станут выкупом. Я служил четырем государствам и от каждого получал ордена». Затем мне показал ордена этих государств и сказал: «Я мусульманин и хочу ради благополучия мусульман в Бухаре послужить, обучить их военному строю. Вскоре между русским государством и Бухарой снова возникнет вражда и столкновения». Я ответил: «До тебя уже многие знающие, талантливые люди приходили. Их бросали в тюрьму и убивали». На этом разговор был закончен. Через месяц дело наше закончилось, и я вернулся в Бухару. Там среди других освобожденных из тюрьмы русских людей находился и этот человек.

Я обратился к нему с приветствием и спросил: «Куда Вы отправились? Что делали?» Он ответил: «То, что ты сказал, оправдалось. Как только я прибыл в Бухару,—меня, ни о чем не спросив, арестовали вместе с ними. Через несколько дней выпустили. Основания для ареста, как и для освобождения, мне не были известны. Вначале русский царь меня послал для их же спасения по той причине, что жена царя просила отправить человека, который выручил бы арестованного в Бухаре ее брата. Царь вызвал меня к себе и сказал: «Ты мусульманин. Законы и порядки их знаешь, отправляйся и такого-то освободи из тюрьмы». Я отправился в Бухару. Никто не спросил меня о том, кто я,—и меня также заковали в цепи. Пробыл я до тех пор, пока вместе с теми, за кого ходатайствовали, и меня освободили».

И после того, как дело было расследовано, выяснилось, что этот человек тегеранец по имени Казимбек. Он был учителем детей русских аристократов и царевичей. Это был умный человек, поэт, астроном и медик. Когда он прибыл в русскую столицу, он привез три подарка: разбитую глиняную афтобу¹⁴², бухарскую ложку для плова, наполовину сожженную, и разбитый глиняный подсвечник. Поставил он их перед императором и сказал: «Это умывальник бухарского эмира, из которого он совершает омовение, а этой штукой он достает пищу, а это вещь, на которую ночью ставится светильник. Что касается других вещей, которыми пользуется султан турецких стран, то все они от тебя, например: ситец и сукно, керосин и железо, бронза, серебро и золото, сахар и сладости и все другое. Если бы им отказали в этих вещах, то они стали бы носить на ногах чарыки¹⁴³, а голову покрывали бы трехгазовой шерстяной тряпкой, а ткани для халатов и одежды выделявали бы из грубых ниток, из которых делают канары, мешки и паласы. Их земля ограничена пятью-шестью климатами, соответственно делению европейцев, и государство делится на четыре части. Одна часть находится в Туркестанской области, входящей в состав владений турков — потомков Яфета. Там живут все кочевники. И во главе каждого из этих племен стоит правитель [хаким], захвативший власть или после победы, или получивший ее по наследству. Никто из них не принадлежит царскому роду. И нет между ними таких, которые входили бы в состав какого-либо государства. И каждый из них [вопрошает]: «Кому царство в этот день?»¹⁴⁴ Они ничего не знают, что творится в мире. Они по своему усмотрению арестовывают и сажают людей на цепь, имущество их отбирают и овладевают им. И они не имеют представления о том, что, кроме их земли, есть еще другие или что, кроме них, есть еще другие цари. Забрать эти земли — одна из наинужнейших задач данного [русского] государства. На этом пространстве земли приблизительно равном двадцати градусам долготы и четырнадцати широты проживает бесчисленное количество людей. Все их земли обеспечены водой, покрыты цветами и дают различные виды фруктов и плодов. Ты бы сказал, что это цветущая часть мира. И долгие годы она была скрыта от взоров людей мира, подобно Америке. И все горы и холмы этой земли богаты драгоценными камнями. И можно сказать, что ни в южной, ни в северной четверти земли нет такой заселенной, процветающей и с таким хорошим воздухом земли, как эта земля. И если эта земля попадет под власть нашего государства [России], то общая численность войска в

государстве увеличится примерно на пятьсот тысяч человек. И при этом не будет наблюдаться никакого уменьшения местного населения. Таково положение их вазира, таков их эмир и таковы их средства. Для завоевания этой территории больших затрат, усилий и хлопот не потребуется. Для завоеваний этих земель вполне достаточно десяти тысяч человек солдат «от начала и до конца».

Тогда император отдал приказ пойти и покорить силой оружия эту страну и навести в ней порядок. Нет земли без хозяина и страны без владетеля. Так живут только животные, сами себя называют вазиром или эмиром. Своевольно живут, [опираясь] на силу свою, насильничая. После этого было решено напасть на Ташкент. И было совершено то, что было!¹⁴⁵

Итак, если глубже вникнешь, то упадок и разруха в этом государстве произошли из-за глупости и бессилия падишаха и вазира. Если бы у падишаха было достаточно ума, он не назначил бы на пост министра такого глупца. И если бы у вазира была сила, рассудительность — он прежде всего не арестовал бы тех купцов по наговору наших купцов, а после ареста выяснил бы истинное положение дел и освободил бы их.

И другой причиной нападения русских на государство Мавераннахра было убийство Шахрух-бия иная. [А дело обстояло так]: Насреддин шах Тегеранский¹⁴⁶ все с большей настоятельностью обращался с просьбой к его величеству императору, чтобы тот наказал правителей тюрских стран и положил бы конец их насилиям, убийствам и продаже людей и что [именно] он [русский император] сможет это сделать. Поэтому русские отдали приказ о завоевании этих областей из уважения к его памяти. Подробности этого таковы. После вшествия Насреддин шаха на иранский престол сын брата его отца по имени Шахрух эмигрировал из Тегерана и прибыл в Бухару из страха перед новым иранским правительством. Так как он был из числа иранских царевичей, эмир Насрулло хорошо к нему отнесся и позаботился о нем. Он был назначен на пост главнокомандующего войском и артиллерии Бухары.

Действительно, он неоднократно проявлял отвагу и преданность государству. Врагов этого государства он разбил и завоевал много областей. Некоторые военачальники Бухары придумывали против него хитрости и коварства. Но они не возымели действия, потому, что покойный эмир после казни Абдалсамад хана наиба узнал о хитрости и

обмане своих приближенных и сильно раскаивался в своем поступке.

На этот раз обман придворных не достиг цели. Шахрух оставался у власти до тех пор, пока на шахский престол не вступил эмир Музаффар. При нем же военачальники государства нашли возможность доказать, что он развратничает, пьет вино или что он является сторонником внука покойного эмира в деле наследования престола и каким-то путем убедили эмира бросить его в тюрьму и заковать в цепи.

В действительности земли султанов Мавераннахра ограничены и государство их невелико. При этом пять-шесть человек владетелей претендует на независимость [из Коканда, Кашгара, Хорезма, Бухары] и из некоторых других более мелких владений — Гиссара, Матчи, Куляба. Правители этих областей, придя к власти, дрожат на ее вершине, подобно ивовому листу. И ни на кого из своих подчиненных и чиновников не могут опереться и питать доверия. Они постоянно пребывают в страхе потерять власть и владения.

Падишах, когда кого-нибудь выдвигает и дает чин — не может дать ему волю и независимость потому, что опасается, как бы тот, проходя мимо него, не поднял бы меч и на него. И военачальники не желают, чтобы кто-нибудь другой приобрел влияние и не допускают человека с талантами и достоинствами. Они не дают ему приблизиться к падишаху, потому что тут же обнаружатся их собственные недостатки и невежество, они будут смещены, а их посты отданы. По этой причине у людей этого государства нет и собственного покоя. Их удел — заботы и тяготы. Только люди низкие бывают удовлетворены. Так, если мусорщик сядет на переднем месте на банной суфе, то он это уже считает для себя великим счастьем. Но высокие души, когда входят в баню и видят банщика, — это вызывает у них презрение, и они предпочитают устраивать баню у себя в доме.

Короче, когда Шахрух бий был в тюрьме и в оковах, в это же время группа русских вместе с Казимбеком также находилась в тюрьме. В это время один человек по имени Мирза Якуб прибыл в качестве гонца с письмом из Тегерана. Он был послан одним из векилей Ирана и поселился в Караван-Сарае. Он заявил среди афганских купцов, что, мол, прибыл из Ирана с тремя требованиями: во-первых, поскольку арестованный Шахрух бий — потомок династии царей кеянидов, то он должен быть освобожден и отправлен в Тегеран. Если захочет, — пусть остается в этом государстве, но чтобы его не казнили; другое требование было о запрещении продажи рабов из жителей Ирана, чтобы туркменам

запретили захватывать пленных и продавать их в рабство. Если вы согласитесь с этими требованиями, мы добьемся предотвращения нападения русских на землю Туркестана, а сейчас русские силой оружия решили овладеть туркестанскими областями.

Ведь и мы люди, совершающие поклоны в сторону киблы, не хотим, чтобы мусульмане были поправлены грешными неверными. Эти требования постепенно дошли до слуха вазира. Его также заковали в цепи и бросили в тюрьму вместе с европейцами. И он оказался не в состоянии сделать те предложения эмиру. Наконец, по ходатайству русских и этот тегеранец был отпущен. Он сейчас же бежал, чтобы снова не попасть в тюрьму. И вскоре после этого Шахрух бий иначе вместе со своим братом Хасан ханом были казнены. Слухи о его смерти [еще до его казни] дошли в Иран. Насреддин шах пожаловался императору и просил, чтобы он сделал то, что сделал. Всевышний и святой владыка мира, если захочет отнять у кого-нибудь государство, прежде всего отнимает у него средства защиты, затем делает глухими уши правителя к словам истины. И заграждает путь советов и обсуждений для людей этого государства. Так что внутренние и внешние дела путаются. Конечно, нить порядка и устройства дел теряется; и если бы устойчивость этого государства согласовалась бы с решением аллахова предопределения, тогда Шахрух эмир не был бы смещен с начальствования артиллерией. Это был тот самый человек, который по указанию аллаха больше двадцати раз под Табризом на Кавказе сталкивался с русскими и подверг их позорному разгрому. Это подробно описано в новой «Равзат ас сафо» Ирана. Вероятно, сами русские и не думали начать нападение на Туркестан, потому что им было известно положение его [Шахрух бия] там. Убийство его стало для них доброй вестью, предвещающей победу, и они приняли решение осуществить свое намерение.

Во время правления этого эмира — кровопийцы и глупца, — кроме Шахруха Мирзы, были убиты также некоторые другие лица, от которых можно было ожидать пользы, это: Ибрагим бий парвоначи,¹⁴⁷ Канаатшах бий додхо, Азиз бий кушбеги (вазир) и начальник артиллерии Ибадулло бий парвоначи и другие. И их места заняли такие слуги, которые были одноклассниками и соучениками эмира. Когда Ширали, Якуб и Мухаммадшах, Дурбин, Салим бий и Барат бек заняли главные посты в государстве, они составляли группу, которая из школьной тюрьмы бухарского арка переехала в тюрьму Кермине. И жизнь для них была адом. Они постоян-

к власти и высшему господству в Бухаре, то они ни о чем другом не могли думать, кроме как о сохранении хлеба и о том, как бы удержаться в должности. Короче говоря, в каком бы месте они ни были правителями, везде производили разрушения и многих людей жалили. Когда же начинались сражения, они показывали спины, без боя уступали врагу свои вилайеты, чтобы самим, опозоренным и в бесчестии, ринуться в преисподнюю. И дело эмира своего они довели до гибели, разрушения и беспорядков.

В то время, как эмир Тимур свое имя, храбрость и доблесть возвысил по всей четверти населенной части земли, эмиры Бухары свое имя унизили злонравием, трусостью и малодушием. Бухару и Самарканд, которые повсюду славились и отличались справедливостью и человечностью, верой, благочестием и наукой среди большинства городов, они обесславили настолько, что до дня воскресенья мертвых не смоят позора и он не сотрется со страниц истории.

Одним словом, захват русскими Самарканда произошел в месяце мухарраме 1285 г.¹⁴⁸

К воде и пище людей Бухары присосались мухи. Группы русских в виде путешественников и посольств хотя лишь изредка прибывали, но они под тем или иным предлогом требовали чрезвычайных расходов и трат. И эмир из страха перед тем, как бы они не обиделись и не лишили его беззаботного существования и покоя, в сто раз больше прежнего с насилием и притеснениями взымал налоги с мусульман и им отдавал, а себя перед ними изображал другом и покорным. И так как правление этой страны зиждется только на усмотрении и решениях здешних царей, а русские люди дела ведут согласно установленному порядку, то взаимоотношения у нас с народом большей частью находились в противоречии с их порядками; и каждый шаг они контролировали: ты, мол, это сделал в противоречии с дружбой, а этот приказ противоречит требованию о покорности. Разве ты намерен уклониться от обязанности и вступить с нами в конфликт?

И снова эмир насильно выколачивал удивительно крупные суммы из крестьян и подданных и отдавал им [русским] в виде взяток и подарков, чтобы тем заткнуть им рты. Он боялся, как бы они однажды не заявили главе государства: «Убейтесь!»

Поскольку территория страны сузилась и размеры страны, на которую распространилась власть эмира, уменьшились, неизбежно появилась необходимость увеличить поборы для удовлетворения потребностей. Короче говоря, на база-

но находились в волнении, подвергались поношению и клевете. Как только они направили шаги в просторный миррах, у весов и при товарах были назначены люди, которых называли аминами. Если несчастная вдова приносила моток ниток и продавала его за три фельса,¹⁴⁹ то два из них уходило амину. И если кто-нибудь привозил один харвар¹⁵⁰ топлива и продавал за три дирхема, то на две части из них имеет право амин. Десятину с вакуфа собирали в казну, так как султан являлся главным мутаवвалием.¹⁵¹ А ведь по закону мутававали существует лишь для того, чтобы собирать долю бедных студентов и во время выдавать им, дабы не было помех для их учебы. Теперь же падишах собирает десятину, и шесть месяцев студенты и должностные лица ведут тяжбу с арендаторами вакфов и все равно не могут получить то, что им полагается. И когда кто-нибудь из путешественников умрет в медресе и во дворце, то имущество его объявляют «выморочным». А если даже имеет законных наследников, то они тоже не могут подтвердить свое право наследования. В какой бы суд не обращался,—его отовсюду прогоняют. И точно так же с начальником стражи. Если кто-нибудь украл какое-то имущество и владелец приведет вора вместе с имуществом и передаст начальнику стражи, то он это имущество отправит к себе на двор, а владельцу имущества скажет: «Иди, у этого вора обнаружено сейчас еще много краденого. Мы хорошо выясним и тогда твою долю отдадим». Владельцу имущества приходится столько ходить за ним, что он проникается отвращением и к своему имуществу, и к общению со стражниками. Если может, то даром убегает. А если нет, то освобождается лишь после того, как сверх своего имущества даст еще стражникам деньги. Способ выманивания денег со стороны стражи таков, что когда они видят, что владелец имущества проявляет настойчивость, чтобы заполучить свое имущество, то они предъявляют ему ложное обвинение и подвергают наказанию. Например, говорят, что при допросе этого вора, мы выяснили, что твоя жена находилась в связи с этим вором, иногда днем или ночью она приходила к нему и брала много денег; или: с этим человеком был связан твой сын, что он водится с ворами. Ему передавали украденное, а он его продавал. Твою жену или твоего сына следует отправить в уголовный суд и допросить, сделать очную ставку с этим вором. Поскольку человек, владелец имущества, никакого отношения к этому не имеет и боится обвинений и клеветы стража [полицейского], опасаясь бесчестия,—все, что бы ни сказали и ни потребовали, отдает начальнику стражи и его подчиненным. И второй раз,

во всю [свою] жизнь, он не пройдет вблизи двора миршаба¹⁵² или бека.¹⁵³

Точно так же обстоит дело с водой. Она еще из источника не появилась, а мираб требует взятку, чтобы дать первому воду. Вода приходит и уходит, а этому человеку вода не достается.

Или в ожидании воды несколько раз требуют из вилайетов людей для очистки каналов, и при этом насильно взыскивают как с проходящих, так и непроходящих две танга. И все эти деньги идут в казну, потому что ежемесячно или каждые два месяца оформляется и отправляется документ на несколько тысяч танга на имя мираба или миршаба. Вся эта сумма направляется во дворец или выдается определенным лицам.

И еще [беда]! В каждую деревню и кишлак назначают караульного и стража, чтобы очищать дороги от воров и разбойников. Они получают жалование из тех денег, которые собираются таким способом. Но если кого-нибудь убьют у дверей сторожевого помещения и унесут имущество, никто из них не выйдет и не разыщет [разбойников]. А если и расследует, то также никто их не спросит: «Почему вы, будучи караульными, не знаете, что у вас происходит?» Больше того: на большинстве дорог сами караульные совершают разбой. А эмир убежден, что поскольку в таком-то месте имеются отряды солдат, то они и оберегают проходящих и уходящих людей.

А не знает он того, что сами эти солдаты являются причиной страха на дороге, что они производят грабеж и устраивают западню! О другом беспокоиться не приходится, так как грабитель и близко не проходит.

Удивительно следующее: многих людей убивают на дорогах, разбойники нападают на деревни, творят насилия и притеснения там и убивают при этом множество людей — ничто из этого не доходит до ушей султана. Ведь все это ему неприятно: может случиться, что для благословенного слуха это покажется тяжелым или же он рассердится от этих известий.

При этом эмире излишества и новшества перешли всякие границы. Во-первых, танхо солдата, которого и на одного ясаула не хватало, разделили на четырех человек. То же и в отношении должности мударрисов и имамов. К каждой [оплачиваемой] должности присоединили от четырех до сорока человек претендентов. В результате в медресе занятия не ведутся, а в мечети не читают намазы. То же и в отношении других пособий. Получилась ужасная неразбериха. И в некоторых местах людей, которые никогда не ходили в школу, назначали казием и раисом. И на тимуровский дахьяк были

включены многие дети, еще учившие алфавит, несмотря на то, что при каждом стоял контролер и вакиль.

Из-за крайнего беспорядка и суеты толпы людей и посторонние вмешивались во все дела. Некоторые брали громким голосом, запугивали контролеров и захватывали проходные места. Короче говоря, в делах веры царил удивительный беспорядок, подобный которому не наблюдался ни в одну эпоху и ни в какой истории не записан. Эмир и вазир, улемы и эмиры — все шли в одну ногу; учитель и ученик были похожи один на другого. Все помыслы были ограничены добыванием хлеба. Но для утоления голода добыть его было невозможно, кроме как унижением, что называлось счастьем и честью. И низкий, и благородный одевались в пышные одежды, украшали свои чалмы, ни на кого не обращали внимания и видели в эмире только себя. Каждый [беспокоился] лишь о том, приметил ли его султан, и чтобы казий посадил его рядом с собой и чтобы стать сотрапезником с раисом или быть по соседству с начальником полиции. Если же хорошенько присмотреться к султану, то окажется, что он злодей и кровопийца, а казий — взяточник, пожиратель недозволенного и захватчик чужого; раис — развратник и безбожник, а начальник стражи — пьяница и картежник, атаман разбойников и воров. Из числа мероприятий, которые эмир Музаффар провел в государственном устройстве для привлечения сердец всего народа, [полезным] было следующее: все наличные дирхемы и динары, которые собирали с народа на священные войны и содержание армии, поместили в казну. И если у кого-нибудь появилась нужда в дирхемах и динарах, то он должен был подчиниться государству, чтобы получить [просимую сумму] денег за определенную службу эмиру. Другое то, что он спускал земли бедняков под султанские сады. Где бы ни видели хороший чарбаг,¹⁵⁴ его покупали для падишаха для того, чтобы все фрукты и овощи были собраны для государственных складов. А если кому-нибудь хотелось винограда или инжира, он должен был обратиться во дворец, сослужить службу, [а потом уже] съесть огурец. Вот еще что: всех музыкантов, певцов, сказочников и чтецов, а также танцоров и лицедеев насильно заставляли бежать за своим стремением.

Если у кого-нибудь появлялось желание устроить пир или послушать и посмотреть зрелище, то он должен был вертеться вокруг этого [высокого] порога, чтобы ими насладиться.

Эмир всюду назначал мужчин и женщин разузнавать, где имеются юные девушки, и доставлять их к себе во дворец. А если кто-нибудь хотел жениться, то он должен был об этом

заявить во дворце, чтобы ему была назначена жена из дворцовых женщин, и он обзавелся бы семьей.

Удивительно положение некоторых неразборчивых людей, которые в надежде получить динары и дирхемы, изъявляли желание служить. Они выполняли поручения вроде посольских и подобных им один-два года и до десяти лет, поднимаясь по служебным ступеням, и наживались любыми путями. Падишах все это, приблизительно подсчитав, хранил в памяти. В удобный момент, воспользовавшись подходящим случаем, он их хватал, конфисковывал имущество и подвергал истязаниям. Так что движимое и недвижимое наследственное свое имущество отдавали даром, лишь бы найти спасение. Но и это не удавалось. Если для получения милостей добивался близости [к эмиру], то за один кусок огурца он расплачивался сотней подзатыльников. А если кто-нибудь шел во дворец, чтобы посмотреть и послушать, то видел, что рассказчики, танцоры и певцы от голода и слабости трясут головой и задом и в бессилии издают какие-то звуки. И так сидел там до тех пор, пока не ощущал голод, а потом убегал. И если кто-нибудь объявлял во дворце о своем желании завести семью и взять себе жену, то он обязан был каждые два-три дня посылать ее во дворец, так как таков там обычай: совместное сожителство. Поэтому дворец эмира никто, кроме глупцов и подонков, не осаждают.

По своей великой премудрости творец мира, Всевышний и Всесвятой, вложил в человеческую природу неустойчивость, сомнение, соблазны, которые проявляются на всех ступенях [его бытия] — как общественного, так и семейного. Если одни люди не берутся за какое-нибудь важное дело из-за отвращения, то тут же найдутся другие, которые за него возьмутся с большой охотой. И процветание мира на этом порядке держится!

Что за время, когда судьба и предопределение признают необходимым, чтобы Захак при всей кровожадности и наглости правил тысячу лет, а справедливые и умные люди от службы и от общения с ним испытывали отвращение?

По этой причине государство оказывается в руках глупцов и людей презренных. Своей службой этому нечистивому [Захаку] они доводят весь мир до полной разрухи. Что ж! Всякий из этого сброда, обладающий хоть немного умом, знает, что беседа с эмиром благороднее, чем разговор с истопником бань. А пища на его приемах приятнее базарной еды, которую едят нищие. Пусть за один день получают сто палочных ударов, но зато им разрешат присутствовать при этих разговорах, на этих собраниях и за этой едой. [Несмотря

ни на что], они готовы нести эту службу у этого порога. Ведь этот сброд знает о мире и о том, что в нем заключено: лишь [то, что необходимо]: есть, отправлять естественные нужды, совокупляться, а дальше этого в целом свете и шагу не сделали.

Поскольку мир — это [постоянное] возникновение и упад, то [когда] в одном из климатов разруха доходит до предела, [аллах] выдвигает людей, которые справедливостью и правосудием снова возвращают ему процветание. Причина этого в предисловии разъяснена.

Еще эмир ради удовлетворения своих желаний при назначении на должность и пенсии придумал весы, [по которым] единственное, что принималось в расчет,—это имеет или нет данное лицо юную девушку. Если не имеет, то будь он даже Абу Али, все равно его объявят невеждой и не допустят ни к какой должности ни в качестве сипая, ни улема. Если же имеет дочь, то поднимется на все ступени, которых добивался. Удивительно, что через небольшой промежуток времени его все же прогоняли с глаз эмира, смешивая с грязью. И это заслуженно по той причине, что они совершили проступок противный мирским делам, вере и законам благородства, дав согласие на разврат и проституцию своей дочери, поскольку во дворце султана она стала пленницей разврата, а защиты и безопасности не было.

В первые годы своего правления султан из чувства стыда или скромности в течение суток вступил в брак с двумя или тремя девушками, вполне соблюдая обряд бракосочетания по шариату в присутствии вакиля или опекуна; заключался брачный договор, читалась молитва в присутствии жениха, а затем их отсылали во дворец к эмиру. Но так как это требовало много расходов и стало государственным делом, то чтение хутбы в присутствии жениха стали считать не нужным, ограничивались только произнесением слов: «Я тебя взял в жены и ты стала моей женой». Этого считали достаточным. Через некоторое время это все показалось скучным и не нужным. Все приостановили. И только одно условие соблюдали, а именно: если какая-нибудь [девушка] после смотрин понравится, то он удовлетворял с нею свою похоть. Ничего другого не требовалось. И когда лишенных девственности и целомудренности девушек собиралось по-пятьдесят или сто, то их одновременно, как стадо, выводили и, кто бы ни спросил, отдавали бесплатно. И снова начинались поиски новых. Горожане настолько привыкли к таким делам, что многие, у которых имелись еще несовершеннолетние дочери, приходили к эмиру и ставили его в известность, что, мол, у нас дома

имеется такой-то товар, который подходит для дворца. Все: от людей низких и до благородных — покорились этому делу. Всюду на собраниях и меджлисах при большом количестве народа об этом говорилось открыто: рассказывали, вспоминали, описывали. Это нравилось. Этим занятием гордились и считали его почтенным. Все родившиеся и увидевшие свет около начала этого благословенного века были убеждены и считали, что с сотворения мира существует этот порядок, что такова религия и законы. Дряхлые, старцы, наблюдая эти недостойные действия молодых, отрекались от старых убеждений и следовали за ними. Наша жизнь прошла, мол, в печали, горестях и страхе, а при этом новом образе жизни ничего особенного не произошло, земля не разверзлась и небо не опустилось. В общем, нить веры и убеждения была выпущена из рук старцев и юношей и затерялась. Во всех религиозных делах и гражданских взаимоотношениях придерживались (изречения): «Кто страстно пожелал, тот и делал что хотел!» Каждый действовал по своему усмотрению, не считаясь с религией и законом. Например, если шейх из кельи направлялся в трактир или если завсегдатай того трактира выдавал себя за Баязида, никто не был в состоянии спросить: как, что, когда? Или если на базарах хлеб из пшеницы стоимостью в двадцать танга за ман продавали из расчета ста танга,—никто не спрашивал, почему так делается; а если и спрашивал, то ответа не получал. Потому что султан из-за полнейшей своей глупости назначил на высшие посты и должности людей неблагородных, недостойных. Они не могли сами решать ни одного важного дела без разрешения султана. Все дела и заявления бедняков и воинов направляли к султану. Он же, если один или два дня и занимался этими делами и решал их, то на третий все это ему надоело и, потеряв терпение, передавал все это на усмотрение вазира и казия. Они же в течение одного-двух дней проявляли всю свою неразумность. Если же люди вторично обращались с жалобой к эмиру, говоря что вазир мне такое зло учинил, а казий не расследовал мою жалобу, то эмир по глупости, не поняв сути дела, ограничивался упреками и прекращал вообще прием жалоб от населения: мол, пусть меня этим не беспокоят и не докладывают. Народ, придя в отчаяние у двери эмира и вазира, обращался за помощью к первому встречному, поднимая крик и вопли. Но все это не помогало. Люди, не слыша и имени справедливости, не видя справедливого эмира и наблюдая со дня рождения этот беспорядок и неразбериху, приходили в полное смятение. Им не приходило в голову спросить: если мы не можем принести жалобу эмиру

ни по кровному делу, ни в отношении воды или притеснения другими, то для какого дела он нам нужен? Разве только для того, чтобы совокупиться с нашими дочерьми? В конце концов, зачем нужно пребывание султана на троне? Никакие такие мысли до их сознания не доходили, а если и доходили, то [они] не могли открыть рта, чтобы это высказать.

Поскольку эмир был целиком предан пьянству, разврату и плотским удовольствиям, то во все подчиненные крепости от Карши до Кеша назначил аксакалами¹⁵⁵ людей низких, а благородных сместил, опасаясь, как бы они не стали подстрекать к смуте и недовольству. Когда эмир приезжал в эти области для развлечения, то аксакалы должны были ежедневно прибывать на поклон к эмиру.

В течение года их награждали двумя-тремя царскими халатами для того, чтобы они не скрывали девушек той области. А кто проявлял усердие в этом деле, находил много девушек и часто об этом докладывал, того во время раздачи халатов и подарков особо отличали. Внешне казалось, что этот порядок имеет целью заботу об управлении вилайетами, чтобы аксакалы были в состоянии усмирить возмущение и вспышки народного негодования. Но в действительности имелось в виду то, что если бы произошло восстание, то в первую очередь дубины возмущившихся разбились бы о головы этих аксакалов.

Для удовлетворения своих желаний, которые для видимости назывались «заботой» о «бедняках» и «государственной мудростью», [эмир] два раза в год в этих крепостях размещал войско, причем с такой помпой, точно это Тимур направляется в поход на Индию.

С пушками, артиллерией и десятью тысячами воинов направлялись в эти области. Посевы крестьян вытапывали, постройки подданных разрушали [и только для того], чтобы, простояв [там] четыре месяца, вернуться назад. За это время четыреста-пятьсот аксакалов были заняты тем, что доставляли в крепость проституток. Так же и из города Бухары постоянно курсировали одна за другой десятки арб со специальными людьми вазира, которые были назначены для того, чтобы и ночью и днем доставлять проституток туда, где находился эмир. И эти десять тысяч воинов вместе с обслуживающими их людьми, составляя двадцать тысяч человек, возбужденных [видом] женщин и детей той области, предавались мужеложству и содомитству. А их жены в Бухаре каждую ночь с двадцатью тысячами человек также предавались разврату, «... за исключением того, кого предохранил Аллах».¹⁵⁶

Коротко говоря, та часть Мавераннахра, столицей которой является благородная Бухара, стала сплошным Шахристаном Лота. А базар разврата и беспорядка стал настолько оживленным, что страна вскоре уподобилась Египту Фараонов. Согласно изречению: «Это страна развратников!» Следовало опасаться, что этот благородный город станет таким же грязным, как и города Лота. «Верх этого [города] сделали низом». [Все пошло вверх дном].

«О боже, постигни порчей!»¹⁵⁷

Из других порядков, установленных эмиром Музаффаром в своих владениях, было распространение разных зрелищ: кружение и пляски мальчиков, выступление масхарабозов, представления канатоходцев. Таким образом проходил весь год. Во всех областях — и ночь, и день — повсюду раздавались звуки флейты и барабана, чтобы заглушить истинные вести и чтобы [знания] не попадали на язык людей. Все были заняты этим шутовством. И люди думали, что везде спокойно и что порча и смуты прекратились. Трудно было предположить, что если бы существовала угроза государству, то эмир был бы спокоен и безмятежно предавался бы веселью, слушая бой барабанов. Даже тогда, когда горожане умирали из-за отсутствия воды и из-за дороговизны, звуки флейты, барабана и трубы раздавались по-прежнему все также громко, танцовщицы плясали, сказители вели свои сказки, а канатоходцы проделывали свои трюки. Люди находились в полном заблуждении, как будто в Зеравшане полно воды или будто с неба вместо дождя сыпались зерна. Иначе отчего этот радостный шум, по какому случаю все это веселье и пиршество? Когда впору плакать, замаливать грехи — совсем не время танцам и ходьбе по канатам. Волей-неволей люди ходили просто смотреть на зрелища или когда были голодными.

Правление эмира Музаффара было постоянным праздником и пиршеством. Например, когда наступал новый год, то в течение двух месяцев не прекращались гуляния и пиршества. Потом наступал праздник жертвоприношения или праздник разговления. Когда эти праздники кончались, то устраивали туй по поводу обрезания или по поводу бракосочетания царевичей или царевен.

Удивительны были эти пиры и празднества, на которых благородные люди и пальцев своих не могли запачкать. Только люди низкие, разный сброд — шуты, комедианты, педерасты — таскали в свои жилища харварами подарки. Больше всех уносили старые сводни, которые доставляли во

дворец девушек и проституток. В дни праздников в царском дворце канары с хлебом, мешки с изюмом, банки с халвой и сахаром сбрасывали с вершины арка на головы людей, так что некоторым головы разбивали и засоряли глаза; хлеб и все явства попадали под ноги, пропадали и никто этим не пользовался. Однако в царском гареме все прислужники, доверенные лица, прочая челядь и служащие при этом оставались голодными, так что были не в состоянии разговаривать. Вечером, когда они освобождались и шли к себе домой, они находили немного сухого хлеба и одну воду.

Удивительно то, что это положение дел и горожанам и поселянам казалось вполне нормальным. Три четверти населения охотно возносили молитвы о продлении царствования эмира. Лишь одна четверть из числа людей умных, которые были недовольны таким поведением, искали защиты и убежища у бога.

Что за разврат и распутство овладели природой людей из-за удаления от веры и приближения к неверию и неверным! Слушание флейты, лютни, танцы действительно соответствуют характеру низких людей, подонков и [незрелых] детей. По этой причине в тех случаях, когда предполагали, что нужно одобрение, (во время ли борьбы или на собраниях с танцами и пением, юношами, шутами, комедиантами и другими, ожидающими своей очереди и канатоходства) разные бродяги и подонки с неумытыми задами, подымали руки и возносили молитвы за господина эмира, призывая и народ, наблюдавших за зрелищем, молиться [говоря]: «Молитесь за эмира, чтобы он стал миродержцем».

Что за шум и возбуждение! Что за пиршество и зрелище, которые мы видим в век этого эмира, и подобных которым не видели и не слышали во время его отца и деда!

Да сделает его аллах миродержцем и да повяжет пояс его сам Хайдар Али!

Некоторые лица, понимавшие истинное положение, хватались за голову и проливали слезы по поводу положения их самих и эмира. Просили у аллаха защиты и покровительства, [опасаясь], как бы однажды и им не попало бы от общего злосчастия и не настигли бы их беды из-за совершающихся злых дел.

Да, когда было решено преступные поселения [Лота] уничтожить, то уполномоченные на это [ангелы] донесли главному исполнителю Джебраилу,—да будет мир с ним! — что наступил срок исполнения. Но что в это утро тринадцать человек совершали намаз,—подходят ли они также

под приказ? Всевышний Джебраил, — да будет мир с ним! — отправился к святейшему величию [аллаху]. Дан был приказ уничтожить всех. Будь они хорошими, они не проживали бы в этом городе.

Другим делом, которое по мнению эмира могло способствовать устойчивости государства и прогрессу в султанате, были молитвы и обращения к богу, а не мечь и плеть: мечь из-за того, что он не приобретает золото для султана, а плеть, — потому что она не доставляет султану девушек и женщин. Молитва защищает государство, — и довольно. В этом он был твердо убежден. А того не знал он, что если бы было достаточно молитвы и тумаров, то и впредь пророк, — благовослови его аллах и да ниспошлет ему мир! — ограничивался бы только этим в отношении врагов и противников.

Да, молитва может давать результат, но только при том условии, что человек сам сопровождает ее соответствующим внутренним и внешним поведением. Но не тогда, когда другим приказывают: вы займитесь от моего имени этим делом [молитвами], сам же я не буду воздерживаться от разврата и дурных дел.

Еще вот что: он им назначает вознаграждение, хотя в действительности сам не имеет на него законного права. Он отпускает деньги на такое дело, чтобы сделать их соучастниками преступления. Они, получая от него вознаграждение за дело, которое им поручено, конечно, знают, что султан не имеет права тратить государственные средства на такое большое количество лиц. Ведь в действительности султан сам наемник, которого общество избирает для службы себе и которому как бы говорит: «Если ты будешь защищать имущество, охранять дороги и дом наш от врагов, то тебе из шура и хараджа с земли отдадим определенную сумму. Ты на эти средства собери людей и прикажи быть тебе в этом важном деле помощником, потому что ты один не сможешь это сделать».

Но если такого рода личности превысят свои права, то они нанесут ущерб другим. А несчастному бедняку самому не остается пропитания, не то чтобы еще давать другим.

Да, султан обязан расходовать средства на дела, но лишь тогда, когда он раскрывает [богатства] морей и рудников, одерживает победы над неверными и приобретает бесчисленную добычу. Тогда он может давать каждому то, что тот просит. Но он не должен только ради своей благополучной жизни стать бременем для нищего общества и те средства, которые у него собраны, в определенных условиях тратить так, как ему вздумается, не употребляя их по назначению. Деньги,

которые были даны на [общественное] благоустройство, он не должен тратить на постройку султанских дворцов или употребить их на украшение мечетей, не посещаемых населением. Такой султан — олицетворение божьего гнева в облике человека.

В дни его [правления] людям следует спешно начать каяться в грехах и вымаливать прощение, так как аллах на них разгневался, сделал их пленниками такого жестокого правителя. В связи с тем, что эмир был предан разврату, он, боясь позора, стал раздавать золото многим людям и приказывал заниматься молитвами, посещением мазаров и чтением корана, полагая, что обманет бога этими жалкими мерами, что господь, — да будет он прославлен! — дал ему такую льготу, что он может делать все, что захочет. Вскоре спросят его: «Тебе было сказано, чтобы ты эту сумму потратил на такую-то цель, а ты ее потратил на себя. Ты обращаешься ко мне с открытой молитвой и гордишься при этом. Ты ведь имел право на один дирхем из казны! К примеру, из каких денег ты потратил десять тысяч дирхемов на такую-то девицу?».

И еще он [эмир Музаффар] был убежден, что при таких свойствах он найдет спасение от русской опасности и что эти качества станут для него защитой и покровом в его положении.

Между тем русские чиновники хорошо понимали, что контрибуцию они сами не смогут собрать в казну, поскольку открытая тирания и насилие не свойственны их законам и поскольку они сверх установленного порядка на большее не осмеливаются. Они видели, что эмир пьет кровь своего народа, и им это было приятно и они говорили, согласно стиху: «Откуда бы ни совершалось убийство, — все нам на пользу». Когда жители города станут бессильными, то после того, как одержим победу и завладеем им [городом], — сохранить и удержать их в подчинении будет легче.

И то, что русские откладывали и медлили с захватом страны, было им выгодно, поскольку это сберегало им определенные расходы. Кроме того, каким образом удерживать в подчинении такое многочисленное разношерстное население? Как бы ни потребовались добавочные расходы после установления порядка? [Не лучше ли] возбуждать волнения и смуту и бросить в это наше общество камень раздора?

Во всяком деле, которые ты начинаешь,

Сперва приготовь щель для того, чтобы из него выбраться.

И эта снисходительность и беспечность происходит от их дальновидных соображений. И когда они уже увидели дороги открытыми, они этому не доверились и сказали: «Сиди в таком месте, откуда тебя не прогонят».

Времяпрепровождение эмира, когда он находится в столице, заключается в том, что с вечера до утра проводит [время] в разврате с группой танцующих безбородых юношей и женщин в гареме после вечерней молитвы. После ужина их приводят в гарем к главным женам. Женщины и мужчины, которые находятся в присутствии эмира в его ставке, начинают плясать и петь, сопровождая [это] припевом: «Да будет здоровым его высочество!» Это произносили громким голосом, чтобы доходило до слуха горожан. Начало такого собрания [совпадало] с призывом к вечерней молитве, но никто его [призыва к молитве] не слушал и не откликнулся. Когда приближается утро, эмир вместе с двумя-тремя слугами, заспанный, без омовения, читает вечернюю молитву. Сразу же после вечерней молитвы он приказывает призвать к предутренней молитве, несмотря на то, что до утренней молитвы остается еще час, — тут же читают вторую утреннюю молитву. Потом спит до десяти часов утра, идет в уборную, освобождается и моет руки. Потом в течение получаса смотрится в зеркало, причесывается, накрашивается сурьмой и румянами. Потом идет в помещение, чтобы выслушать приветствие от чиновников, а иногда это приветствие он еще до восхода солнца принимает. Затем после утренней молитвы до десяти часов дня, обычно, во дворец собирается много народу просителей: те, кто принес подарки по какому-либо случаю, и те, кого вызвали из подчиненных областей. Все в ожидании переступают с ноги на ногу. Некоторые, опасаясь, что не успеют поздороваться с эмиром, бегут во дворец, не совершив омовения. Другие, совершив или не совершив омовение, уходят с молитвы из своей квартальной мечети в надежде, что удастся совершить намаз в дворцовой мечети. Но, придя, они обнаруживают, что здесь намаз уже закончен. Солнце уже взошло.

Кое-как совершив намаз, он затем до десяти часов сидит и молится за эмира. Затем эмир в таком беспорядке принимает приветствия и требует присланные во дворец доклады. Он их рассматривает и, не поняв, о чем там просят, отправляет их к писцу и мушрифу. Они вторично докладывают, что такой-то говорит и тот-то просит благословленного указа. Если последует решение, то пишут, а если нет, — то это остается без внимания. Например, из Гиждувана от началь-

ника тамошней полиции пришел доклад, что этой ночью такие-то забрались во двор такого-то, унесли такие-то вещи и убили двух-трех человек. Об этом нам сообщил хозяин двора. Так как у нас нет разрешения схватить [воров], мы это дело не расследовали. Каково будет соизволение? Если эти разбойники уйдут в пустыню, поймать их будет трудно.

Если эмир не спит, то решение по донесению выйдет около восхода солнца. А если спит, то решение выйдет к вечернему намазу или на другой день. Короче, лишь по истечении двух дней, приступят к расследованию и розыску убийц и вора. А за это время вор окажется уже в Хорезме. По окончании этого приема эмир вызывает к себе учатников [собрания] и приближенных, поносит и ругает их.

А в это время уже готов утренний завтрак. Эмир расспрашивает присутствующих о совокуплении, о случаях различных животных. Это продолжается до тех пор, пока пища, перебродив в желудке, возбudit похотливость. Тогда он вскакивает и бежит на женскую половину и там наслаждается со своими законными и незаконными женами, пока не появится нужда пойти в баню помыться. После бани требует к себе брადобрея, а затем отправляется спать. Спит столько, сколько требует его натура. Затем встает и идет в приемную залу, требует к себе приближенных. Приносят полуденный обед. Во время еды продолжают непристойные разговоры, пока снова не ощутит желания. И опять он бежит во внутренние покои.

Так проводит он все время — день и ночь — в столице. Не проходит и недели, как появляется желание отправиться в степь. Тут же назначаются люди вазира для доставки проституток. Арбы за арбами, нагруженные женщинами, прибывают в степь. Гоняют туда и сюда верховых, так что можно подумать, что эти люди спешат выполнить очень важное дело. А в действительности их гонят затем, чтобы доставить на один фельс сурьмы, белила или мушки для проститутки. Когда эмир отправляется в степь, то его сопровождает три тысячи воинов. Они на полях крестьян разбивают палатки и шатры, уничтожают множество посевов. А для того чтобы не скучать, они устраивают в лагере непрерывные пляски и пение целых хороводов. Все время раздаются звуки флейт и барабанов.

Будь снег и дождь, жара и холод—все происходит без изменений. Группы молодых людей поют и пляшут и в грязи и на снегу, трясут головами и задами, вызывая лишь сострадание к себе. Но ни у кого нет свободного времени, что-

бы смотреть на них. И каждый занят самим собой по причине трудностей, связанных с отрывом от дома, от родины и с путешествием.

И если кто-либо из крестьян и подданных хочет подать просьбу или изложить свои нужды, то ему необходимо выехать из города и в жару, и в холод ожидать от трех до пятнадцати дней. При этом неизвестно, получают ли они решение по своим делам или нет. Во-первых, потому что слуги и приближенные боятся представить доклад из опасения, как бы это ни вызвало раздражения или досады у эмира. А если и представят, то ответ, соответствующий прошению, с благословенных уст может не сойти. А если что-нибудь из сказанного эмиром обсуждается и проверяется придворными, то кончается все только бесполезной возней. Но если и будет приказ, то снова писцы и чиновники два-три раза должны получить ответ.

Короче, если прошение относится к воде, то пока будет получен приказ султана, вода в реке высохнет, и посев без [воды] и солнца пропадет. Когда этот приказ выйдет из царской канцелярии, жалобщик, взяв его, бросит в арык или на ветер, потому что он бесполезен. А между тем на эту записку истрачено зря двадцать-тридцать дирхемов.

Но если бы донесение было по поводу комедиантов или розыска проституток, то оно сейчас же было рассмотрено — и тут же вышел бы приказ. Такое донесение не вызывает докуки и соответствует желаниям эмира.

Способ путешествия таков: у крестьян насильно, по приказу, начинают забирать верблюдов и арбы бедняков. Благодаря этому, становится известно, что эмир отправится в путешествие. Несколько дней хлеб и другие товары в город не поступают. На все продукты внезапно поднимаются цены. Раздаются вопли вдов и сирот-бедняков. Повсюду люди, побросав грузы, разбегаются, так как верблюды, попавшие к воинам, подымают из-за дурного обращения, а арбы, которые попадают им в руки, ломаются и их сжигают, а лошади погибают от худобы, потому что их хозяевам не разрешают оставаться поблизости и ухаживать за своими животными. Давать им [животным] траву и воду некому. А если и разрешают, то они через небольшой промежуток времени от своей лошади и арбы убегают по той причине, что на животное нагружают кладь без всякой жалости и сверх того на него садятся, а за кормом и питанием животного не наблюдают. Через одну-две остановки животное подыкает и тем избавляется от мучений.

О, удивительные беспорядки! Ведь эмир на наем животных выдает войнам несколько тысяч дирхемов. Они получают из казны еще несколько тысяч дирхемов за подошедших верблюдов и лошадей. Но ни один дирхем не попадает хозяину верблюда и арбы. Жаловаться они тоже не могут, потому что никто не сумеет их жалобу доставить султану, чтобы не докучать ему.

О, удивление! Все тайны гарема и жен султана на устах у всех людей, однако выезд эмира считается государственной тайной, и никто не должен знать, когда он отправится в путешествие. Никто не знает, кого эмир возьмет из города и кто отправится в путь, кроме как в тот момент, когда об отъезде известит бой литавров. Тогда становится известным, что в этот час эмир выезжает. Неизвестным остается, однако, по какой дороге и через какие ворота он выезжает; и множество народа [воинов, крестьян] бегают по всем улицам, суетятся, волнуются ради встречи [с эмиром]. И точно так же людям вазира приходится много хлопотать, приготовляя завтрак, и при этом они не знают, где сложить кухонные принадлежности. Когда они выезжают за город, то в течение двух-трех дней стоят за его стенами. Затаив дыхание, людям приходится ожидать, пока султан сядет в седло и отправится в путь. И так с утра и до вечера. Вьючные лошади находятся под грузом. Кресло эмира привязано к шее носильщиков. Измученные, они стоят на месте, не выходя из города. Когда наступает вечер, людям становится ясно, что эмир этой ночью останется в городе; тогда груз снимают на землю и начинают заботиться о воде и пище. И нередко бывает так, что когда люди спокойно находятся на месте, а пища в котле сварена или наполовину сварена, эмир садится верхом и останавливается для привала в пустынном месте, удаленном от населенной местности, чтобы тем людям доставить больше хлопот из-за воды и травы.

Или зимой он решит переночевать в пустыне, чтобы люди не находили убежища от холода и испытывали страдания. Привалы считаются обязательными через каждые полфарсаха. В жаркое и в холодное время все воины, взяв в повод лошадей, не спуская грузов, не разбив палаток, сидят в ожидании. Так проходит целый день, а иногда и ночь — и только тогда садятся верхом. Люди стоном стонут. Однако не могут это [свое недовольство] открыто обнаружить. И на этих остановках люди кушбеги занимаются доставкой протиток. На протяжении дороги никому не удастся спокойно достать травы. Несмотря на это, все же находились люди, которые добивались того, чтобы бежать у этого стремени и

не достигали [желаемого]. Истинно сказано: «Если бы не глупцы, то мир погиб бы!».

Во время этих путешествий никто не был в состоянии выбрать себе место стоянки. Например, если в поездке находилась войсковая казий и на дорожных остановках не находил себе места, поневоле останавливался в пустыне—будь то в жару или в холод. Несмотря на это, на всех остановках, которые эмир сам назначил, людям надлежало приходить для приветствия. Ни у кого не было возможности выдвинуться вперед или отстать без того, чтобы его не бранили или не окликали. Если кто-либо приносил харвар травы и продавал за динар —хорошо! Но если никто ничего не принесет в лагерь из продовольствия, то никто об этом не спросит и не задаст вопроса: «Почему пришел или почему не пришел?» В этом каждый был волен.

Во время этих путешествий, если чей-нибудь груз падал на землю, его сосед не помогал, а если от жажды или от холода кто-либо погибал, то попутчик не обращал на это внимания.

Однажды автор этих строк сопровождал такому благословенному путешествию. Была близка зима, а время путешествия длилось более трех месяцев, и все с нетерпением ожидали, когда эмир сядет верхом и возвратится домой, чтобы провести предпраздничный намаз разговления в городе Кеш. В это время пришло известие о смерти вазира. Мы обрадовались, что теперь эмир волей-неволей вернется в город. От полноты восторга я написал на дату смерти вазира хронограмму:

Мухаммадшах кушбеги вазир
Унес величие из бухарского государства.
От его притеснений [трещали воротники],
А карманы рубаш остались незаплатанными.
Всю жизнь он хворал и
Отправился в ад с тысячью печалей.
В день его кончины ангел-вестник потустороннего мира,
Назвал год этой даты — «Проститутка».

Назвал год этой даты — «Проститутка».

И эту хронограмму прочел на одном собрании ученых из тех, которые постоянно пребывают во дворце эмира. Большинство стихов не одобрило, говоря, что вазир был благороднейшей опорой государства: «Ты не сделал доброе дело тем, что плохо говоришь о нем».

Я напомнил им о событиях, которые здесь уже описаны: о пленении иностранцев, о приезде Казимбека и об его отъезде, о неосведомленности его в положении этих людей.

Что из-за всего этого и происходит разруха в государстве, что все из-за злоупотребления вазира случилось. Они сказали, что если дело так обстоит, то всего, что ты сказал, мало.

Действительно, после того, как весть о смерти вазира подтвердилась, эмир вернулся из Шахрисябза и прибыл в Карши. Там без нужды оставался около пятнадцати дней, а между тем у людей изнывала душа в ожидании дома.

В эти дни погода стояла умеренная. Когда же погода переменилась — наступил холод и пошел сильный снег — эмир выступил из Карши и направился в Бухару. В эту ночь из-за ветра, грозы и бурана дорог не было видно, и многие заблудились в степи и погибли. До первой станции Ходжи-Мубарак тридцать три человека из наших солдат замерзли, сбившись с пути. Привезли [только] их трупы.

Сам этот бедняк вместе с товарищами, боясь за свою жизнь, внимательно осматривали дорогу, чтобы не потерять ее, а добравшись до места назначения, около двух часов подыскивали себе место для остановки. Куда бы мы ни приходили, везде в караван-сараях и дворах стояли сарбазы и говорили: «Это место такого-то десятского, а это — такого-то сотника. Он сейчас прибудет». И никому там не разрешали останавливаться. Некоторые из товарищей вступали с ними в перебранку. Сам я стоял в стороне и молился за эмира, чтобы он стал покорителем мира, пока под утро один продавец лепешек, проявив сострадание к нашему положению, привел нас в один двор за деревней. Мы там остановились. Отдали ему два-три дирхема. И провели эту ночь до утра в доме более тесном, чем могила вазира и чернее, чем счастье эмира.

На утро мы отыскивали своих коней под снежными сугробами. Помолившись за эмира, сели верхом. Я спросил у одного из товарищей, который обладал юмором: «Если в день страшного суда у эмира спросят: «Почему сразу же не отправился в Бухару в тот день, когда вышел из Сабза, дабы твои воины спокойно туда добрались, ведь погода была хорошая? Почему именно в то время, когда на землю опустилась длань гнева судьбы, ты вышел и народ наш подверг несчастьям и гибели? Что бы ответил на это эмир?» И товарищ сказал: «Он ответит на это: «Да, так было, но я, прибыв в Карши, назначил Мухаммад Гуляма кушбеги, а его сыну передал зякет со стада, а такого-то сделал казием, а такого-то — рансом. Это задержало мой отъезд в Бухару». Я на это возразил: «Если скажут: о тиран, если бы ты то дерьмо, которое ел в Карши, съел бы в Бухаре, что изменилось бы?» Товарищ сказал, что эмир бы на это ответил так: «Это я знаю, ты не знаешь». Я продолжал: «А если ему

скажут, что раз ты сам настолько глуп, почему в государственных делах ни с кем не советуешься».

«Он не согласится и прогонит нас, говоря, что этот народ сбил меня с пути и лишил разума своими бесконечными приветствиями», — пояснил товарищ.

«Значит, я и ты составляем это общество?» — заметил я. На это товарищ возразил: «Я никак не согласен с этим, потому что мы испытываем свою долю страданий из-за него».

Вообще во время эмира Музаффера имели место ужасные перемены. Благополучие Бухары [клонилось] к упадку. Большинство обрабатываемых земель опустело из-за недостатка воды, так как вода Бухары оказалась в руках неверных, а бедняки-крестьяне бежали из туманов в русские владения и поселялись на берегах Сыр-Дарьи. И много земель, принадлежавших султану, осталось невозделанными из-за угнетения чиновников — сборщиков налогов.

Однажды в канцелярии казия два человека вели тяжбу относительно воды и земли. Один дехканин требовал от другого сто дирхемов долга. Амин предложил отдать истцу за эти сто дирхемов участок земли, засеянный пшеницей, утверждая, что при хорошем урожае тот получит триста дирхемов. Но он не соглашался: «Я хочу свой долг, а не эту землю. Если я в качестве налога с этой земли отдам урожай даже полностью сборщику ушра и амлакдору, то они не согласятся и подвергнут меня пыткам».

Действительно, чиновники и сборщики налогов требовали десятину и харадж как с вспаханных, так и с незасеянных земель, а крестьянину говорили, что если бы эта земля была засеяна, она дала бы сто манов зерна налога. Ты сам, мол, проявил небрежность — поэтому носи наказание. По этой причине крестьянина бросали в тюрьму и заковывали в цепи.

И туманы, которые во время покойного эмира вносили десять — пятнадцать тысяч танга ушра и хараджа, в наше время были вынуждены отдавать сто тысяч танга. И каждый год, осенью, эмир ударами палок требовал отчет у сборщиков налогов. И то, чем он [сборщик налогов] владеет, он [эмир] забирал в казну; и таким путем дирхемы и серебро подданных — все поступало в казну.

Однажды во время покойного эмира главный судья, заботясь о пользе государства, доложил, что аренда базара шелковичных коконов за шесть тысяч танга находится в руках такого-то, а такой-то предлагает взять его за двенадцать тысяч танга. Если будет высочайшее соизволение, следует внести в реестр — пусть будет на пользу казне. Покойный эмир упрекнул его и сказал, что на базаре шелковых

коконов танга не сеют. Всю эту добавочную сумму человек этот хочет забрать у бедняков и тем загрязнить казну и лишить ее чистоты. Лучше пустая казна, чем наполненная [несправедливо] взятыми деньгами подданных.

В наше время с этого базара дают казне сто тысяч танга и около пятидесяти тысяч дирхемов делят между собой весовщики и арендаторы. Один дехканин рассказал, что он привез два с половиной сира шелковичных коконов из Гиджу-вана и на выручку за них предполагал купить несколько необходимых вещей: «Когда я пошел на базар, мой товар взвесили на нескольких весах. В двух-трех местах с меня взяли сбор в пользу эмира и за место. Я отдал все за полцены и заполвеса по сравнению с тем, что полагалось, и, став обладателем десяти танга, пустился наутек с базара в страхе погибнуть самому на коромыслах весов этих воров».

И дирхемы, которые таким путем собираются в казну, растрачиваются на бесчестье и шутовство. Ни один дирхем не попадает лицу, имеющему на него право.

Однажды одна из привилегированных жен гарема эмира родила девочку. На люльку, сумак¹⁵⁸ и горшок было потрачено три тысячи золотом. И пока на седьмой день ребенка уложили и запеленали в люльке, было потрачено пятьдесят—шестьдесят тысяч дирхемов.

Вкратце об этой роженице. Это была невольница, побывавшая во владении нескольких туркмен и купцов. Она приглянулась эмиру и стала госпожой гарема. Через несколько лет она, познавшая тысячу мужчин, в гареме забеременела. До того, как этот плод упал на землю, его уже нарекли обладателем счастливых созвездий, назвав царевичем-миропокровителем. Для него заказали две люльки одну — из золота, другую — из серебра, инкрустированные и украшенные драгоценными камнями, а также одежду, отделанную жемчугом и шитую золотом; тюки парчи и кашемировые шали разорвали ему на подстилки и пеленки. Толпы женщин в доме кушбеги были заняты кройкой и шитьем одежды и вещей ребенка. И толпы искусных людей украшали его колыбель и сумак золотом, эмалью и чернью.

А звездочеты заранее, еще до рождения, предсказывали, что будет мальчик и что он будет миропокорителем. Когда же этот ребенок появился на свет, то оказалось, что это девочка. Несмотря на это, в течение семи дней продолжалось величайшее празднество в столице Бухары. И каждый день три мана риса, несколько манов халвы и сахара раздавали городским женщинам. И все жены знатных военачальников, кланяясь, входили во дворец с подарками и подношениями, а

уносили харвары ответных подарков. Три дня султанский арк был недоступен. Перемешавшись между собой, женщины и безбородые юноши, фокусники и танцовщики разгуливали в приемных дворцах и по переулкам внутри арка. Они пели песни, били в бубны, а все прислужники и старосты спрятались в соборной мечети.

А вечером сам эмир чванливо прохаживался среди женщин в большом зеркальном зале величиной пятнадцать на десять газов, разукрашенном и в картинках.

Все эти женщины, незнакомые и знакомые служанки и посторонние сидели вдоль четырех стен вокруг разостланного громадного и обильного дастархана, по длине и ширине равного этому помещению. На нем харварами были разложены разные сорта халвы и кушаний.

Сам эмир сидел на полутроне в середине комнаты, раздавал угощения и сладости женщинам соответственно их рангу и степеням, приговаривая: «Это — такой-то женщине!» Слуги относили к указанной женщине и клали перед ней. А на площадке за этим домом различные певцы распевали песни, декламировали предания, устраивали грандиозные зрелища; юноши и девушки плясали, а женщины били в бубны. Эмир время от времени брал суму, полную дирхемов, выходил на суфу и бросал их на голову этой толпе. Женщины бросались сломя голову собирать деньги. У одних оказывалась разорванной обувь, у других разбита голова, у третьих сорваны головные повязки и тюбитейки... Все вопили. Эмир смеялся над этой толпой и расцветал [от удовольствия].

Но судьба плакала над ним. Вот каким стало управление туранской страной, которое перешло к такому дурачку, менее [разумному], чем эти женщины! Это занятие, которое он сам для себя избрал, является делом домашних хозяек, но не соответствует сану эмирства. Где тот глаз, который [мог бы спокойно] наблюдать этот позор и эти безобразия его величества — эмира мусульман!

Золотую колыбель поставили на ковре эмира, а серебряную в доме кормилицы. Каждое утро из эмирского гарема проститутки и публичные женщины открыто выносят полные мешки лепешек и халвы, но от всех этих праздников и пиршеств ни одного куса не доходит до рта человека достойного и имеющего права. Все доставалось сводням и проституткам, их родственникам и близким, которые несли службу главным образом при коровах и ослах, а службу гуляма приравняли к управлению страной. И все окружавшие эмира были назначены на высокие должности и посты чиновников, а вазира города не считали в числе своих секретарей.

Из числа новых обычаев, которые во время этого эмира получили распространение, было празднование нового года. Когда солнце достигало середины созвездия Рыбы, начинались приготовления к празднованию и пиршеству. Начинали собирать предметы и оборудование, необходимые для фокусов и для хождения по канату. К середине месяца Тельца было велено собрать людей — землепашцев из всех деревень и пригородов. А различные цехи ремесленников силой выгонялись из города. Вечером на всю ночь приказывали зажигать светильники: начинались игры, песни, пляски, фокусы...

Удивительно, что шейхов города вместе с мюридами¹⁵⁹ также приглашали на эти празднества. Собравшись в круг, они читали маснави Мавлави. В другом месте устраивали зикр, а еще где-нибудь читали молитвы корана. В то же время среди комедиантов раздавались сквернословия и проклятия. Заставляли людей смеяться, изображая людей говорящими и действующими на манер неверных. Так, в окружении улемов, сейидов вроде главного казия, райиса мухтасибов, а'лама¹⁶⁰ и ахунда два [актера] в обличи казия и райиса города, повязав головы кишками овец в виде чалмы, сидя задом наперед верхом на ослице, подражали судебному разбирательству. В присутствии главного казия задавали друг другу вопросы: «Его превосходительство райс приказал считать педерастию запретной. Каков ваш приказ?»

Улемы от этих шуток смеялись и ими наслаждались. Самого райиса, [вернее подражающего ему лицедея], сажали верхом на осла задом наперед. Затем привязав к хвосту осла веревку с петлей, набрасывали на шею райиса [актера]. Руки его связывали за спиной, а ноги прикрепляли к животу осла. В присутствии этого главного райиса два человека вели тяжбу за безбородого юношу: «Этот юноша взял у меня тысяча танга, а этот человек путем насилия овладел им и стал помехой в наших отношениях». Изображающий райиса приказывает: «Иди, этот парень принадлежит тебе». Другой человек подошел с другой стороны и предъявил такой же иск. Изображающий райиса снова говорит: «Иди, этот парень твой». При этом оба истца держат в руках по куску бараньей селезенки, а кто-то другой — сосуд полный воды против зада ослицы. Эти два человека произносят проклятия на этого изображающего райиса, возмущаясь таким решением, которое он принял. Ударяют этой селезенкой о воду в сосуде, а затем сильно бьют по задку ослицы так, что несчастная шевелила губами и проклинала это пиршество, его хо-

заяв и участников, а большинство людей одобряло это [представление].

Однако эти [проклятия] не доходят до ушей улемов. Тогда же этой намоченной печенкой бьют по губам изображающего раиса с такой силой, что треск [этого удара] разносится очень далеко. Первым, кто при этом смеется, бывает сам раис, осуществляющий надзор на базаре. А другие улемы, наблюдающие все это, в это время наслаждаются. И никто из наблюдающих это пренебрежение ничего не говорит: «Да проклянет аллах смотрящего и исполнителя!»

Или же мужчина и безбородый юноша в женском платье, сидя верхом на верблюде, проезжают мимо этого собрания и в присутствии этих улемов совершают совокупление и произносят ужасные слова и выражения. Все с удовольствием и с охотой смотрят и слушают, радуются и смеются. И на этих празднествах днем и ночью мужчины и женщины смешиваются между собой.

На некоторое время приходили и знатные женщины в мужских одеждах. А тут в полном разгаре был базар разврата, азартных игр, бесед блуда и содомитства. За каждой стеной и в каждой канаве влюбленные, желающий и желаемый, достигают своих желаний. И сам раис по надзору за базаром наблюдает и поощряет картежников и занимающихся педерастией.

Мунши¹⁶¹ дивана рассказал: «Однажды находящийся при мне стражник ушел по какому-то важному делу. Через час, когда стражник вернулся, он рассказал, что видел одного старика, который был опоясан поперх [одежды], а на ногах у него были сапоги деревенские по виду (те, что носят в кишлаках)». Старик спросил его: «Где дом муфтия?»¹⁶² Стражник показал, что, мол, там он. Старик спросил: «Где происходят занятия эмира?» «В этом саду», — ответил стражник. В это время по веревке шел канатоходец, а звук флейты и большого барабана вздымался вверх. Старик спросил: «Когда эмир находится в этом саду, где пребывают его жены?» Ему ответили, что в этом же саду. «А каким же образом эмир переносит, чтобы все эти крики чужих мужчин проникали в его дворец?» На замечания старика стражник ничего не смог возразить. Далее старик продолжал: «Я пришел из тумана Ваганзи, прибыл по важному [делу] и привез донесение. Несмотря на то, что мы живем в степи и обычай закрывать женщину у нас не так строг, мы [все-таки] не хотим, чтобы в наш дом проникал голос чужого мужчины и чтобы наши жены это слышали». Потом он взял стражника заруку и сказал: «Ты ка-

жешья юношей разумным. Мне вспомнился один рассказ. Я тебе его расскажу, а затем пойду по своим делам». Дело было, когда Аяза продавали Махмуду. Султан спросил цену раба. Хозяин Аяза сказал, что цена этого слуги тысяча динаров и что за меньшую цену его нельзя продать. Султан возразил: «Ты, что дивана? На базаре цена такому слуге десять динаров. Ты что за нелепость говоришь?» Ходжа, хозяин Аяза, ответил: «Этот гулям обладает тремя талантами и этим превосходит всех свободных. Пускай султан сперва его проверит в этих талантах. Если выдержит испытание, то султан волен за эту сумму взять его или не взять?» Султан спросил: «Какие же это таланты?» Ходжа ответил: «Этот раб хорошо разбирается в драгоценных камнях и умеет хорошо распознавать лошадей. Сущность людей [тоже] хорошо определяет».

На руке у султана был кусок изумруда красивого тона. Он передал его рабу, чтобы тот определил этот камень и сказал бы о его свойствах. Аяз взял его и, подумав и рассмотрев, сказал: «Хороший камень, но внутри у него недостаток: там, где имеется пустота, находится червь». Султан дал его вазирю, чтобы он разбил. Вазир стал отговариваться, что не следует портить такой красивый драгоценный камень из-за слов невежественного раба.

Аяз сказал: «Слово султана — это драгоценная жемчужина. Из-за презренного камня не следует ломать драгоценную жемчужину». Вазир устыдился. Аяз взял этот изумруд и разбил его. Действительно, из его нутра появился тощий червяк.

Султану смелость Аяза понравилась и сам Аяз пришелся ему по душе. Он приказал уплатить цену раба и отдал его хозяину халат. Потом сказал: «Пойди в конюшню и отдели беспородных лошадей от породистых». Аяз ушел. Придя, он сказал: «В конюшне нет ни одной породистой лошади, все с недостатками. Если будет высочайшее соизволение, я пойду и выберу из лошадей воинов, которые находятся в царском дворце». Затем вышел. Через некоторое время он привел тощего коня. «Вот хорошая и породистая лошадь, это скакун. Он станет бегуном, если его выдрессировать». Султан спросил: «Через сколько дней проявится его сущность?» Он ответил, что только через месяц и при том условии, если он сам будет наблюдать за ним. Султан приказал, чтобы он так и сделал.

Действительно, через месяц дрессировки он привел ее, и она по всем статьям и качествам одержала победу среди всех других лошадей. Затем Аяз сказал: «Все казенные ло-

шади прошли дрессировку. Их положение уже определилось, а эта лошадь до сих пор не видела дрессировки».

Однажды султан спросил: «Думал ли ты о моем характере, о моих особенностях, — кто я таков?» Аяз ответил: «Да, думал, но сказать об этом могу только при двух условиях: во-первых, пусть все присутствующие освободят собрание, а во-вторых, чтобы кровь моя не пролилась». Султан согласился, дал письменное свидетельство и распустил собрание.

«Я думаю, что султан происходит не из царской семьи, а из семьи булочников и продавцов хлеба», — сказал Аяз. Махмуд, смутившись, удивленно спросил: «На каком основании ты это говоришь?».

«Когда дворецкий приносит дастархан, глаза эмира следят за хлебом и каждый хлеб он осматривает со всех сторон, оценивая муку и пшеницу. Эта особенность свойственна булочникам». — «Если проверю и окажется неправильным — что ты сделаешь и что прикажешь сделать с тобой, исходя из моего права мести?»

«Эмир [волен] делать все, что велит месть».

Тотчас же султан пошел к матери и спросил ее: «Скажи правду, от кого ты меня зачала и если не скажешь правды — путь спасения для тебя будет закрыт». Мать его ответила: «Отец твой, Сабуктегин,¹⁶³ после того, как я несколько раз родила девочек, строго сказал, что если и на этот раз снова принесешь девочку, выгону тебя из гарема. В ночь твоего рождения и моего разрешения от бремени я послала в город кормилец и других посыльных лиц [с тем], чтобы принесли мне всякого новорожденного мальчика, где бы он ни родился, — не дай бог я снова рожу девочку! Случилось так, что я снова родила девочку. В эту ночь жена придворного пекаря, который находился на государственной службе и доставлял хлеб во дворец, родила сына — это и был ты. Я послала девочку вместо тебя, а мальчика, которым был ты, взяла во дворец. И в настоящее время моя дочь все еще находится в доме пекаря, который поставляет хлеб в этом государстве».

Султан похвалил Аяза за прозорливость. И свою молочную сестру из дома пекаря забрал во дворец.

Закончив этот рассказ, старик добавил: «Я предполагаю, что этот эмир не является сыном султана Насрулло. Возможно, что его отец был танцором, рассказчиком или фокусником, в противном случае, никакой благородный человек не стал бы предаваться таким низким и глупым [занятиям]. Султану нужно запрещать такого рода недозволенные [де-

ла] и развлечения, а тем более не являться самому их начинщиком». И старик отказался от своей жалобы: «Не желаю обращаться к невежественному муфтию, который соглашается с таким развратом султана, и не пойду к нему [муфтию] ни с каким иском. И не совершу греха, имея с ним дело». Сказав это, он отправился в обратный путь.

В общем, в исламе во время эмира Музаффера проявился всеобщий упадок и полное расстройство. Шариат был принижен властью. Во главе [всех государственных] дел и должностей водворились в большинстве низкие, рабы и недостойные.

И в религиозном, и в государственном управлении установился такой беспорядок, что никто не был в состоянии обрести покой — ни богатые, ни бедные.

Поэтому всевышний сделал эмира слугой, прихвостнем и прислужником русского государства.

Так, он был вынужден во время падения Хорезма,¹⁶⁴ когда русские напали на Ургенч,¹⁶⁵ взять на себя заботу о воде и корме [траве] для верховых животных неверных. На все привалы и остановки он доставлял им зерно и хлеб. И в этих победах и завоеваниях русских он им оказывал поддержку и душой, и имуществом. Тем самым он позаботился о будущих своих делах. Ради кратковременной своей жизни он обрел [вечный] позор и ради удовлетворения кратковременного всжделения навеки запечатлел в книгу времен свое черное имя.

Да!

В этом мире живи так, чтобы после смерти
Друзья оставались [в горе] кусать свои пальцы.

Когда царевич¹⁶⁶ отправился к русским¹⁶⁷ для установления мирных отношений и с просьбой о милости, — из-за недомыслия и изменности побуждений посла¹⁶⁸ он вернулся с пустыми руками и сухими губами, [не солоно хлебавши]. Как отец, так и сын надеялись, что после того, как бухарский царевич съездит с изъявлением покорности, русский царь обязательно прикажет снова вернуть отошедшие области.

В пути царевич время от времени от скуки читал коран и говорил: «Как я предстану перед отцом?» Он еще питал надежду на то, что, возможно, губернатор Ташкента вернет ему область и не отправит его с пустыми руками.

Однажды он спросил у меня о способе гадания по корану и искал предсказание в нем. Вышел следующий стих: «Сказал всевышний: «А когда мы желали погубить селение, мы отдавали приказ одаренным благами в нем, и они твори-

ли нечестие там; тогда оправдывалось над ним слово, и уничтожали мы его совершенно».¹⁶⁹ От меня он потребовал истолковать это гадание. Я спросил: «Что желаешь, чтобы я правдиво истолковал или доставил удовольствие?» Ответил: «Нет, скажи правду». Я сказал: «Отец твой два раза при встрече с неверными бежал. Бухара и ее люди оказались под угрозой. Следовало, чтобы вы были удовлетворены остатками, а на большее не надеялись. Иначе вы все окажетесь бунтовщиками». Царевич спросил: «Каким образом?» — «Смысл благородного стиха в том, — продолжал я, — что Всевышний и Святейший вседержатель мира постановлением священного послания приказал: «Всякий раз, когда мы выражали желание погубить и разрушить город или деревню, то я поручал это дело тому, кто ведал им [городом], и решение о том городе или деревне передавал в руки казнию, какому, военачальникам и знатым. Например, такое дело, как священную войну с неверными. Затем все эти власть имущие из-за стремления к сану и предводительству и любви к мирским делам в порученном деле совершали нерадивость упущения и не проявляли ни подчинения, ни исправления. После этого становится законным обещанное наказание и уничтожение этой деревни и его населения. [И действительно], мы то селение уничтожаем и разоряем основательно. [Степень] разорения такова, что после недолгого времени мы позволяем неверным овладеть тем селением. Иногда мы кого-нибудь побуждаем, чтобы тех вероотступников раздавить а с ними и жителей того селения».

«Затем, знай, о царевич! Эти надежды на то, что губернатор отдаст нам области, — пустая мечта, [порожденная] меланхолией и незрелой мыслью. Если Бухара [еще] два-три дня останется в твоей власти, то и это большое счастье и за это надо благодарить».

[Действительно], когда мы прибыли в Ташкент, губернатор¹⁷⁰ дал царевичу немного изюму и орехов и с тем отпустил. Между тем положение людей этого города изо дня в день становилось хуже и клонилось к разорению. В каждом ремесле и в каждом деле стали обнаруживаться упущения и халатность. И само собой все пошло по пути упадка и гибели. Причинами было то, что исчез надзор на базарах, распространилось воровство в весах и мерах. Недоставало воды в реке. Она приходила не во время. Постоянно мобилизовывали подводы для перевозки провианта и гарнизонов, которые назначались в каждую деревню из страха перед врагами. Подвоз хлеба и зерна из окрестностей был недостаточ-

ным. Прекратилась отправка товаров и тканей в отдаленные вилайеты из-за небезопасности дорог.

Однажды в одном комментарии к благородному стиху из корана: «Нет никакого селения, которое мы бы не погубили до дня воскресения или не подвергли бы его жестокому наказанию»¹⁷¹ я прочел, что Самарканд будет разрушен из-за убийств христиан, а Бухара — вследствие голода и стеснений.¹⁷² В то время в этих краях не было и следа христиан, которые могли бы сюда прийти. После того, как Самарканд оказался в руках неверных, для меня стало очевидным, что содержание предупреждения оправдывается. Однако до сих пор не произошло поголовного избиения, хотя русские неоднократно совещались относительно такого избиения под предлогом устранения раздоров среди населения, собравшегося для установления порядка. Но для этого все еще не нашли удобного случая из-за противодействия им и борьбы великих государств таких, как Турция, Франки и Индия. Но как только русские окажутся в безопасности, они такой приказ подпишут [в том случае], если этот назначенный час близок и если не появится обновитель в начале этого третьего столетия. Но если в это столетие произойдет обновление религии и государства, то возможно, что это предсказание потеряет силу.

Но доказательство наступления в Бухаре голода стало очевидным. Если русские воду Зеравшана употребляют для себя, то возможно до Бухары вода не дойдет. В настоящее время число каналов Самарканда с двенадцати дошло до двадцати восьми. Много степей и долин приказано засеять и заселять.¹⁷³ Однажды в начале весны, когда все указывало на уменьшение дождей, я написал эмиру доклад, что в этом году дождей будет мало и, не дай бог, в жаркое время воды не хватит. Не следует беззаботно сидеть в надежде на воду Самарканда. Если будет высочайшее указание, то следует объявить в семи туманах Бухары чрезвычайный сбор [джуль]¹⁷⁴ по две танги¹⁷⁵ с каждого танапа.¹⁷⁶ Из собранной суммы можно будет затратить двести тысяч для отвода воды в районах Керки¹⁷⁷ и Келифа из Аму-Дарьи в Карши, Бухару и Миянкаль. Остальные деньги от джуля пойдут на общее благоустройство. В ответ эмир написал: «Правители Бухары не отводили вод Аму-Дарьи [наоборот], закрывали устья ее [каналов].

Причина в том, что опасались, как бы в результате действий врагов или в результате подъема воды, река, не дай бог, не разрушила Бухару. Отводить воду Аму-Дарьи — противоречит верному решению». В ответ я написал, что это опа-

сение не обосновано. Допустим, устье нашего канала устроим напротив Керков, тогда, предположив, что вода выйдет из берегов, (увидим, что) она пройдет к западу от Карши и к югу от такиров [Караулхона] Караула¹⁷⁸ и Мамаджуграти¹⁷⁹ [около Кагана] по пустыне и пескам, а вблизи Нарзума¹⁸⁰ и Чарджуя¹⁸¹ снова вольется в Аму-Дарью и никакого вреда не доставит. А если отвести воду у Келифа,¹⁸² то река Хузар¹⁸³ повернет вспять и достигнет Миянкаля.¹⁸⁴ Кроме того, можно устье канала укрепить камнями и цементом¹⁸⁵ и туда назначить караульных или приказать одному из курганов, чтобы люди его следили за состоянием реки.

Прошла одна ночь. Снова эмир написал: «Если мы возьмем воду из Аму-Дарьи, русские запросят, почему берете воду из Аму и не довольствуетесь нашей водой? Что мы скажем в ответ?» Я возразил, что русские этого не скажут, потому что если бы они задумали овладеть этой страной, то для них выгоднее, чтобы она была с водой, чем без нее. Мы [вправе] сказать русским: «Твоя вода не во время к нам приходит и наши посевы в жаркое время остаются без воды, ушр¹⁸⁶ и харадж пропадает». В ответ эмир написал, что он [А. Дониш] не оставляет меня в покое; приветствуя меня, он лучше бы настаивал на подачке, а не делал бы мне такие доклады. После этого у меня не было смелости вернуться снова [к этим вопросам].

Однажды, когда я вместе с посольством прибыл в императорскую столицу, я вступил в спор с губернатором из-за бухарской воды.¹⁷⁸ [Я сказал губернатору:] «Поскольку император великодушен по отношению к нам, то ты также будь к нам дружественным, раздели поровну воду Самарканда: десять — пятнадцать дней отдавай Бухаре и десять — пятнадцать дней отдавай Самарканду. Кроме того, Самарканд и его жители меньше нуждаются в воде из-за изобилия источников и каризов в противоположность Бухаре, где в дни месяцев «Близнецов» и «Рака»¹⁸⁸ источники не дают воды для утоления жажды животных, не говоря уж о том, чтобы оросить посевы. Он ответил: «Воды самаркандской реки [едва] хватает для самого Самарканда. Я размышляю о том, чтобы в Бухару провести воду от Сыр-Дарьи. Сейчас у меня для этого нет возможности, но обязательно добьюсь подписания этого важного мероприятия».

Однако смысл его слов заключался в следующем: «Как только я подчиню себе Бухару, воду к ней проведу отовсюду, откуда смогу». Я же с безмерным упорством настаивал на своем, пока это его не утомило, и он сказал: «Будьте спокой-

ны, я пошлю правителю Самарканда¹⁸⁹ письмо и указание, чтобы каждый год он посылал вам воду в свое время в соответствии с вашими желаниями».

Действительно, после прибытия в Самарканд, правитель сказал нам: «Ко мне прибыл приказ, чтобы я воду в Бухару подавал в свое время в достаточном количестве и в срок. Вы сообщите своему эмиру, чтобы он прислал человека, который постоянно бы находился у реки. Пусть он управляет этим делом и забирает свою долю». Я об этом доложил эмиру и предложил послать одного человека, который бы следил за порядком поступления воды в Бухару. Но никто из правительства не был назначен для этого важного дела.

Случайно воды в этот год было очень много, так что и для Бухары ее было достаточно. Но на следующий год посевы Бухары остались в жаркое время без воды из-за недостатка воды в реке и несвоевременной ее подачи и из-за глупости эмира. Он в свое время туда не послал человека, который бы установил точно день и месяц, чтобы в нужные сроки определить большую или меньшую долю воды. Тем самым они подали русским повод для возражений. Поскольку в прошлом году они замешкались, то не смогли и в следующем году потребовать своей доли. И по той причине, что вода Бухары не была взята на учет, большинство туманов Бухары было разорено. Земледельцы из-за тирании и притеснения чиновников, побросав большинство своих деревень, направились в сторону Казалинска и в русские земли и там приобрели воду и землю.

Кроме того, когда правитель — тиран и сходит с пути справедливости и шариата, то он постоянно находится в страхе за свою жизнь, имущество и власть. Он становится недоверчивым, с дурным характером, ни на кого не может полагаться.

Эмир из-за чрезмерной похотливости отдалился от всех божественных запретов и дозволенных обычаев дел. Страх и боязнь овладели его натурой. Безопасность государства он видел только в том, что в каждую деревню, в каждый кишлак назначил воинов в виде гарнизонов или же приказывал целой толпе читать непрерывно коран или повторять молитвы. По всем этим причинам цены на зерно и другие виды (продуктов) постоянно колебались. Каждые две недели войска, выступая, нуждались в том, чтобы забирать у людей лошадей, верблюдов и арбы для перевозки грузов. Понятно, что люди, дающие в наем подводы, постоянно убега-

ли и не хотели своих животных давать в наем воинам, так как очень часто лошадь или верблюд, которых отдавали в наем, уже не возвращались к хозяину из-за дурного обращения с ними воинов, которые нагружали их сверх меры тяжелым грузом и не заботились о своевременном и достаточном корме и воде для животных. Большинство животных при этом погибало. Вместе с тем ни один воин не осмеливался просить деньги на наем животных и на их покупку. Однако начальник войска брал из казны в два раза больше и тратил на свое брюхо и свои нужды.

По этой причине цены на пшеницу в столице доходили иногда до сорока танга и больше, а иногда до двадцати танга. А цена масла, сала доходила иногда и до шестнадцати танга. И каждый раз, когда лошадей и верблюдов забирали для войска, прекращался подвоз на рынке пшеницы и зерна. Люди подымали плач, но этот крик и стенания ни к чему не приводили.

Я неоднократно при удобных случаях докладывал и предлагал купить тысячу верблюдов, передать их одному-двум даруга¹⁹⁰ и караванщикам с тем, чтобы в свободное время зерно, уголь и дрова привозили для нужд дворца, а излишки отвозили бы на базар. Это будет на пользу и казне, и подданным. Какой смысл ежедневно закупать по дорогой цене на базаре по нескольку верблюжьих нош, дров и угля и доставлять их во дворец? Если будут делать, [как я предлагаю], то это даст на определенную сумму пользу казне, ведающей общественным благоустройством. С этим также связано и упорядочение дел бедняков и облегчение положения народа. Ни у кого из стоящих у царского трона это представление не нашло одобрения.

Однажды я сказал эмиру: «Русские войска имеют четырехколесные арбы. Одна лошадь может вести приблизительно четыре и даже больше манов груза. На каждую арбу назначается четыре человека. Каждый по очереди садится в нее и погоняет лошадь. Если изготовить четырехэта таких арб и передать в казармы, люди, ведающие лошадьми арсенала, пусть выделяют по одной или больше лошадей для упряжки в эти арбы. Благодаря этому, воины спокойно будут совершать поездки. Зачем брать в наем верблюдов, что наносит вред имуществу подданных и бедняков и подымает [все] цены?»

Но и такое решение не было принято властями и никем не было одобрено по той причине, что средства к жизни народу добывать стало трудно, ремесла и работа потеряли свой блеск, благополучие в народе исчезло. День и ночь мо-

лились за его величество эмира: «О боже, да станут их величество микропокорителем».

Так, конец нити порядка и совета выпал из рук людей этого города. Каждый искал от другого какого-либо средства, но пути не находил. Войску не было покоя, беднякам не было безопасности, а богачам довольства. Каждый разрывал глаза, ожидая обновления державы и веры, но никаких следов этого не увидел, хотя уже было близко начало третьего столетия после тысячи. И как бы ни стремился каждый что-либо сделать для того, чтобы обновить государство и нацию, это плодов не давало, так как был близок конец 300-летия этого тысячелетнего цикла [1300 г. Хиджры, или 1900-й]. Тем более, что небесные предводители содействовали этим беспорядкам и смутам. Одно высшее сочетание небесных светил случилось около 98 после 1000, в месяце соур или начале месяца джади¹⁹¹, а еще одно неблагоприятное сочетание в 1302 г. в созвездии Рака. Оба они предшествуют переворотам, переменам и смутам. И влияние этих двух констелляций остается в силе, чтобы проявиться в течение пятидесяти лет после тысячи.

[Следует ожидать], что или каждый год, или в течение пяти или десяти лет произойдет какая-нибудь смута. Прекращение этих смут, можно предположить, произойдет в 350 г. Однако это произойдет после великого побоища, которое происходит из противоявления свегил и злочастия гороскопов ученых и противоположности султанских звезд. Не говоря уже о том, что [должно произойти] по мелким приметам этих констелляций.

Эмир Музаффар скончался, а на его место воссел Абдалахад — его преемник. А русские открыто [на глазах у всего народа] господствовали в Бухаре и ее окрестностях. И если предыдущий вручил [русским] государство и сделал он это скрыто и тайно, то вновь пришедший эмир открыто отдавал [свое] государство [русским]. И никакого явного новшества не проявилось. Но гадалщики и люди, занимающиеся подсчетами и умозаключениями, предполагали, что после эмира Музаффара тот, кто станет во главе государства и займет трон, — будет обновителем столетия и вере и государству подарит блеск и сияние. И в государстве заново установит порядок.

Нет, нет! Все эти мысли и надежды развеялись в один момент. Ай, вай лучше не стало, а стало хуже! Прежний эмир хоть произвел обновление в развитии танцев и пения, фокусничества и клоунского искусства. Этот же эмир оживил [толь

ко] базар глупцов, дураков и неразумных. И из всего существующего на свете не выбрал ничего, кроме еды и сна. И если отец [его] ласкал негодных, то иногда и благородным давал поллепешки. Однако сын его и эту половину лепешки перестал давать.

Надежда предсказателей на обновление нации была основана на том, что творец и создатель, разрушив город или деревню злом и насилием угнетателя, сделает их процветающими справедливостью другого.

Но причина и источник всего этого заключается в угнетении и предательстве по отношению друг к другу самих бедняков и крестьян. И поскольку они не сопротивляются и не раскаиваются в тирании первого насильника, то им сажают второго насильника во главе государства. Он должен наказать народ, а если не сделает этого, то третьему передаст власть над ними; и так все дальше и дальше до тех пор, пока все-таки раскаются, иначе город и селение будут разрушены или на их место посадят других. Точно так же справедливые правители. Если одному из чиновников дадут власть над какой-нибудь местностью, а он будет совершать насилие и притеснение, то он [справедливый правитель] заменит его другим, который будет справедливым и милосердным к народу. После того, как ковер государства и дела правления Бухарой перешли к эмиру Абдалахаду, он пошел дальше отца. Всем стало ясно, что беднякам и подданным этого государства не приходится ждать улучшения, а разврат и порча не приостановились. И сейчас тень смут и бедствия распростерта над их головами. Несчастья и бедствия всегда наготове войти к ним в дверь. В конечном счете все эти несчастные события были органически присущи этому времени и наблюдатель обнаружил бы их во всех делах.

Вскоре пишущий эти строки был вынужден в третий раз отправиться в императорскую столицу.¹⁹² До этого я находился в углу покоя, довольствуясь сухим [хлебом] и водой. И был спокоен. После победы русских над Хорезмом эмир Музаффар отправился в область Кеша,¹⁹³ чтобы склонить к себе бедняков и войско. Благословенное письмо обо мне прибыло к кушбеги: такого-то прислать к августейшему стрелени для того, чтобы он вместе с послом отправился в страну русских. Я полагал, что, возможно, по случаю победы над Хорезмом русским напишут поздравительное послание и сделают кого-то послом. Поскольку я жил отшельником и искал уединения, то был в неведении [относительно] государственных дел. Причина же отправки этого посольства была другая.

У императора был назначен свадебный праздник. Правители Самарканда написали эмиру, что по случаю такого события приличествует послать посла с изъявлением дружбы и лояльности, потому что на этот праздник придут люди [из] всех государств.¹⁹⁴

Одним словом, на этот раз Мухаммад кушбеги дал мне лошадь и снаряжение и поспешно отправил к стремени султана. Приехав в Шахрисябз, я остановился в медресе и пошел с приветствием в ставку. [Там я] не заметил признаков интереса к посольству и путешествию ни с чьей стороны. Два-три дня утром и вечеров по несколько часов околачивался во дворце. Никто ни о чем меня не спросил. Ночью я был в медресе, днем во дворце уединялся на молитвы. Султан, находясь среди народа, иногда посматривал в мою сторону. Я спросил у приближенных, кто станет послом, чтобы я был при нем. Мне ответили: «Кто назначается послом, куда пошлют посольство и каково вообще положение — совершенно никому неизвестно». Однако потихоньку говорили, что будет послан к русским или Яхши бек додхо,¹⁹⁵ или Исмаддин туксоба,¹⁹⁶ или Наджмаддин ходжа Мир Асад.¹⁹⁷

На четвертый день пишущий эти строки сильно соскучился и написал доклад с требованием, что я, мол, прибыл по высочайшему указанию к счастливому стремени. Уже три дня, как лошадь стоит привязанная к нужнику медресе, сам сижу в пустой худжре. По слухам посольство и путешествие состоится. Называют трех лиц, но кого именно пошлют, до сих пор не определили.

О, ласковый к рабам, время для этого посольства и путешествия, которое назначено по предложению высокого разума, удобно и благоприятно! После победы над хорезмом необходимо отправить приветственное посольство к русским. До сих пор колеблются между тремя лицами и никто еще не утвержден и не назначен. По милости его величества пусть будет назначен наиболее проворный и безбоязненный. Тот, кто готов смело тратить деньги без страха, тот пусть будет послом, потому что по глупости и неразумности все они равны между собой. Прочитав этот доклад, эмир рассмеялся и соизволил сказать, что эти трое равны по скаредности. Пусть поищут другого. Наконец, послом назначили Абдалкадыр бека додхо, потому что он храбрый и безбоязненный. Тогда же я доложил о необходимом снаряжении и о том, что необходимы такие-то и такие-то предметы для подарков. Было приказано выдать двадцать тысяч танга в виде жалования послу и одну тысячу танга пишущему эти строки, чтобы в

течение одной недели приготовили все необходимое для путешествия. Нам разрешили выехать из Шахрисябза, и мы отправились в сторону Самарканда [и дальше] к русским. Перед отъездом я доложил, что нам необходимо иметь августейшее письмо с тем, что если что-нибудь у нас спросят, то мы ответим в соответствии с письмом. Но содержание письма нам не доверили и черновик не дали. Во время этого путешествия на долю пишущего выпало меньше трудностей и беспокойств, чем это имело место, когда он сопровождал Абулкасыма додхо. С этим послом я с юношеских лет был знаком и близок. Внешне он со мной говорил ласково и сдержанно: «В этом путешествии ты главный посол, я твой нукер. Мои люди — это твои люди. Добро и зло, которое принесет это путешествие, от тебя зависит. Все, что пожелаешь, кому захочешь дать и кому хочешь запретить — все лежит на тебе. Ты отвечай и высокому господину».

Но все это было только на словах. По глупости, благодаря опьяняющим напиткам и слабоволию довести это до конца он не сумел. В тех случаях, когда приходилось брать или давать, держать или расстилать, дарить или запрещать, он без причины и без соображения распоряжался. Там, где надо было дать дирхем,—он дарил динар, а там, где не надо было жалеть динар,—он ничего не давал.

Короче, благодаря неразумию и бестолковости, пока добрались до Оренбурга, деньги на дорожные расходы посла кончились. Снова взяв у бухарских купцов десять тысяч танга, отправились в Петербург. В пути правители, назначенные русскими в вилайетах Туркестана, встречали нас с почетом, устраивали угощения и провожали. Посол также раздавал им подарки, на что ушло все, что [было] пока не прибыли в Петербург. Здесь нас поместили в красиво разукрашенном доме. Был назначен один крупный чиновник, ведавший нашими ежедневными расходами. Все необходимое доставлялось нам ежедневно и заносилось в тетрадь.

Еще в Ташкенте к нам был приставлен один из чиновников министерства по фамилии Федоров, который был с нами в дороге. К нему добавили еще двоих. По вечерам нас водили в рестораны, а днем на прогулки осматривать государственное казначейство, сады, удивительные места из царских дворцов и тому подобное. Нам доставляли различные виды кушанья и напитков, фрукты и сладости. К нам был назначен переводчик по имени Казимбек — один из секретарей министерства—для того, чтобы переводить наши беседы. Тот самый, который был при нас и во время первого по-

сольства. Это юноша разумный и образованный. Благодаря сходству характеров, он проникся к этому бедняку сильной дружбой и искренней привязанностью. Придя, он приветливо и доброжелательно расспросил меня, а затем пошел к послу. Поговорив час, он вышел и, подойдя ко мне, сказал: «Как звали того пустого человека, который приезжал в прошлый раз?» Ответил: «Абулкасим додхо». — «А этого как зовут?» — «Абдалкадир бек додхо». Он спросил: «Какие цели имеет это посольство?» Я ответил, что не знаю и что, [вероятно], в письме эмира что-нибудь написано. Возможно, там поздравление императора со свадьбой дочери. Тогда он сказал, что прежний посол был человек невежественный, но разговорчивый, а этот невежественный и малословный. «Разве в нашем государстве нельзя найти человека другого сорта? И во всех других отношениях второй [посол] хуже первого. Или эмир ваш совсем не способен отличить умного от глупого?» Затем добавил: «Одним словом, все то, что помнишь из содержания письма, изложи мне, чтобы соответственно ответить, если государь спросит». Я сказал: «Незадолго до выезда из Бухары я докладывал эмиру, чтобы он дал нам копию письма, дабы мы говорили в соответствии с ним. Но нам не дали и отправили. Очевидно, мы не были достойны этого».

Назавтра он [посол] принес письмо от эмира и сказал, что в нем эмир выражает желание, чтобы один из сыновей находился на службе у царя, дабы стать наследником. Я перевел это государю. Он сказал, что у бухарского эмира много детей и он не знает, кого эмир хочет сделать наследником и послать к нему. Ответ за это возлагается на Кауфмана. Пусть он установит, кто станет наследником и приедет.

В это время Кауфман—губернатор Туркестана, несмотря на свою болезнь, также находился в Петербурге, чтобы присутствовать на царском празднике. Тогда, взяв письмо, я прочел его и увидел, что оно написано со слов самого эмира, а он скрыл его от меня от стыда и смущения. Оно было написано в выражениях, какими мужчины пишут проституткам, безбродым мальчишкам и в котором без конца повторяются одни приветствия. Коротко его содержание сводится к следующему: «Я бы к тебе сам приехал и выразил бы покорность, но боюсь племен и духовенства. Я к тебе пошлю своего сына в качестве моего заместителя, чтобы он находился у тебя на службе, изучил бы порядки и стал бы моим наследником».

В то время Казимбек, выйдя от нас, отправился к Кауфману, которому царь поручил [следующее]: «Когда из Петербурга уедешь, то напиши письмо эмиру Бухары, и того сы-

на, который будет назначен наследником, пришли в столицу изучить порядки». Кауфман покачал головой и с поклоном принял [поручение].

Однажды переводчик пришел к послу для беседы и сказал мне: «Царский праздник близок. Во все государства отправлены извещения. Цари приезжают для поздравлений и пожеланий счастья. Готовятся к великим пиршествам и угощениям. Ты составь стихи на имя царской дочери и ее жениха с датой свадьбы. Я переведу и покажу его императору. Император, конечно, будет очень доволен. Вашему посольству будет дано много отличий и почестей». Тихо он мне добавил: «Этим также некоторые нелепости со стороны посла прикроешь». Затем он сказал: «Тураб бек из Кашгара прибыл послом от Якуб-бача. Он составил пять-шесть двустиший без размера с восхвалением Петербурга и правления царя. Несмотря на то, что они были без особого смысла, я их, исправив и переведя, передал царю. Он [царь] был очень доволен и его [Тураб бека] посольству это принесло много пользы, притом что сам посол никакой прозорливостью не обладал». Я ответил согласием.

Однако по причине расстройства, дорожной усталости и перемены мест чувства мои были мрачными, а мозг мой печальным, и я не был в состоянии составить и полустихия, не говоря о сочинении стихов. По вечерам нас таскали на пиршества, а днем мы обходили царские дворцы и казенные здания, так что у меня совсем не было свободного времени.

Каждый раз, когда переводчик видел [меня], он спрашивал: «В конце концов, что ты сделал и что сказал; если ты сочинил стихи, покажи мне». Я говорил: «Хорошо, хорошо!»

Видя его настойчивость, я подумал: должно быть, он хочет меня проэкзаменовать или обнаружить мою неспособность. Помимо воли я спросил об имени жениха и невесты. Он назвал, имя юноши — Альберт и что он франк, сын Виктории — царицы Калькутты Индии.

Дочь царя — Мари, сокращенно от Марьям. Своим лицом она освещает для него весь мир и ее выдают замуж. Между вечерней и ночной молитвами я эти девять букв написал в начале девяти двустишей. И передал их ему. Вот они:

Луна благородного созвездия, о дочь государя
властелина мира,

Соединилась со счастливым Юпитером по велению рока.

Это не тот брачный союз, красоту которого сметливый разум

смог бы описать.

Совокупность красок проявилась из укрытия,
Букет запахов вырвался на свет из тайника.
В одном обществе собрался целый мир гурий и пери,
Все они по красоте и прелести — полные луны.
Это не такая свадьба, которую видят хоть раз

в сто столетий

Глаза звезд из-под небесного свода.
Уста виночерпия от алого вина стали сладкоречивыми,
Глаза красавиц кокетливыми взглядами пронзали

сердца...

Небо, в качестве благословения, выпало
Мерцающих звезд изобилие на головы людей.
Разнеслась весть об этом празднике [перелетными
птицами] мира по всему свету.

Звучание флейт и труб оглушило ангелов.
Глаз увидел на ее фигуре написанную хронограмму.
Сам смятенный разум куда ушел от этого стана.

По закону муамо, когда выкинут [высчитают] «куда» из [суммы трех слов] (стан, смятенный, разум), то появится христианская дата.

Этот акростих переводчик перевел и преподнес императору. Тот был очень доволен, одобрил его. Особенно ему понравилось то место, где говорится о восьмой сфере, на которой соединились все созвездия ради того, чтобы на празднике императора их рассыпать перед народом. В награду за сочинение этого акростиха он прислал мне золотое инкрустированное кольцо, украшенное его именем, драгоценными камнями, состоящими из тридцати четырех алмазов весом в три мискаля. И везде, где бы он ни проезжал в коляске со своей дочерью, завидя меня, он указывал на меня дочери, [говоря], что он тебя восхвалил и твой праздник воспел в стихах, и раскланивался со мной. Я тоже отвечал низким поклоном. В общем, он [всячески] выражал свое удовольствие. В тот день когда я написал этот стих по настоянию переводчика, я его тщательно переписал и поля бумаги вокруг него украсил и разрисовал кисточкой. В это время ко мне подошел посол и спросил: «Что ты делаешь?» «То, что велел Казим, — акростих», — ответил я. Он взял в руки и прочел. Цвет его лица переменялся, он сильно разгневался. Я узнал, что он на меня сердит по трем соображениям: первое — ты мусульманин и почему же восхваляешь неверных; другое — ты жадный по природе человек, хочешь что-либо получить от них; третье то, что если услышит эмир, будет сердиться. Что

ты ответишь на это? Я ответил: «Беги, Вы меня за это извините и знайте, что это сделано вынуждено. По настоящию Казимбека—переводчика — я поневоле взялся. Кроме того, восхваление неверной в силу необходимости не содержит ничего предосудительного. Этот вождь, — да будет молитва аллаха над ним!—изволил сказать, что родился в эпоху справедливого царя. Он сам был ласковым и мягким с неверными, дабы смягчить их сердца и склонить к вере. А кроме того, ведь мы сюда привезли в страну неверных один-два лака танга в виде налога [контрибуции] с мусульманского населения и признали себя бессильными сопротивляться и сражаться. Не дело говорить грубости и проявлять упорство. Все, что мы отсюда получим каким бы ни было способом,— это будет даром. Если же в этом деле мне будет какая-нибудь польза или перепадет прибыль, то, во-первых, это будет на пользу тебе и твоему эмиру. Мне же никакой выгоды нет, кроме вреда и ущерба. По этой причине гнев твой не уместен. Он сказал: «Какую пользу в этом мне и эмиру ты воображаешь?» Я ответил: «Я в этом посольстве участник и назначен эмиром, но внешне являюсь твоим нукером, постоянно находящимся на службе. Например, если в награду за мое хвалебное стихотворение мне дадут один дирхем, тебе дадут десять, а если мне подарят десять дирхемов, то тебе дадут сто; и когда мы возвратимся в свое государство, то эти дирхемы будут возвращены эмиру. Турецкие правители при отправлении посольства в большое государство после получения ответного письма забирают перо и калям, штаны и халат посла. Из-за скупости и жадности [из-за тесных рук и узких глаз] они не могут обеспечить сытость и благополучие своего войска. По этой причине он вынужден был передать вилайеты в руки людей сильных. Ему необходимо стало рассылать послов и посольства. В отличие от прежних времен, когда к ним приходили послы из Индии, России и Рума, теперь от них отправляют к тем».

Несмотря на сказанное, мои извинения не убедили Мир додхо. Он вышел из моего помещения. В день, когда закончились празднества, я написал доклад о празднествах и копию акростиха включил в него. Мне было приказано: «Тебе нет дела до доклада посла. Описывай только случившиеся события». Но посол после ссоры со мной испугался, как бы я не написал на него жалобу эмиру. Каждый день он присылал ко мне человека, чтобы я показал ему свой доклад. Я говорил: «Когда будет закончен, я представлю, вложу в пакет и отдам самому послу, чтобы он был спокоен». Когда я донесение закончил, я отнес его к нему [послу], вложил в пакет и

передал ему, чтобы он сам отдал в русскую почту для отсылки эмиру. Прочитав доклад, он сейчас же прибежал вслед за мной, набросил мне на плечи халат, отделанный золотом, и много извинялся, говоря: «Я, не поняв, наговорил тебе грубости. Я думал, что эмир услышит и рассердится, а ты скроешь это». Я сказал, что нельзя иметь секреты от падишаха. Можно скрыть от любого человека, но не должно иметь секреты от султана. Слова, которых нельзя сказать султану, нельзя говорить нигде и их не записывают. Он попросил на него не обижаться. Я сказал: «О, Беги! Я больше, чем Вы видел бегов и с ними общался, и как Вы меня не узнали, также и они не узнали. Я на них нисколько не сердит и на Вас тоже не сержусь. Вы прощены. Я Вас понимаю. Ведь я уже превзошел то положение, которого Вы достигли. Вы же до меня не доросли. Впрочем, чего бы Вы ни достигли, меня понять Вы не сумеете. [Ибо, как сказано в стихах]: «Истину пустыми глазами нельзя увидеть».

Действительно, во время этого путешествия русский царь выказал мне сверх меры уважение и почтение; меня приглашали на царские приемы и помещали впереди других посольств. В домах зрелищ он мне отводил место вблизи своей ложи. Мне было оказано множество знаков благоволения и преподнесено много подарков. После свадебных празднеств меня отпустил. Картину пиров и праздников, зданий и зрелищных домов я пространно описал в «Наводир-ул-вакоеъ» и прозой, и стихами. И у кого будет желание, сможет там об этом узнать.

По причине того, что Самарканд попал под власть русских, вода реки Зеравшан большей частью была предназначена для расходования на земли его окрестностей, до того необрабатываемые, а для Бухары воды оставалось мало. Я сказал послу, что всякий раз, как встретишься с Кауфманом, требуй воды для Бухары, так как Самарканд [помимо реки] имеет еще источник и подземные каналы. А в Бухаре в течение трех летних месяцев [даже] колодцы не дают воду. В это время один бурдюк воды невозможно получить и за полдирхема. Вода самаркандской реки во все времена распределялась [поровну]: либо три дня подавалась туда [в Самарканд] и три дня в Бухару, или же понедельно или по пятнадцать дней вода отпускалась Бухаре беспрепятственно.

В Петербурге, всякий раз как мы встречались с губернатором, я без усталости навел посла на речь о воде для Бухары. Он [губернатор], обычно, говорил: «Действительно; вода Зеравшана будет израсходована в Самарканде, так как я распорядился о многих посевах и постройках. Я думал и о

воде для Бухары. В свое время я проведу воду из Сыр-Дарьи». Смысл этих слов был таков: «Я вас подержу голодными и без воды до тех пор, пока сам не вступлю в царскую резиденцию Бухары». Я спросил, почему не проводят воду из Аму-Дарьи? Он ответил: «Большинство посевов Бухары, исключая земли вокруг Карши и Каракуля, питаются водой Аму-Дарьи. Я его спросил: «С какого места Вы предполагаете отвести воду Сыр-Дарьи?» Он ответил, что из Чиназа и с северных [склонов] иштиханских гор можно доставить воду для всех бухарских туманов.

Так как напоминания о воде, которые я без устали повторял, ему надоели, он во время нашего отъезда из Петербурга милостиво обратился ко мне и сказал: «Успокойтесь, после совещаний в государственном совете мне разрешили делить [поровну] воду для Бухары и Самарканда. Я приказал губернатору Самарканда Абрамову, чтобы при встрече с вами он разделил воду так, как вы пожелаете».

В это время мы, имея разрешение вернуться, прибыли в Ташкент. До приезда губернатора и прибытия подарков и приветствий падишаха мы около двух месяцев оставались в Ташкенте, и я до отъезда из Ташкента закончил «Рисалаи Низамийа», которую начал еще в дороге.

Поскольку я писал эмиру, что сейчас путь вражды и распри с русскими закрыт, теперь по необходимости надо установить порядок, сочетающий узбекский и русский [элементы]. А потом, если понадобится, открытое столкновение будет позволено. Сейчас помимо дружественного и вежливого подчинения другого средства нет.

Выехав из Ташкента, мы прибыли в Самарканд. Правитель Самарканда Абрамов встретил нас и сообщил: «Ко мне прибыл с курьером приказ от губернатора о том, чтобы воду реки разделить поровну между Бухарой и Самаркандом, как вы того пожелаете [по несколько дней]. Но это распределение должно быть твердым, пока в реке имеется вода. Теперь вы сами доложите эмиру об этом, чтобы он прислал уважаемого и почтенного человека, в присутствии которого и с помощью людей, знающих дело, производить распределение воды».

Случилось так, что в это время обильная вода вышла из берегов, прибыла к Бухаре, снесла большинство посевов и залила дороги. Мы послали доклад его высочеству эмиру, который в это время был в области Кеша. На этот доклад не последовало никакого ответа и никого не прислали.

Так пришла осень. Воды было недостаточно, и урожай этой осени, не получив воды, погиб. Бедный эмир снова приказал собрать водный налог и, собрав около ста тысяч танга, с поклоном и подарками отдал русским управителям воды в Самарканде с просьбой пустить воду [в Бухару]. Скудоумие этого правительства отсюда видно яснее ясного:

Все, что делает мудрец, и невежда делает,
Но с опозданием и с позором [для себя].

Выехав из Самарканда и прибыв в Шахрисябз, мы были удостоены встречи с эмиром. Я вместе с русским [попутчиком] остался в посольском доме. Эмир был раздосадован и недонолен. Мною он несколько дней пренебрегал и не замечал, потому что я написал правительству правдивые доклады без подслащения [лести]. Наконец, по дороге в Бухару, в Каршах, он меня вызвал к себе и расспрашивал около часа об отношениях с русскими и о деловых результатах [поездки]. И я без утайки рассказал обо всем, что было. Упомянул и о переговорах относительно посылки наследника — царевича. Я сказал: «Его величество в своем письме выразил желание послать одного из своих сыновей на службу царю, дабы он, изучив военное дело, стал наследником престола. Дать ответ на это письмо поручено Кауфману. Я не знаю, что написал об этом его величеству Кауфман и каков ответ на эту просьбу». Эмир начисто все отрицал: «Я ничего такого не говорил и Кауфман мне никакого письма не посылал». Я сказал: «Основная ошибка в этом деле та, что оно проведено без обсуждения и совета. Назначение наследника и его обучение военному делу тогда будет уместным, когда будут упорядочены все государственные дела и дело будет вестись согласно принятым в других странах порядкам, например, в России или Иране, или другом государстве, которое назначает царевича наследником. Если у главы государства двое или трое сыновей, то всех их зачисляют в войско солдатами, одевают в военную форму и помещают в казармы. Они отличаются от обычных солдат соответственно своему дарованию. Того из них, который отличится своими знаниями и талантом, по решению государственного совета, а не по желанию ладишаха, назначают наследником. Если его величество выберет наследником только одного из царевичей, то другие из них, никогда не видя порядка и не приученные к порядку, [могут] в суматохе стать правителями. Неизбежно станут говорить: «Что такое порядок? И кто наследник?» И никто не положит голову в ошейник послушания наследнику. И возникнут волнения и смуты».

Одним словом, бедняга эмир, считая, что эта просьба — означает своего рода «добро пожаловать», написав об этом русским, полагал, что из этого ничего не выйдет, что этим он докажет крайнюю степень покорности и готовность подчиняться приказам. Мол, мое рвение служить тебе так велико, что даже посылаю к тебе свое дитя, которое по существу то же, что и я сам, что русские эти слова примут за достаточное извинение и другого ничего не потребуют. Но поскольку государственные дела у народов, привыкших к порядку, зависят от слов и затем к делам,—то со стороны русских пришел запрос по поводу этой записки. Кого, мол, из сыновей [эмир] пошлет к нам на службу и кого он назначит наследником. Эмир волей-неволей был вынужден определить одного из своих сыновей, которого вместе с Исамадином туксоба, назначенного послом, и вместе с многочисленными подарками послал в столицу императора, чтобы он побыл на службе у царя и изучил военное дело и язык.¹⁹⁸ После этого пришло настоятельное письмо о наследнике. Вторично был послан другой сын—Абдалахад хан—вместе с сановниками и вазир Истанкул бий кушбеги с соответствующими подарками. Во время этих путешествий этот бедняк был назначен на должность казия в одном из судилищ Бухары. По этой причине мое отправление было отложено.

Как-то эмир сказал своим приближенным во время беседы: «Я одного человека послал к русским при посольстве, а он стал [донимать] меня советами. После этого в другой раз я его не пошлю». Я сказал: «Я не желаю служить этим пронырам».

Короче говоря, во время этого путешествия, которое Абдалахад хан предпринял в качестве наследника, царь его несколько раз пригласил в гости и на пиршества. Кроме того, некоторые из числа послов других государств были вызваны на секретное совещание и там их заставили подписаться и приложить печати под официальным письмом, содержащим двадцать один пункт в отношении проведения железной дороги, проведения телеграфа, постройки церкви для русских воинов и купцов, продажи и купли садов, усадеб, зданий и земли и т. д.

Таким образом он [наследник] вернулся назад, отдав Бухару [русским]. И эмир раскаялся в своем поступке. Он несколько дней не призывал к себе наследника и держал его в толпе сопровождавших эмира у его стремени. В конце концов через посредство некоторых вазирей и сановников он получил разрешение вернуться в Кермине, где находилась его резиденция. А сам эмир в эти дни [лежал] больной

в Карши. После того, как русские овладели Самаркандом, установилась их постоянная связь с ним.

В Бухаре и ее окрестностях вспыхнула страшная эпидемия холеры, которая началась в Каршах и в окрестностях которых за два-три года [она скосила] почти все население. Затем эпидемия перебросилась в Бухару и ее окрестности. Погибло около полумиллиона человек. Большинство деревень и кишлаков опустело, и селения были разрушены. Из преданий известно, что эпидемии появляются из-за чрезвычайного распространения разврата среди народа. А дороговизна на продукты питания возникает из-за нечистых намерений царей.

Действительно, в период правления этих двух государей из-за беспорядка и неустройства управления, из-за злоупотреблений хакимов цены на продукты питания всегда стояли высокие. А из-за отсутствия надзора и суда по законам шариата в делах всегда был в разгаре базар разврата и распущенности.

Постоянное пьянство и распутство с проститутками и юношами господствовало на базарах и в его окрестностях. Подстилки для кружения и танцев цыган расстилались повсюду. А отвратность незаконных дел находила одобрение в глазах людей. От болезни, которой эмир заболел в Карши, большинство воинов, приближенных и чиновников в Карши погибло. Некоторые больные приехали в Бухару и там скончались. Сам эмир тоже вернулся в Бухару и около пятнадцати дней был без сознания. И, наконец, он в самом неприятном виде сменил царский трон на гробовую доску и вернулся в место своего назначения. И все увеселения и наслаждения, которым он предавался в течение двадцати шести лет своего правления, запасы которых он собирал, были потребованы назад в течение пятнадцати дней, и он в бессознательном состоянии в мучениях, учиненных ему ангелом смерти, умер.

Порядки в эмирате и некоторые события времени правления эмира Абдалахада

Утром в пятницу 4 дня месяца сафара 1903 г. эмира Абдалахада наследника вызвали из Кермине. Когда его привезли и привели в Арк Бухары, сейиды, знатные и сановники из вилайетов прибыли с поздравлениями. А в понедельник 9 сафара при появлении Козерога, когда Венера была на восходе, Сатурн — в центре седьмого градуса вблизи Солнца, стоявшего в десятом градусе, Юпитер — в девятом,

Марс — в восьмом, а Луна — во втором, он сел на царский престол. Такое сочетание звезд, хотя и изменчиво [потому, что оно находится в «доме Сатурна», все же обещает длительность и устойчивость. Особенно время, когда десятое и четвертое созвездия были укреплены. В этом расположении Солнце, которое является султанской звездой, было близко. Венера в счастливом расположении, хотя и противостояла злосчастному Сатурну, могущество злосчастное Сатурна слегка исправила. Вначале пребывания у власти один-два года дружба созвездий Венеры и Солнца требовала выполнения шариата и распространения правил религии. [Еще] требовалось, чтобы было выполнено зло Сатурна в седьмом центре. И снова этот доброжелатель станет недействительным. Он также нашел достойными те порядки, которые были установлены в государственных делах его отцом. Пение, пляски и разврат стали еще более распространенными, чем во время правления его отца. Он сделал их для себя обязательными. И поскольку Меркурий находился на склоне, он не обращался к людям ума и достоинств и важные государственные дела вручил людям низким. Дела науки поручил Казикалону, а назначения и смещение военачальников и сипо передал на устремление Дурбин бия кушбеги—[главного] гуляма его отца. А вазирство всей Бухары — в руки невежественного Шах Мирзы инака своего, собственного гуляма. И русские чиновники стали сильно вмешиваться в государственные дела и отстаивали свои интересы. А возражать ни у кого не было смелости. Ничего не говорили, кроме слов «вера наша, преданность наша». Разъезжая по улицам впереди мусульман, они выказывали пренебрежение к ним, унижая и оскорбляя их. Больше того, люди вазира бежали впереди, крича: «Дорогу, дорогу!» Приказывая пешим и верховым мусульманам удалиться, согнали их с дороги.

В это время Каган — поселение ниже холмов Мамаджуграты—сильно разросся вследствие проведения туда железной дороги и постройки там нескольких фабрик и мастерских, привезенных из России. Там скопилось множество жителей из русских солдат, торговцев и обывателей. Можно сказать, был построен новый город. Были построены церковь и дом зрелищ. Оттуда провели железную дорогу до Бухары. Бухара целиком подчинилась России, о чем писали в другие государства и [официально] объявили.

Причина такого быстрого подчинения русским Бухары была заключена в невежестве и отсутствии порядка среди людей этого государства. Когда эмир прибыл из Кермине в Бухару

для восшествия на престол, он советовался относительно послышки посла в Россию. Я был в это время в Нарпае в должности судьи. Оттуда я в письме написал, что отправление посла благословенно лишь после восшествия и что этот месяц для восшествия на престол не благоприятен. Лучше это сделать, когда наступит новый месяц и что за это время [можно] подготовить [все] необходимое для отправки посольства к тому времени, когда посол будет назначен. Я доставлю [проект] сопроводительной грамоты соответственно времени и месту и пришлю в государственную канцелярию. Пусть напишут письмо соответственно этому.

Я это сделал потому, что один из моих друзей сообщил, что меня собираются послать вместе с послом в русскую столицу.

В этот день, когда мое письмо прибыло во дворец, состоялось восшествие. После этого послом назначили Истанкула кушбеги, не спросив у меня черновика сопроводительной грамоты. Вышеупомянутого [посла] отправили с многочисленными подарками и приветствиями. Эмир утвердил тот же самый порядок, который был в прежних посольских миссиях. И это [посольство] без задержки отправили в Россию. [И этим], как будто одним махом, сразу же вручили все государство.

А следовало послать грамоту такого содержания: «Я только что сел на престол и еще не ознакомился с положением населения в стране. Я твердо придерживаюсь условий и слов, которые я взял на себя и считаю их для себя обязательными. Дай мне сроку от двенадцати до двадцати лет и я, узнав горы и низины страны, познакомясь и с хорошим и дурным, буду выполнять договор и соглашения. Сейчас из-за нерадения ушедших государство клонится к упадку [прежде всего] из-за безводья. Вода самаркандской реки используется на твои нужды. Наши крестьяне сильно ослабли, потому что при взятии десятины и хараджа они попали в когти налоговых чиновников, которые их истязают. К тому же прибавилась и нерадивость правителей. Нам нужно несколько человек специалистов водного дела, чтобы доставили воду из Аму или Сыр. Кроме того, в наших областях имеется много полезных ископаемых. Откройте их. Тем самым вы уменьшите потребности войска в налогах с крестьян. И еще у нашего войска нет порядка и [оно] не имеет нужного вооружения и оснащения. Нужен человек, который знал бы дело и сумел бы обучить его [войско]...»,—и тому подобное. Такие просьбы, написанные при восшествии на престол, несомненно, были бы приняты.

Тем самым было бы отложено и задержалось бы на некоторое время подчинение Бухары. Но, увы, где ум?

Все что мудрец сделает, может сделать и невежда,

Но после того, как неоднократно опозорится.

И поскольку Бухара—купол ислама — один из когда-то прославленных городов обитаемой четверти земли одерживала победы над всеми странами Туркестана, благодаря наличию средств обороны и знаменитых султанов, то теперь всем иноземным государствам казалось непостижимым капитуляция теперешнего государя без войны и сопротивления. И потому сообщения газет об этом считали ложными. По этой причине для русских возникла необходимость пригласить эмира бухарского на торжество, чтобы покорение бухарского государства стало очевидным для иностранных государств.

[Вскоре], после вступления на престол, эмир стал готовиться к поездке в русскую столицу и около сорока пяти миллионов русских танга истратил на подарки и подношения. Он послал записку Кази-калону, чтобы тот отобрал людей, которых он взял бы с собой. Кази-калоня отобрал по два-три человека из каждого рязряда людей и доложил, что это люди из писцов, купцов, ремесленников из числа наиболее знающих из них. Я впал в смятение, как бы ни попасть в их число. Чтобы проверить намерение эмира, я ему написал докладную записку: «По слухам в народе стало известно, что Ваше величество эмир сочли необходимым совершить путешествие в Россию. Это благословенное доброе путешествие. Оно необходимо для спасения войска и подданных. И Вы не печальтесь размышлениями о том, как [будет выглядеть] Ваше подчинение России после этого путешествия и что будут говорить об этом в народе. Ведь о победе русских над всей населенной частью земли много лет тому назад было написано в божественном писании. И там сказано, что Самарканд будет разрушен за поголовное избиение христиан, и великий создатель утвердит [власть] рыжих людей [русских] в этом городе и никого другого.

И то, что должно быть, сбудется. Поэтому заключение соглашения с русским государством необходимо:

Всякий, кто схватится со стальной рукой —

Повредит свою серебряную длань.

[Тот, кто вступит в схватку с более сильным врагом,—принесет себе вред].

В связи с тем, что Россия приобрела власть над всеми государствами и поскольку Бухара и Самарканд для нее важ-

нее чем Стамбул, [вполне возможно], что во время этого путешествия [в Россию], все то, что у нее попросят и все что от нее захотят, она утвердит. И решение это будет выполнено, исключая требования возврата Самарканда. Это [последнее] будет отклонено. И будет сказана причина. Если же потребовать такие вилайеты, как Пянджшанба¹⁹⁹ и Ката-Курган²⁰⁰, то следует обосновать следующим: оплата наших воинов производится из наших собственных доходов, а поступления с налога се-як (из районов), которые ты нам отдаешь, тебе достанутся. Конечно, согласится».

И еще несколько других требований подобных этим я включил в записку [с тем], чтобы, когда он встретится наедине с русским царем, показал бы и дал на подпись. Если же не смогут это сделать, то пусть пошлют в канцелярию, дабы вазир, ведающий государственными делами, подписал документ. Если же и это окажется невозможным, то пусть почтой перешлют его в канцелярию для того, чтобы русские министры его подписали.

Первое требование заключалось в следующем. С тех пор, как Самарканд присоединен к славному русскому государству, Бухара испытывает недостаток воды, так как правители и распорядители [Самаркандские] воду Зеравшана расходуют на посевы и строительство. Там расходуется две трети воды. Одна оставшаяся часть доходит до Бухары тогда, когда наши весенние и летние урожаи уже погибли. По этой причине пусть пришлют знающего человека, который провел бы к нам воду из Аму-Дарьи или Сыр-Дарьи, дабы наши посевные земли не погибали.

Второе требование. В наших областях много овощей и фруктов. Между месяцем Тельца²⁰¹ и Скорпиона²⁰² их столько, что ни люди, ни животные всего этого не могут поесть и уничтожить. Если в Бухаре будет основан завод по выработке сладостей или сахара, тогда бухарский сахар и сладости достигнут всех семи климатов²⁰³. Для бухарского государства это будет большой помощью.

Третье требование: каждый год купцы этой страны отвозят шерсть животных, неся большие расходы, выплачивая пошлину русскому государству, а привозят различное сукно, [в том числе и солдатское]. Если бы в Бухаре основать суконную фабрику, то мы бы смогли переработать всю здешнюю шерсть и вывозить сукно во все государства.

Четвертое требование. В окрестностях городов Мавераннахра есть много гор и в них бессчетное количество всяких видов полезных ископаемых. Пусть бы прибыл кто-нибудь

из ученых, знающих науку о минералах, и раскрыл эти ископаемые. Сколько бы ни понадобилось наемных рабочих, их всегда достаточно наготове в долинах и теснинах гор. Это дало бы большую пользу обоим государствам. А беднякам и подданным это оказало бы помощь и доставило бы благоденствие. В том же роде были и другие пожелания.

Относительно ученых, знающих языки, отливки пушек и ружей, знатоков военного дела — обо всем этом я написал и после тщательных дополнений, сокращений, изменений и переделок требования эти передал эмиру. Но никакого ответа — ни возражения, ни согласия я не слышал. Я понял, что в этом путешествии попутчиком мне не быть.

Действительно, через неделю после этого эмир отправился по железной дороге и взял с собой того, кого хотел из слуг и прислужников и некоторых купцов. Из эмиров были: Бараткули бек додхо, Астанкул — министр внутренних дел — и Дурбин кушбеги. Это путешествие длилось в течение двух-трех месяцев. Один из секретарей, который был прикреплен к этому путешествию, уехал последним, а приехал первым. Он встретился со мной, и мы беседовали. Я рассказал, что составил для эмира доклад, состоящий из некоторых пожеланий. «Не известно ли тебе, что с ним стало?» Он ответил: «Я видел этот доклад в руках у Астанкула²⁰⁴. Он хвалил тебя и сказал: «Такой-то составил доклад, содержащий много полезного для государства и страны. Жаль, что эмир испугался представить его, сказав, что русские в своем гостеприимстве чрезвычайно внимательны к нам, любезны и мягкосердечны. Как бы их не рассердило, если мы покажем им эти пожелания. И дело может принять противоположный оборот. [Тогда] исполненная нами служба и изъявление покорности пропадут даром».

В общем, на это путешествие, от которого, вероятно, ожидали пользы в тысячу миллионов русских танга, было без пользы истрачено сто миллионов русских танга, насильно собранных у подданных. С тем и вернулись. Отправились с мокрым задом, а вернулись назад с сухими губами, [не солоно хлебавши].

Так как в этой стране не принято советоваться и обнародовать предстоящие дела, то всякое вновь начинаемое дело приносит только вред и убыток. Никто из тех, кто принимал участие в этом путешествии, до самой посадки эмира в поезд не знал о своем отъезде. Они отправились в дорогу, не подготовившись к путешествию, без зимней одежды. И никто — ни из чиновников, ни из ученых — не осмелился сказать, что

в казне нет лишних денег и бесхозного имущества и что нет пользы вести такую сумму. Ведь сборщики налогов эту потраченную сумму собрали в виде налога путем угнетения и насилия и отправляли в царскую казну. Между тем все возделанные земли они погубили. Так что кроме Гиджувана²⁰⁵ в окрестностях Бухары не было ни одной населенной деревни. И на месте городов появились заросли колючек.

Другое путешествие, которое совершил эмир в дни своего правления, было путешествие в Тифлис²⁰⁶. Этот процветающий город расположен на юге Кавказа к северу от Армении. Прежде он был подчинен Турции, теперь присоединен к русскому государству. Для совершения этого путешествия, как говорили среди народа, имелось несколько причин. Одной из них было то, что правитель Тифлиса устраивал свадебное празднество и пригласил всех правителей, в том числе и эмира бухарского, которого он пригласил для того, чтобы его подчинение России стало известным иностранным государствам. Другой причиной, по словам шиитов, было то, что поскольку эмир бухарский из [шиитов] и поскольку глава министерства финансов и правосудия и начальник артиллерии [тоже] из их числа, то говорили они: «Во время этого путешествия наш эмир встретится с Насреддин шахом Каджарским для заключения с ним договора о братском союзе, чтобы Бухара считалась присоединенной к Ирану». Ходили также слухи о том, что у эмира имеется скрытая язва, и русские врачи посоветовали искупаться в окрестностях Тифлиса в источнике, называемом «источник исцеления» и который излечивал от всех язв и болезней.

В связи со всем этим эмир сел в поезд, ни с кем не посоветовавшись относительно этого путешествия, и отправился, взяв с собой кого захотел. Вернулся через пять месяцев. На эту поездку также было загублено много денег. А в газетах и печати Стамбула было написано, что эмир бухарский перешел в христианскую веру и что его повезли на Кавказ для совершения крещения. И эти газеты везде в России, где их находили, прятали. Совершил он это путешествие на девятом году своего правления.²⁰⁷

Однажды в первый год восшествия эмира [Абдалахада] на престол²⁰⁸ двое из моих близких друзей пришли для встречи с автором этих строк. Я приготовил для них, что смог. Мы беседовали на разные темы. Один из них был ученый из Бухары, другой усрушанец²⁰⁹ (из Ура-Тюбе) — сипо, но вставший на путь суфизма. Разговор зашел о беспорядках и о волнениях того времени; о том, что в эту эпоху следует ожидать

наступления порчи и развала. И каждый из них рассказал о сновидениях, которые он недавно видел. Один рассказал: «Я видел, что загнанный лев попал в окружение лютых зверей удивительного вида. Он бежал по улицам разрушенного города, постройке которого рассыпались. Я потерял свое жилище и босиком метался в разные стороны, не находя своего дома. Затем я увидел, что звери одержали победу над львом, разорвали его, а части тела и внутренности растащили в разные стороны». Другой рассказал: «Я видел, что в полдень выхожу из мечети. Полная луна с зенита неба спустилась на землю, подобная какой-то странной чудесной вещи или снаряду. Вместе с нею была еще и другая звезда. Она врезалась в посольство. Я сказал об этом людям, бывшим около меня. Они побежали, чтобы самим посмотреть».

И поскольку сновидения исходят от предопределения и служат доказательством наступающих перемен в мире, каждый из нас проникся страхом. Один сказал: «Каждому необходимо в эти дни приготовить и иметь оружие при себе, чтобы противостоять врагу». Другой сказал: «В день свершения [предначертаний судьбы] оружием беду не отразить».

Когда судьба в небе расправит свое крыло, —

Все мудрецы становятся слепыми и глухими.

А теперь нам должно здесь рассказать о следующем. После того, как земли между Кокандом и Ферганой пришли в упадок, племя кипчаков захватило власть и овладело правительством Ферганы. Мусульманкул-кипчак²¹⁰ после убийства, заточения и изгнания эмиров Коканда единодержавно засел в султанском арке. Во все области, подчинявшиеся Коканду от Ташкента до Ходжента и Ура-Тюбе, он назначил правителями главарей своего племени. Он принимал меры к тому, чтобы всех оставшихся в Коканде прежних главарей искоренить полностью. Даже бедняки были выгнаны из города. И засели там кипчаки, чтобы без помех любимую страну заключить в объятия [захватить все дела государства в свои руки].

В это время я был в Ура-Тюбе. Некоторое время правителем от кипчаков там был Ширали додхо. Однажды у группы крестьян возникла распря с группой кочевников из-за участка обрабатываемой земли. Обратились к правителю. Каждый говорил о пользе, которую приносит его занятие. Кочевник говорил: «Каждый из нас имеет столько-то скота и овец, которые пасутся в этой степи, и мы столько-то вносили налога (савайим) со стада в казначейство правительства». Дехкане же говорили, что если эта земля останется в

наших руках и мы ее будем обрабатывать, то столько-то уш-
ра и хараджа внесем в казну.

Правитель передал это на усмотрение шариата. Кочевни-
кам решить иск в свою пользу не удалось. Хаким склонил-
ся к тому, чтобы эту землю передать в руки дехкан, так как
ему явно казалось, что пользы [для казны] будет больше.
Кроме того, от крестьян он получил взятку в две-три ты-
сячи танга и обещал передать землю им. Но для кочевни-
ков показалось трудным оставить родные места. Обе сторо-
ны принесли ривояты за печатями. И вот однажды хаким с
великой помпой вместе с улемами и эмирами прибыли на
эту землю. Там было устроено великое собрание, на которое
собрались все старейшины племени с тем, чтобы закончить
дело подобру, мирным путем. Я также там был среди ну-
керов. С обеих сторон неслись крики. Так как ни до чего
не смогли договориться, то все начали требовать: пусть бу-
дет решение по шариату. Эти слова дошли до эмиров и
знатных лиц. Тогда невежественный хаким изрек: «Шариат,
что это такое? Для пользы казны землю надо передать
крестьянам. Пускай кочевники поищут другие источники во-
ды и пастбищ».

И сколько улемы и почтенные люди ни говорили о при-
мирении и взаимных уступках, хаким их не слушал. В это
время два человека, сидевшие впереди людей близких к
хакиму, по имени Хайдар Кул и Омар Кул, встали и сказали:
«Громкие слова ты говоришь, стал высокомерным, прини-
жаешь шариат. Из-за такой заносчивости весь мир зальет
потопом. И из-за грязи этой твоей низости и народ будет
низвергнут в бездну. А мы слышали от людей, заслуживаю-
щих доверия, что когда власть попирает шариат, то вскоре
события ее сотрут [с лица земли] и ее настигнет стрела бед-
ствий. История свидетельствует, что упадок государства и
перевороты в странах случаются по причине таких качеств
[правителей]. В дальнейшем мы отказываемся от службы
тебе и снимаем с себя обязанности нукеров». Сказав это,
отряхнули полы своей одежды, ушли из собрания в город.
Все присутствующие сильно смутились. Хаким устыдился.
И это собрание закрылось, не закончившись, все рассеялись
[разошлись]. Я зашел в один дом по-соседству с этими дву-
мя юношами. Увидел, что они, расстроенные и печальные, си-
дят и плачут. Я их утешал [призывал к сдержанности]: «Ха-
ким что-то сказал, а вы расстроились». Они сказали: «Из-за
одного человека несчастье постигнет тысячи. Если правитель
окажется в несчастье, где найти безопасность слуге. Посколь-

ку мы приезжие в этом месте, а ты сосед по дому, тебе следует взять на себя нашу защиту. Кипчаки по природе низкий и недалёковидный [народ] Они сейчас стремятся к самостоятельному управлению. Как бы они ни подняли мятеж и, не справившись, сами себя не погубили. Потому что нельзя себе представить сохранения власти и укрепления независимости без советов людей умных и обладающих большим опытом в делах. Те лица, которые сейчас владеют приказом и [властью] — все казаки-пастухи. И от них нельзя ожидать решения важных государственных дел. Они способны лишь поднять смуту, скандал и пролить свою кровь».

В действительности, после этих событий не прошло и десяти дней, как пришел приказ от Мусульманкула, чтобы правитель по получении письма сейчас же вместе со своими людьми и со всем скарбом вернулся в Коканд, так как лично ему хотят оказать особую милость. Точно также были отправлены письма по всей Фергане, чтобы правители и эмиры в такой-то день собрались в столице, поскольку для них имеются государственные поручения. Одновременно было решено, чтобы в назначенный день все были в полном вооружении и чтобы всех знатных людей и вельмож Коканда созвать на пир и угощение и всех их перебить. Затем отправиться в кварталы города и всех жителей взять в плен и изгнать. А на их место в городе поселить кипчаков. Но прежде, чем это событие должно было совершиться, один из членов совета сообщил таким эмирам Коканда, как Ахмад Парванчи, Якуб Минг Баши, что, мол, кипчаки задумали такую хитрость в отношении прав жителей этого города. А те об этом оповестили население. И чтобы каждый из знатных людей, который будет приглашен в дом правителя, отправился бы туда, имея при себе спрятанное оружие.

В то время, когда все эмиры кипчаков, вооруженные саблями и щитами, сидели в султанской ставке, Ахмад Парванчи вместе с Минг Баши вошли роскошно одетые и, не садясь, отдали приказ: «Бейте эту стаю собак». Все, кто был с ним, взялись за мечи и сейчас же начали избивать кипчакских эмиров. Кипчаки стали кричать: «Что случилось? Мы с добром!», но, не успев взяться за оружие, не обнажив меча, не подняв ружья, не найдя огня, остались на месте с распоротыми животами — и с отрубленными головами отправились в ад. И первым из тех, кто в этой катастрофе попал на дно ада, был Шир Али Додхо — правитель Ура-Тюбе. Он валялся у стены эмирского дома совета с распоротым животом и выпавшими

внутренностями. Так, после тысячи мучений отправился в место своего вечного местопребывания. И ни меч, ни щит не отразили его смертного часа. Таков был конец.

Мусульманкул тоже был пойман во время этого происшествия. В течение месяца под солнцем месяца Таммуза²¹¹ он погиб в мучениях. Всего в урде [столице] было убито около пяти тысяч кипчаков и около семи тысяч в областях и деревнях, не считая женщин и детей. И в степи, и в деревни—езде, где находили кипчаков и узнавали, что это кипчак,—убивали. Женщин, девушек и детей в течение месяца сгоняли целыми толпами и, уложив на землю, засыпали соломой, а потом по их черепам гоняли лошадей и быков,—так убивали. Из всех этих людей ни в одном населенном пункте никто не остался в живых. А те одиночки, которым удалось бежать, оказались рассеянными в горах и ущельях. Блуждая там, они становились добычей волков и барсов. По прошествии некоторого времени волки и степные собаки настолько приохотились к человеческому мясу, что стали нападать на человеческое жилье и похищать людей. Можно сказать, что кроме Омар Кула и Хайдар Кула, после истребления кипчаков ни одного из них не осталось в живых, благодаря их искренней вере, которую они обнаружили, почитая и возвеличивая шариат²¹². Ведь сказано:

Хотя меч весь мир может сдвинуть с места—

Пока бог не захочет, он не коснется и одной вены.

Эти два человека, благополучно избежавшие опасность, спаслись и вернулись в Ура-Тюбе. Один рассказчик рассказал, что после того они пришли в город и сообщили подробности. Я спросил: «Каким образом вы спаслись из этой смуты?» Они рассказали: «После того, как мы вместе со всем племенем во главе с хакимом прибыл в Коканд, во время происшествия никто не обратил на нас внимания и никто нас не узнал или [может быть] они приняли нас за других. Мы сами себя выдали за кокандцев. Ходили в кварталы и квартиры кипчаков, забирали вещи, оружие и съестные припасы. В целях безопасности мы направились в эту сторону. И мы не испытали никакой угрозы и страха. И тебе следует скрыть нас, и несмотря на опасность и наказание, оказать нам помощь».

В это время Абдал-Гафар диванбеги был назначен эмиром Коканда правителем в Ура-Тюбе. Я отправился к нему и засвидетельствовал перед ним их чистоту в вере и искренность их целей. Правитель назначил их на должность и определил жалование. В это время пришло распоряжение из сто-

лицы, чтобы схватить и повесить каждого, кто носит имя кипчака. В городе находилось четыре чиновника, которые много лет там жили. Эмир потребовал их к себе во дворец, указав, что к ним он питает крайнюю милость и дружбу, но когда они прибыли, то приказал отрубить им головы. Затем к их ногам привязали веревки, потащили по городу и у Чорсу бросили. Даже эти два человека, несмотря на покровительство правителя, все время боялись за свою жизнь. В это время Якуб Минг-баши²¹³, отправившись в Кашгар, насильственным образом овладел там престолом. К нему присоединились эти два беглеца и получили от него звания и богатство. Они получили значки и чоуган²¹⁴. [Вскоре] после этого [Якуб Минг-баши] предпочел подставку под гроб трону султанства. Они снова вернулись в Коканд, поселились там и приобрели могущество и богатство. А поскольку уважение покинуло хозяина дома [правителя Коканда] и не с кем было общаться и не с кого требовать, т. е. [в городе не было сильной власти], то они попали в число эмиров Коканда²¹⁵ и получили должности и чины от русских властей.

Так, из-за непочтительности кипчакских эмиров по отношению к благородному шарияту все начальствующие и подначальные, подчиняющие и подчиняемые стали травой [для] безжалостного меча. А те два человека, проявившие чистую веру, до настоящего времени (а это 1295 г. хиджры²¹⁶), когда прошло около тридцати лет со времени той всеобщей резни, еще живы и являются старейшинами племени и народа, благодателями сана и почестей и находятся на службе государства и власти. Эти два человека из числа «чистых братьев» также не оставили и меня. Тебе, мол, известны правила звездочетства. Ради проверки узнай, какие произойдут события. Я трижды одно за другим в соответствии с правилами астрологии проверил гороскоп данного момента. И все три раза Марс был расположен напротив Сатурна под воздействием Меркурия [все время] в одном сочетании. Такое противорасположение, согласно астрологическим правилам, считается предзнаменованием одного из величайших злополучий [особенно для эмиров и власть имущих]. Те, кто останется в живых в будущем, увидят, что все те богатства, которые государство и имущие собрали в государственную казну путем зла и насилия, станут провиантом для неверных и добычей грешников. Правители, в конце концов, оставят свои головы на виселицах, а эмиры и высокопоставленные также окажутся обездоленными и в вечной нужде.

«Но истинное знание только у Аллаха».

Согласно конstellляции созвездий, в дальнейшем власть в Мавераннахре также не останется в руках этого племени. И обнаружатся удивительные перемены и великие столкновения. Что касается противостояния Марса и Сатурна и сближения Юпитера с Меркурием, то это указывает на ослабление народов ислама и истиной веры, на распространение ложных дел и неверия по всем странам мира. Особенно в областях Мавераннахре, где всякое дело, которое возникает [будь то хорошее или дурное], достигает крайней степени и полноты. Таково влияние Марса, когда Меркурий оказывается его спутником. И та смута, которая ожидается в мире, согласно расположению звезд, получит свое распространение в течение одного периода, состоящего из тридцати шести лет. С какой бы стороны ни рассматривать положение правительства, на лицо явные признаки упадка истинного толка ислама, который распространен в Мавераннахре. Достаточно уже существования этих глупых эмиров, невежественных ученых и порочных и нерадивых военачальников. Других признаков не нужно. И если они дальше будут точно так же продолжать пренебрегать делами шариата, то и действительность превзойдет в два раза выше, что вы сможете себе вообразить. И это не будет удивительным. После всего этого от пренебрежения и игнорирования божественных ограничений, которые проявляются со стороны правителей этой страны, что могут они и те, кто следует за ними, ожидать в будущем. Что для них значит, если на голову им упадет луна и звезды? Нужно, чтобы небо целиком на них обрушилось. «Ведь они не обращали никакого внимания на то, что перед ними и что за ними, на небе и на земле. Если мы захотим, то велим земле поглотить их или велим небу низвергнуть на них какой-либо обломок».²¹⁷

Увы! Как жаль, что в этот век нет слушающего уха и видящего глаза! Ничего не остается другого, как записывать на листках то, что становится известным, а затем самому читать и плакать. Другого средства нет. Всякий раз, как только кто-нибудь ознакомится со сказанным, он все относит за счет либо моей одержимости, либо фантазии, возбужденной бангом или опиумом! Я неоднократно доводил до сведения хакимов и придворных, что сказанное стало известным мне по конstellляции звезд. Но в ответ я ничего не слышал, только молчание или слова, которые не содержали ответа на то, что я спрашивал. После этого стало очевидным, что и не следует никому ничего излагать, согласно стиху, сказанному Абуал-Маоли,²¹⁸ [который сводится к следующему]:

Язык в нашей вере сам не является доверенным тайн тела.

Все эти тайны не имеют доверенного и вместилища, кроме мира молчания. А эти распорядители, которых мы называем его святейшество эмир и господин вазир? «Они, как скоты; и даже больше, чем они, блуждают»²¹⁵ Ведь если руководствоваться шариатом, то их следует ежечасно несколько раз устранять. И никому не должно им подчиняться и выполнять их приказы. И никто не станет из-за этого мятежником и смутьяном. Управление, основанное на справедливости,—наместничество [аллаха]. Если же оно строится на насилии, то это наместничество — [халифат] дьявола,—да будет на нем проклятие! Самое удивительное то, что эти слова выгравированы на печатях этих презренных. И сами они каждодневно по сто раз эти печати ставят на приказах и указах и ни разу не вникают в смысл этих слов. И их приказы соответствуют строкам стихотворения:

Этот мир подобен мертвечине.
Тысяча тысяч черных стервятников в ней.
Эти раздирают ее когтями,
Те другие терзают клювом.
В конце концов, все разлетаются —
Из всего опять остается эта мертвечина.
О боже, укрепи ислам и мусульман и настигни
Нечестивцев и распутников огнем адским».

И от справедливых и беспристрастных потомков, которые бросят взгляд на написанное мною и познают истину слова сего бедняка, мне последует благодарность. Конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Ташкент, 1956, стр. 21—22.

² Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР (в дальнейшем Очерки), т. 2. М., 1956, стр. 808.

³ Е. Э. Бертельс. Рукописи произведений Ахмада Каллэ. Тр. Таджикистанской базы, т. 3. Лингвистика, М.—Л., 1936, стр. 23.

⁴ С. Улуг-зода. Ахмади Дониш. Сталинобод, 1959.

⁵ Ахмади Дониш. Асархон мунтахаб. Сталинобод, 1959.

⁶ Ахмад Махдуми Дониш. Рисола ё мухтасаре аз таърихи салтанати хонадони мангияти, ба саъи ва ихтимоми ва тасхехи Абдулгани Мирзоев (в дальнейшем «Рисола»). Сталинобод, 1960.

⁷ Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Сталинобад, Избранное, 1960.

⁸ Вторым переводчиком данного сборника является Л. Н. Демидчик, которая перевела отрывки из «Редкостных известий».

⁹ Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Сталинобад, Избранное, 1960, стр. 281—282.

¹⁰ Р. Х. Хади-зода. Источники к изучению таджикской литературы второй половины XIX в. Тр. Ин-та языка и лит. АН Тадж. ССР, Сталинобад, изд-во АН Тадж. ССР, 1956, т. 6, стр. 70 — 80, 120 — 121. З. Ахроров. Ахмад Махдуми Дониш дар ашъори шуарон муосираш. Шарқи Сурх. 1961, № 1, стр. 136, 143.

¹¹ З. Раджабов. Выдающийся просветитель таджикского народа Ахмад Дониш. Сталинабад, 1961, стр. 6.

¹² Е. Э. Бертельс. Рукописи произведений Ахмада Каллэ. Тр. Таджикистанской базы, т. 3, Лингвистика, М.—Л., 1936, стр. 11.

¹³ Р. Хади-зода. Чанд Саҳифаи нав дар тарҷимаи ҳол ва эҷодиёти Аҳмади Дониш. Шарқи Сурх, 1957, № 2, стр. 81—82.

¹⁴ Рисола, стр. 11.

¹⁵ Подробнее об этих работах см. пер., прим. 13 и 90.

¹⁶ Рукопись № 1426/1 из фонда АН Тадж. ССР (О ней см.: Каталог восточных рукописей АН Тадж. ССР, т. 1, Сталинабад, 1960, № 105, стр. 101. (В дальнейшем КВР); Собрание восточных рукописей АН Уз. ССР, т. 1. Ташкент, 1952, № 195—199, стр. 77—78 (В дальнейшем СВР).

¹⁷ Рукопись № 2663 из фонда АН Тадж. ССР (О ней см.: КВР, г. 1, № 108, стр. 104; СВР, т. 1, № 208—210, стр. 83).

¹⁸ Рукопись № 2663 (л. 83а) из фонда АН Тадж. ССР.

¹⁹ Там же (л. 83б).

²⁰ Там же, (л. 84б).

²¹ Там же, (л. 86а).

²² Рисола, стр. 27—28.

²³ Записки Мирзы Шемса Бухари. Персид. текст, пер. В. В. Григорьева. Казань, 1861, стр. 11 (далее Записки Мирзы Шемса Бухари).

- ²⁴ Записки Мирзы Шемса Бухари, стр. 27.
- ²⁵ Абдул-Керим Бухари. История Средней Азии. Рукопись № 2025 из фонда АН Тадж. ССР (в дальнейшем Абдул-Керим Бухари. История Средней Азии). Перевод подготовлен научным сотрудником отдела Востоковедения АН Тадж. ССР Колпаковым А. П.
- ²⁶ Абдул-Керим Бухари. История Средней Азии, стр. 88а, 88б.
- ²⁷ «Рисола», стр. 14.
- ²⁸ Абдул-Керим Бухари. История Средней Азии, стр. 89а.
- ²⁹ Рисола, стр. 17.
- ³⁰ Рукопись № 2282 из фонда отд. Востоковедения (О ней см.: КВР, № 109, стр. 105).
- ³¹ Рукопись № 1047/2 (О ней см.: КВР, № 110, стр. 106).
- ³² Рукопись № 95 из фонда отд. Востоковедения (О ней см.: КВР, № 112, стр. 108).
- ³³ История народов Узбекистана, т. 2. Ташкент, 1947, стр. 13.
- ³⁴ Гулшан ал мулук, л. 7б.
- ³⁵ Рисола, стр. 13.
- ³⁶ Там же, стр. 13.
- ³⁷ Мирза Абдалазим Сами. История мангитских государей (в дальнейшем Сами). М., 1962, стр. 49.
- ³⁸ Там же, стр. 50.
- ³⁹ Н. В. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843 (в дальнейшем Ханыков).
- ⁴⁰ А. Борнс. Путешествие в Бухару. Рассказ о плавании по Инду до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию, Персию, предпринятом по предписанию Высшего правительства Индии в 1831, 1832, 1833 гг. лейтенантсмом Остиндской службы А. Борнсом (в дальнейшем Борнс), т. 3. М., 1848—1849 гг.
- ⁴¹ Г. Вамбери. История Бухары, или Трансоксании, т. 2. СПб., 1873 (в дальнейшем Вамбери).
- ⁴² Ханыков, стр. 2.
- ⁴³ Борнс, стр. 465.
- ⁴⁴ Вамбери, стр. 118.
- ⁴⁵ Там же, стр. 118.
- ⁴⁶ Там же, стр. 132.
- ⁴⁷ «История народов Узбекистана», т. 2. Ташкент, 1947, стр. 201.
- ⁴⁸ СВР, № 237, стр. 93—94.
- ⁴⁹ История народов Узбекистана, т. 2. Ташкент, 1947, стр. 210.
- ⁵⁰ Там же, стр. 200.
- ⁵¹ Л. М. Епифанова. Неофициальная версия истории Бухары Мирзы Абдалазима Сами. Автореф. канд. дисс., стр. 10—11.
- ⁵² Сами, стр. 56.
- ⁵³ Рисола, стр. 35.
- ⁵⁴ Рисола, стр. 35.
- ⁵⁵ Сами, стр. 57.
- ⁵⁶ Там же, стр. 118.
- ⁵⁷ По этому поводу см.: ст. А. М. Мирзоева. Ахмади Дониш ва воқеаи катли оми, қибчоқҳо дар нимаи асри XIX. Известия АН Тадж. ССР. Отд. обществ. наук № 2 (29). Душанбе, 1962, стр. 3—6.
- ⁵⁸ По этому вопросу см.: ст. А. М. Мирзоева. Ахмад Дониш о проблеме воды для Бухары. Краткие сообщ. Ин-та народов Азии. 65, Сб. памяти Е. Э. Бертельса. М., 1964, стр. 112—116.
- ⁵⁹ А. М. Мирзоев. Первая редакция «Наводир-ул-вақоъ» и время ее составления. Сборник статей, посвященных 80-летию со дня рождения А. А. Семенова. Тр. АН Тадж. ССР, т. 27. Сталинабад, 1953, стр. 153.

⁶⁰ А. Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Предисловие Хади-Заде, стр. 22.

⁶¹ Очерки, стр. 808.

⁶² З. Раджабов. Выдающийся просветитель таджикского народа Ахмад Дониш. Сталинабад, 1961, стр. 88.

⁶³ О времени ее написания см.: А. Мирзоев. Первая редакция «Наводир-ул-вакоеъ» и время ее составления.

⁶⁴ Об этом произведении см.: Абдулгани Мирзоев. Як асари тозаи Ахмади Дониш. Сообщ. Тадж. филиала АН СССР, вып. 22, Сталинабад, 1950.

⁶⁵ Абдулгани Мирзоев. Як факти мухимми таъсири маданияти рус дар нимаи дуоми асри XIX ва шартӣ-асосии омӯхтани мероси адаби-илмии Ахмади Дониш. Тр. ТФАН СССР, Ин-т истории, языка и литературы, т. 29. Сталинабад, 1951.

⁶⁶ А. Мирзоев. Первая редакция «Наводир-ул-вакоеъ» и время ее составления. Сб. статей по истории и философии народов Средней Азии. Сталинабад, 1953, стр. 157.

⁶⁷ Рисола, стр. 174.

⁶⁸ Очерки, стр. 807.

⁶⁹ З. Раджабов. Из истории общественно-политической мысли Таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв. Сталинабад, 1957, стр. 202.

⁷⁰ А. Мирзоев. Первая редакция «Наводир-ул-вакоеъ» и время ее составления. Сб. статей по истории и философии народов Средней Азии. Сталинабад, 1953, стр. 160.

⁷¹ Абдулгани Мирзоев. «Як факти мухимми таъсири маданияти рус дар нимаи дуоми асри XIX ва шартӣ-асосии амӯхтани мероси адаби-илмии Ахмади Дониш». Тр. Ин-та истории, языка и литературы т. 29. Сталинабад, 1951, стр. 73.

⁷² Рисола, стр. 11.

⁷³ Там же, стр. 11.

⁷⁴ Там же, стр. 11.

⁷⁵ Там же, стр. 29.

¹ Верхние разряды и низшие разряды — имеются в виду небесные сферы и бренный мир.

² В тексте вместо *مرضای*, ошибочно *مرضای*

³ Коран, 16, стр. 52 (50); 66, стр. 6.

⁴ Скрижали судеб — две каменные доски, на которых, согласно библейской легенде об исходе древних евреев из Египта, были написаны десять заповедей бога Ягве.

⁵ Здесь и дальше Ахмад Дониш отдает дань очень модному в то время в Средней Азии увлечению астрологией. Астрология — псевдонаука, признававшая влияние небесных светил на человеческие дела и предсказывавшая войну, голод, чуму, а также и судьбу отдельных личностей по положению, занимаемому звездами и планетами в момент их рождения. В свое время астрология процветала у греков и римлян; она составляла существенный элемент научной мысли в середине века и не исчезла совершенно даже и в наши дни. Не следует забывать, что если история астрологии свидетельствует о невежественном суеверии, тем не менее вера в астрологию служила несомненно могущественным стимулом к ревностному изучению астрономии (что мы, кстати, видим и у Ахмада Дониша). Основы этой науки можно найти и у Бируни, и у Улуг-бека.

⁶ А. Дониш придерживался общей для всего средневековья геоцентрической теории. Около земли вращалось семь сфер: первая — луны, вто-

рая — Меркурия, третья — Венеры, четвертая — солнца, пятая — Марса, шестая — Юпитера, седьмая — Сатурна; солнце проходит каждое созвездие Зодиака в течение одного месяца. (Подробно см. статью «Астрономические теории Бируни» В. П. Щеглова в предисловии к «Избранным произведениям» Абурейхана Бируни (Ташкент, 1957).

⁷ Смысл последних двух слов не совсем ясен.

⁸ Коран, 6, 150 (149), 16, 9.

⁹ Ибрагим Ханифа — речь идет о патриархе Аврааме, прозвище которого было Ханиф, т. е. непоколебимый в своей вере, отвергший идолов и уверовавший в Единого бога.

¹⁰ Убежище печати (пророчества), печать пророков — эпитеты Мухаммеда, который считается завершителем пророчества, последним пророком.

¹¹ Предание, о котором упоминается, изложено Низам ал-Мульком (см.: Сиасет-Намэ. М. — Л., 1949, стр. 135).

¹² Коран, 55, 29.

¹³ «Тузук-и Тимури» («Тимуровские установления») или иначе — «Мал-фузат-и Тимури» («Тимуровские изречения»). «Произведение содержит псевдоавтобиографические записки Тимура с приведением в них разных случаев из его жизни. Первый русский перевод был сделал Николаем Лыкошиным под названием «Автобиография Тамерлана» (Ташкент, 1894).

В 1934 г. вышел еще один перевод с тюркского варианта рукописи под названием «Автобиография Тимура»; перевод В. А. Панова (Москва, Academia, 1934).

Это один из двух исторических источников, на который ссылается Ахмад Дониш и к которому отсылает своих читателей. В тексте своего исторического трактата Ахмад Дониш неоднократно упоминает имя Тимура и ссылается на его авторитет. В «Автобиографии Тимура» имеется раздел об идеальном правителе, который должен обладать двенадцатью моральными качествами.

¹⁴ Тимур Куракани. Куракан означает зять. Так именovali Тимура, поскольку он был женат на дочери хана. Сам он ханом не титуловался.

¹⁵ Ахмад Дониш перечисляет правителей, которых считает обновителями религии. Это хорошо известные: Султан Хусейн Мирза Байкара (последний тимурид) — хорасанский султан (1469—1506 гг.). Во время его правления искусство и культура Герата достигла наивысшего расцвета; эмир Абдулла-хан II (шейбанид, 1557—1598 гг.) — один из выдающихся шайбанидских государей, который боролся за объединение своего государства и за усиление в нем центральной власти; Субхан кули-хан (аштарханид, 1680—1702 гг.) — известен тем, что чрезвычайно увлекался дервишскими подвигами, носил под ханским платьем дервишское рубище и достиг такого совершенства в мистических упражнениях, что получил право быть суфийским шейхом.

Эмир Шах-Мурад (1785—1800 гг.) — известен своим крайним увлечением дервишизмом и большой склонностью к религии. Он сумел создать себе популярность воздержанным образом жизни и попыткой поднять уровень культурно-экономической жизни страны.

¹⁶ Обновители религии Индии шах Аурангзеб (1658—1707 гг.); Шах Джехан (1627—1658 гг.) оба из династии Великих моголов.

¹⁷ Вероятно, А. Дониш сравнивает Шах-Мурада с халифом Омаром I (632—642 гг.).

¹⁸ Омар ибн Абдал-Азиз — халиф омеядской династии (717—719 гг.).

¹⁹ Фарук (справедливый) — халиф Омар I.

²⁰ Сулейман б. Абд ал-Малик омеяд (715—717 гг.).

²¹ Коран, 20, 49 (47).

²² Эмир. — По поводу этого термина А. А. Семенов писал: «Если в предшествующие времена звание эмира носили через пожалование очень многие лица, при Мухаммад-Рахим бие Аталыке никто уже не стал носить этого звания, ибо оно с тех пор было присвоено только его особе. С этого времени исчезло и пожалование званием эмиров, бывшее при прежних бухарских ханах явлением обычным и касавшееся главным образом глав племени или влиятельных родовичей» (Очерк устройства центрального административного управления бухарского ханства позднейшего времени. Тр. АН Тадж. ССР, т. 25, Сталинабад, 1954, стр. 20). Однако как Ахмад Дониш, так и другой историк этого же времени — Сами употребляет этот термин в его двух значениях: в смысле главы бухарского эмирата и в смысле правителя отдельной области, главы племени, рода или военачальника. В бухарском ханстве до мангитов звание эмиров получали от хана главы племен и предводители родов. Первый мангит — Мухаммад-Рахим (1753—1758 гг.) вместо титула «хан» принял титул «эмир», подчеркивая, что он правитель только одной области, входящей в состав всего мусульманского государства, и что он готов признать над собой власть хана. Постепенно власть хана полностью потеряла значение, и глава бухарского ханства стал называться эмиром.

²³ Даниял-бий (1758—1785 гг.). — Как известно, Даниял-бий не стал ханом, а оставался в звании аталыка. Подставным ханом при нем был аштарханидский царевич Абдулгази (1758—1785 гг.).

²⁴ Медресе — духовное училище мусульман.

²⁵ Намаз — ежедневная обязательная молитва мусульман.

²⁶ Худжра — келья, маленькая комната в общежитии при медресе, где жили студенты.

²⁷ Узбеки. — В данном случае — племена мангитов. Племя мангит имело три ответвления — Тук-мангит, Ак-мангит и Кара-мангит и являлось наиболее многочисленным и влиятельным из узбекских племен, которые кочевали главным образом в окрестностях Бухары и Карши. В середине XVIII в. представители мангитов стали основателями новой и последней династии в Бухарском ханстве (1747—1920 гг.) (см.: Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 58 и 63; П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, стр. 15—45).

²⁸ Вакф — пожертвование каким-либо частным лицом земли и другого имущества с благотворительной целью религиозным или общественным учреждениям.

²⁹ Хаким — правитель области.

³⁰ Подданные — «Фукара» — термин, встречающийся во многих исторических сочинениях Средней Азии, однако, точное значение его строго не определено. Многие исследователи трактуют его по-разному. Ханыков объясняет его следующим образом: «Все означенные нами сословия, кроме первых двух, (т. е. таджикско-персидское население бухарского ханства и духовенства) разделяются на два общих раздела: служащих — сиан и не служащих — фукара» (см.: Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 183). П. П. Иванов понимает под этим термином народ, подданные, податное сословие (см.: П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, стр. 131).

Елифанова переводит его так как торговцы, ремесленники (см.: Мирза Абдалазим Сами. История мангитских государей. М., 1962, стр. 140).

М. Н. Османов переводит его как труженики. То же самое нужно сказать и о термине раая. А. Дониш употребляет эти термины для обозначения подданных, главным образом, — трудовых слоев населения.

³¹ Олук и Солук. Олук — подношение правителям. Солук, или салук — поземельная подать (см.: Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до конца наших дней. Ташкент, 1957). Эти налоги, по словам П. П. Иванова, считались даже в условиях того времени незаконными, т. е. «несогласными с шариатом» (см.: П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, стр. 105).

³² Аминона — налог, введенный эмиром Музаффаром и составляющий 1,5% стоимости товаров и имущества богатых горожан. Налог был введен в связи с войной с Россией. Постепенно он превратился в постоянный налог и просуществовал до конца эмирата, т. е. до 1920 г. (см.: Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб. 1911, т. 2, стр. 55; Б. И. Искандаров. Из истории Бухарского эмирата. М., 1958, стр. 47—48; Б. Гафуров. Базарный сбор в пользу чиновников по налоговому обложению. В кн.: «История таджикского народа». М., 1955, стр. 402).

³³ Вакилона — сумма, которая дается специальному уполномоченному (вакилю) со стороны жалобщика (истца) или устроителя пиршества для выполнения необходимых поручений.

³⁴ Казий — судья. Об обязанностях и правах казия в бухарском эмирате см.: История народов Узбекистана (Ташкент, 1947, т. 2, стр. 155—157).

³⁵ Махр — подарок мужа жене при вступлении в брак. Позже — калым.

³⁶ Дирхем — дирем, диргем, драхма — серебряная монета.

³⁷ Динар — мелкая монета; исторически — золотая монета.

³⁸ Ман, или батман, по Григорьеву, равнялся 8 пудам (см.: Записки Мирзы шемса Бухари. Казань, 1861, пер. и прим. В. В. Григорьева, прим., 6, стр. 89).

³⁹ Танга (теньга) — бухарская серебряная монета. В XIX в. курс ее сильно колебался (см.: А. А. Семенов. Примечания к «Муким-ханской истории». Ташкент, 1956, стр. 272, № 375).

⁴⁰ Сыновья эмира Данияля (см.: Гульшан ал Мулук — рукопись № 2663 из фонда АН Тадж. ССР, стр. 141; Записки Керима Бухарского, литография, стр. 53).

⁴¹ Кушбеги — высший чиновник в бухарской служебной иерархии (после него следует звание аталыка). При мангитах кушбеги обычно был первым министром ханства, которому подчинялись все провинциальные правители или беки и который замещал эмира во время отсутствия последнего в столице; через него решались все государственные дела ханства. Давлят кушбеги был вазиром еще при Рахим хане и был по происхождению иранским рабом (см.: Записки Абдул Керима Бухарского, литография, стр. 53).

⁴² Сейид — потомок Мухаммеда от его дочери Фатимы и Алиа. Сейиды составляли обособленную касту среди остального населения. были освобождены от телесного наказания, имели право заступничества за обиженных перед властями, носили чалму зеленого цвета, любимого Мухаммедом. Они старались не родниться с посторонними см.: А. А. Семенов. Очерк устройства центрального административного управления бухарского ханства позднейшего времени. Тр. АН Тадж. ССР, т. 25, вып. 2, Сталинабад, 1954, стр. 64).

⁴³ Открыто курил табак — мусульманское духовенство причисляло табак к опьяняющим напиткам. О том, каким наказаниям подвергались ли-

ца, повинные в курении табака, подробно пишет Вамбери (см.: Вамбери. История Бухары, или Трансоксани. Спб., 1875, т. 2, стр. 131).

⁴⁴ Ма'сум — безгрешный, прозвище Шах-Мурада—мангитского эмира (1785—1800 гг.).

⁴⁵ Шейх (буквально: «старец») — глава дервишского ордена. Шейхом до Мухаммеда назывался вождь арабского племени, достигший необходимого возрастного минимума; после Мухаммеда — глава духовного ордена «правоверных», вообще духовный руководитель. Шейхом — наставником Шах Мурада был Шейх Мухаммад Сафар (см.: Записки Абдул Керима, литография, стр. 54).

⁴⁶ Суфий — представитель суфийских орденов, основу идеологии которых составляет вера в аллаха и возможность мистического слияния с ним путем экстаза, достигаемого при помощи радения (о термине и об истории этого религиозного течения см.: С. Н. Григорян. Из истории философии Средней Азии и Ирана в VII—XII вв., М., 1960, стр. 33—34).

⁴⁷ Пир — глава суфийского ордена, духовный наставник.

⁴⁸ Войско (аскария) — постоянное, регулярное войско, формировавшееся главным образом из преступников и различных подонков общества.

⁴⁹ Арк — цитадель. Бухарский арк — древняя крепость, ставшая резиденцией бухарских правителей. В нем были размещены основные государственные учреждения (см.: В. В. Бартольд. Персидский арк, крепость, цитадель. В кн.: «Известия Российской Академии Истории материальной культуры», т. 1, № 5, август, 1920, История народов Узбекистана, т. 1. Ташкент, 1950, стр. 206).

⁵⁰ Бухарский минарет, или Минарет-и Калон — минарет при соборной мечети в Бухаре, построен в 1127 г. Арслан Мухаммед ханом. Высота его 46½ м.

⁵¹ Прием (курунуш) — слово турецкого происхождения от корня, означающего поклон, а также торжественный прием во дворце правителя.

⁵² Джилавлана — специальное помещение для лиц, на обязанности которых было принимать от приезжавших в арк лошадей и караулить их до возвращения их владельцев из арка (см.: Абдуррахман-и Тали. История Абулфайз-хана, стр. 161, прим. 113).

⁵³ Нож, украшенный драгоценностями. — «Каждый чиновник имел при себе меч с богатым украшением или, лучше сказать, нож, служащий в этой стране знаком отличия» (см.: А. Борнс. Путешествие в Бухару. М., 1848—1849, стр. 416).

⁵⁴ Улемы — лица духовного звания, к которым принадлежали ученые-теологи, законоведы, преподаватели медресе (мударрисы).

⁵⁵ Ахунд — одно из высших духовных званий.

⁵⁶ Тюря — наследник престола.

⁵⁷ Сарупо — жалованное платье, халат и чалма, выдававшиеся эмиром некоторым лицам при возведении их в тот или иной чин. При этом эмир через парвоначи вручал данному лицу особый указ (ярлык), написанный на лощенной кокандской бумаге. Указ этот парвоначи вставлял в чалму награжденного лица и тот в течение 3 суток должен был ходить с воткнутом в его чалму указом, чтобы все узнали о новом пожаловании. (Григорьев считает, что слово сарафан происходит от этого слова. См.: Записки Мирзы Шемса Бухари. Пер. и прим. В. В. Григорьева. Казань, 1861, прим. 5, стр. 89).

⁵⁸ Эмир Хайдар правил (1800—1826 гг.).

⁵⁹ Был участником в этом событии — вероятно, имеется в виду случай с избиением торговца хлебом.

⁶⁰ Отменил всякие излишние поборы (олук и солук). — По поводу отмены «незаконных» налогов Шах Мурадом П. П. Иванов замечает, что

она носила чисто формальный характер, так как в дальнейшем выяснилось, что большинство этих налогов продолжали взимать (см.: П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, стр. 106).

⁶¹ Имам — духовное лицо, читающее вслух молитву во время богослужения.

⁶² Муэдзин — особый служитель мечети, призывающий мусульман на молитву.

⁶³ Мударрис — преподаватель высшего мусульманского учебного заведения медресе.

⁶⁴ Коран, 2, 156 (161).

⁶⁵ Айван — открытая галлерея, в данном случае — портал в соборной мечети.

⁶⁶ 1198 г. — 1784—1785 гг.

⁶⁷ Племена (Элят) — кочевое и полукочевое население, сохранившее родовые деления (см.: П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии, М., 1958, стр. 131).

⁶⁸ Несколько раз нападал на тегеранские земли — имеются в виду походы Шах Мурада на Мерв в 1789—1790 гг.

⁶⁹ 12 раджаба 1215 г. — 30 ноября 1800 г.

⁷⁰ 1163 г. — 1749—1750 гг.

⁷¹ Урда — в данном случае женская половина дворца.

⁷² Кулах — головной убор особой продолговатой формы, иногда имеет значение символа власти.

⁷³ Вакиль — доверенный, уполномоченный; чиновник, который заведовал хозяйством дворца того или иного феодала (см.: Сиасет-намэ. М.—Л., 1949, стр. 324, прим. 155). В данном случае А. Дониш употребляет это слово именно в таком смысле. Иногда вакиль употребляется в смысле — уполномоченный какой-нибудь стороны при рассмотрении судебных споров.

⁷⁴ Рамазан — 9-й месяц мусульманского лунного года, месяц поста.

⁷⁵ Кафш — кожаная калоша.

⁷⁶ 14 раджаба 1215 г. — 2 декабря 1800 г.

⁷⁷ Хонака — обитель или общежитие дервишей с мечетью, большим помещением для радений с кельями и большим двором — тип монастыря.

⁷⁸ Танхо — система временных земельных пожалований служилому сословию взамен жалования или в дополнение к получаемому довольствию. Равнозначно средневековой икта.

⁷⁹ Не ясный текст.

⁸⁰ 1189—1242 гг. — 1775—1826 гг.

⁸¹ 4 раби-ал-аввала 1242 г. — 6 октября 1826 г.

⁸² 7 раби-ал-аввала 1242 г. — 9 октября 1826 г.

⁸³ 15 мухаррама 1212 г. — 11 июля 1797 г.

⁸⁴ 23 джумада I — 23 декабря 1826 г.

⁸⁵ 11 зул-када 1224 г. — 19 декабря 1810 г.

⁸⁶ 1242 г. последний день Рамазана — начало апреля 1828 г.

⁸⁷ 1250 г. — 1834—1835 гг.

⁸⁸ Сипо, сипахи — служилое военное сословие, «занимавшее различные административные и военные должности и представляющие собою особое, привилегированное сословие служилых людей», было известно в Бухаре под названием сипагов, или сипаев — термин широко распространенный в других среднеазиатских ханствах, а также в Турции. По своему общественному положению сипахи делились на различные группы, общественно-политическая роль которых была весьма разнообразна — от первого сановника ханства (кушбеги) до рядового командира сотни кавалерии.

лерии (юзбаша). Этому привилегированному сословию противостояла масса населения, обозначавшаяся обычно термином «фукара», или «раайя» — народ, подданные, податное сословие (см.: П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, стр. 131; Мухаммед Юсуф Мунши. Мукумханская история. Ташкент, 1956, стр. 81).

⁸⁹ Фетва, или ривоят — основанное на шариате юридическое заключение. Фетва оформлялась муфтием за определенную плату по чьей-либо просьбе. На основании этой фетвы судья выносил решение.

⁹⁰ Равзат ас сафо Носири — исторический труд Риза Кули Хана Хидайята. Издан в Тегеране в 1274 г., т. т. 8—9. Это произведение явилось продолжением труда того же названия, написанного Мирхондом в XV в.

⁹¹ По сообщению А. Дониша, эмир Насрулло в завещании назначил своим преемником не сына Музаффара, а одного из своих внуков. Однако подтверждение этого у других историков того времени (Мухаммад Якуба, Сами, Садр Зия и др.) найти не удалось.

А. А. Семенов отмечает только, что эмир Насрулло не любил своего сына и не хотел, чтобы он стал его преемником, но поскольку более умных сыновей у эмира не было, — он поневоле отложил свое намерение [убить сына]. (см.: А. А. Семенов. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Сталинабад, 1954, стр. 4).

Г. Вамбери пишет о заговоре против Насрулло, во главе которого стоял Музаффар, и о нелюбви Насрулло к последнему (см.: Г. Вамбери. История Бухары, или Трансоксании. СПб., 1873, т. 2, стр. 166).

⁹² Месяц «Весов» 1277 г. — сентябрь-октябрь 1860 г.

⁹³ 13 раби-ал аввала 1221 г. — 1 июня 1806 г.

⁹⁴ Кермине — город и область того же названия. Кермине обычно отдавалась во владение наследника престола. Эмир Музаффар перенес туда свою резиденцию.

⁹⁵ 7 раби-ал аввала 1277 г. — 23 сентября 1860 г.

⁹⁶ Харадж (основной поземельный налог) — рента в Бухарском ханстве (как и по всей Средней Азии и Ирану). Харадж взимался частью деньгами, частью натурой и доходил иногда до половины всего производимого налогоплательщиком продукта, установлен с VII в. Первоначально он взимался с покоренного немусульманского населения.

⁹⁷ Гиссар — имеется в виду Гиссарское бекство, входившее в состав Бухарского ханства, которое включало в себя северную часть бассейна Кафирнигана. В настоящее время территория Гиссара входит в Сурхандарьинскую область Узбекской ССР и частично — в Таджикскую ССР. В Таджикистане имеется районный центр под этим названием. Власть бухарских эмиров установилась здесь еще с конца XVI в., однако, Гиссар постоянно боролся за свою независимость, окончательно был подчинен Бухаре в 1868 г.

⁹⁸ Мавераннахр — арабское слово, означающее буквально «то, что за рекой» (Аму-Дарьей); территория между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей.

⁹⁹ Все области страны попали в руки русским. По договору, заключенному между Россией и Бухарой 23 июня 1868 г., к России были присоединены Самарканд и Катта-Курганский округ.

Катта-Курган — главный город Катта-Курганского бекства в Бухарском ханстве; расположен по Зеравшану западнее Самарканда на канале Нарпай. Основан в XIV в. В настоящее время районный центр Самаркандской области Узбекской ССР.

¹⁰⁰ В середине правления Насрулло отряд русских подошел к берегу Сыр-Дарьи и построил там крепость. — Очевидно, А. Дониш имеет в виду постройку Раимского укрепления в устье Сыр-Дарьи в 1847 г.

¹⁰¹ Пока был жив Насрулло, Россия не переходила Сыр-Дарью, а вскоре после его смерти Россия двинула свои войска на Ташкент. В действительности не эмир Насрулло задерживал продвижение русских в Среднюю Азию, а Крымская война (1853—1856 гг.).

¹⁰² Ташкент был взят после недельной осады 17 мая 1865 г. Во время осады Ташкента и взятия его эмиры бухарский и кокандский вместо того, чтобы объединить свои силы на борьбу с «неверными», продолжали воевать между собой...—Враждебные действия между Кокандом и Бухарой продолжались до 1866 г., когда спорные пограничные пункты—Ходжент и Ура-Тюбе—были взяты русскими войсками. Благодаря резкому обострению внутренней борьбы между отдельными группами правящего класса в Коканде, эмиру дважды удавалось овладеть столицей ханства и оставить во главе его то или иное желательное ему лицо. Однако прочного подчинения страны ему достигнуть не удалось. После договора с Россией в 1868 г. прекратились попытки бухарского эмира подчинить себе Коканд.

19 февраля 1876 г. кокандское ханство было упразднено и вместо него была образована Ферганская область, военным губернатором которой был назначен генерал Скобелев

¹⁰³ Узгенд — город в Фергане около Оша.

¹⁰⁴ Нукеры — слуги и служилые люди, наделенные землевладением типа танхо из числа государственных земель.

¹⁰⁵ Джизак — один из древних городов Средней Азии, третий по величине город древней Осрушаны. В XVIII в. Джизак являлся одним из мелких феодальных владений и предметом споров Бухарского и Кокандского ханств. Расположен у подножия хребта Нура-Тау между Самаркандом и Ходжентом. В настоящее время—районный центр Самаркандской области Узбекской ССР.

¹⁰⁶ Русские еще не двинулись на Джизак — очевидно, имеется в виду время перед вторым наступлением русских на Джизак, т. е. октябрь 1866 г.

¹⁰⁷ Священная война против неверных — первое движение в Бухаре (газават) против русских примерно в октябре 1866 г. (см.: Мирза Абдалазим Сами. История мангитских государей, М., 1962, стр. 61).

¹⁰⁸ Газ — локоть, мера длины, равная приблизительно 50 см.

¹⁰⁹ Афридун, или Фаридун — один из древних легендарных царей Ирана. Он известен тем, что свое царство разделил между сыновьями. Персонаж поэмы Фирдоуси «Шахнамэ».

¹¹⁰ Афрасиаб — легендарный царь Турана и один из персонажей «Шахнамэ».

¹¹¹ Сасик-Куль — в переводе значит гнилое или вонючее озеро (Под этим же названием существует озеро на Памире), однако на географической карте в районе Джизака, Ходжента и Чиназа такое озеро не указано. Имеется в виду сражение, известное в русской историографии под названием Ирджарской битвы, произошедшей в урочище Ирджар, расположенном на левом берегу Сыр-Дарьи между Чиназом и Ходжентом, 8 мая 1866 г. У местных историков Ирджарское урочище не упоминается, а битва названа или сражением у озера Сасик-Куль (А. Дониш; Агохи Мухаммед Риза) или сражением в местности Майдаюлгун (Мирза Азиз Сами). По поводу Ирджарской битвы или, как ее называет Сами, «Майдаюлгунских событий», Сами не приводит подробного описания, он только замечает: «Майдаюлгунское событие требует [более] подробного изло-

жения, но здесь не место для этого. Сохранение [в тайне некоторых] обстоятельств удерживает [меня от этого]. Пусть [меня] извинят. Одним словом, из-за небольшого натиска христиан все войско и люди, выступившие на священную войну, побросали все снаряжение, вещи, бежали и рассеялись. Его величество также поневоле сел на лошадей и отправился к Джизаку. Вся казна, снаряжение, артиллерия, эмирское оружие и вещи остались в лагере без хозяина, как будто государство добро разделили пополам. [Эмир] благополучно прибыл в Самарканд, а в Джизаке сделал хакимом мангита Аллаха-дыванбеги и приказал вокруг старой Джизакской крепости возвести вторую стену, укрепить ее и поставить там в виде гарнизона большое войско с известными эмирами, как будто этим он воздвиг преграду на пути войска христиан... После бегства борцов за веру христианское войско овладело всем оставленным снаряжением, орудиями и вещами...» (см.: Мирза Абдалазим Сами. История мангитских государей. М., 1962, стр. 62).

¹¹² Сиффин — местность близ города Ракка на Ефрате, где произошла битва между Алием и Муавеем в 7 г. Х в.

¹¹³ Фарсах — в 6-8 км.

¹¹⁴ Газель — лирическое стихотворение.

¹¹⁵ Аналогичное описание брошенного бухарцами поля сражения приведено у М. А. Терентьева: «Вечером получено было известие, что неподалеку брошен еще один лагерь со ставкою эмира и что туда забрался уже мародеры и отсталые бухарские армии. Пистолькорс просил у Романовского позволения занять казаками этот лагерь, но не получил разрешения на том основании, что в ставке эмира остались, вероятно, все богатства, которые рискованно доверить казакам. Этот лагерь был занят только на другой день поутру, уже наполовину опустошенный, но все-таки довольно богатый. Бухарцы так были уверены в успехе, что несколько не тревожились за лагерь, который найден был со всеми следами только что оставленного жилья. Тут были котлы с варившейся в них пищей, дымившиеся кальяны, приготовленный чай и прочее» (см.: М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906, т. 2, стр. 347).

¹¹⁶ Хавас — селение недалеко от современной железной станции Урсатьевской.

¹¹⁷ Гуриец — житель области Гур, которая расположена на юго-западе Афганистана.

¹¹⁸ Хадж — паломничество в Мекку.

¹¹⁹ Коран, 3, 130, (136).

¹²⁰ Верный чиновник (амин), в наследственном праве — доверенное лицо, которому опекун выдает деньги на расходы по довольствию опекаемого.

¹²¹ Осада и взятие Джизака происходили 11-18 октября 1866 г. Об этом сообщает и М. А. Терентьев: «Трое городских ворот — Самаркандская, Ура-Тюбинская и Камыш-Курганская, или Ташкентская были наглухо завалены, чтобы пресечь гарнизону всякий путь к отступлению, так как, согласно приказанию эмира, комендант намеревался защищать город до последней крайности» (см.: М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, т. 1. СПб., 1906, стр. 373).

¹²² Коран, 43, 56.

¹²³ Аналогичное описание сражения в Джизакской крепости см.: М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906, т. 2, стр. 381; Мирза Абдалазим Сами. История мангитских государей. М., стр. 65.

¹²⁴ О жестокости Ширали Инака подробно пишет и Сами: «В эту пору хакимом в Самаркандской области был Шир-Аби-инак. Абдалмалик—

тюрю, хаким Гузара, также находился у благороднейшего стремени [инака]. Вители Самарканда очень страдали от гнета и притеснений Шир-Али-инака и желали его смещения. В эти дни, когда страна погрузилась в волнение мятежей и туман смут, а глава государства был целиком занят разными беспорядками, самаркандский народ из-за гнета Шир-Али написал [эмиру] письмо с мольбой о помощи и с просьбой отстранить [Шир-Али] от должности и назначить другого [правителя]» (Мирза Абдалазим Сами. История мангитских государей. М., 1962, стр. 67—68).

¹²⁵ Подробное описание этих событий приводится у Сами: «После майдаюлгунского события и бегства борцов за веру большинство мул, приверженцев газавата, в воображении которых еще сохранились следы фанатизма и упорства, собравшись в самаркандских медресе, подстрекали народ к священной войне и раздували огонь распри. Кого бы ни увидели они из сипахи или из народа на улицах и базарных площадях [говорили ему]: «Ты — неверный и оставил без внимания приказание [пророка]: убивайте многобожников везде, где только обнаружите их» (см.: Мирза Абдалазим Сами. История мангитских государей. М., 1962, стр. 68).

¹²⁶ А. Дониш был недалек от истины. В письме генерала Крыжановского Черняеву есть такая фраза: «Собственно, в Ташкенте вы можете оставить в случае движения не более трех рот, предоставив жителям города резать друг друга, если такое занятие им понравится». (см.: М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906, т. 1, стр. 328).

¹²⁷ Чупан-Ата — холмы близ Самарканда. 1 мая 1868 г. на чупан-атинских высотах бухарские войска были разбиты.

¹²⁸ После сражения на чупан-атинских высотах 1 мая 1868 г. на следующий день, утром 2 мая, представители духовенства и администрации города Самарканда пришли с просьбой принять город в подданство «Белого царя». Они заявили, что жители города страдают от тирании хакима и беков и произвола эмира и с радостью ожидают прихода русских. (см.: М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906, т. 1, стр. 423).

¹²⁹ Контрибуция — 23 июня 1868 г. заключен договор между Россией и Бухарой, по которому бухарский эмир должен был заплатить 500 тыс. рублей контрибуции.

¹³⁰ Кеш — древнее название Шахрисябза. Один из древнейших городов Средней Азии. Расположен к югу от Самарканда в долине реки Кашка-Дарья. В настоящее время Шахрисябз — районный центр Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР. Кенегесия — очевидно, имеется в виду Шахрисябское бекство, правители которого принадлежали к враждебному мангитам племени кенегес. «После присоединения к Бухаре области Кеша» бухарские эмиры постоянно стремились удержать в подчинении шахрисябских беков, однако, это им редко удавалось. В 1856—1858 гг. эмир Насрулло совершил неоднократные походы в эту область и на непродолжительное время подчинил ее своему влиянию. Только 27 октября 1868 г. Шахрисябское бекство окончательно было передано бухарскому эмиру русским правительством.

¹³¹ Поражение России в Крымской войне (1853—1856 гг.).

¹³² Очевидно, имеется в виду реформа 1861 г. об отмене крепостного права.

¹³³ Первая поездка А. Дониша в Россию состоялась в конце 1857 — начале 1858 гг. Главой посольства был Муллоджон б. Ошурджон, помимо которого в состав посольства вошло еще три человека. Сын главы по-

сольства Кароулбеги Абдулкодирбек, советник Ширинходжа и секретарь—Ахмад Дониш. (Подробно см.: Р. Х. Х а д и з а д е. Чанд саҳифаи нав дар торчиман хол ва эҳодиёти Аҳмади Дониш. Шарки сурх, 1957, № 2, стр. 83—84).

¹³⁴ Мирза — писарь, секретарь.

¹³⁵ Вторая поездка А. Дониша в Россию состоялась в 1869 г. (2 октября прибыли в Петербург). Возглавляли поездку четвертый сын эмира Музафара Абулфаттах и брат жены эмира—Абулкосим бий (см.: А. Д о н и ш. Путешествие из Бухары в Петербург. Таджикгосиздат, 1960, стр. 125).

¹³⁶ Амальдары — должностные лица светского звания, получавшие чины у эмира.

¹³⁷ Ясаул — мелкий придворный служащий (чиновник особых поручений).

¹³⁸ Месяц джади — с конца декабря по конец января.

¹³⁹ Месяц хамолл — март-апрель.

¹⁴⁰ Дастмухаммад Афганский — эмир Афганистана (1826—1838 и 1842—1863 гг.) с 1839 по 1840 г. находился в Бухаре и искал помощи у эмира бухарского.

¹⁴¹ Сир — мера веса, равная 3,5 кг.

¹⁴² Афтоба — медный кувшин для умывания.

¹⁴³ Чарык — грубая кожаная обувь на толстой подошве.

¹⁴⁴ Қоран, 40, 16.

¹⁴⁵ Такое представление о причине начала наступления царской армии на Бухарское ханство — свидетельство наивности и ограниченности некоторых представлений А. Дониша.

¹⁴⁶ Насреддин шах Тегеранский (иранский шах) — каджар (1848 — 1896 гг.).

¹⁴⁷ Ибрагим бий парвоначи — доброжелательный по натуре. (см.: С а м и. История мангитских государей. М., 1962, стр. 61 и 148).

¹⁴⁸ Мухаррам 1285 г. — апрель 1868 г.

¹⁴⁹ Фельс — мелкая медная монета.

¹⁵⁰ Харвар — ослиная ноша или груз в несколько пудов.

¹⁵¹ Мутававали — попечитель, специально назначенное лицо, которое ведет вакфом и его доходами.

¹⁵² Миршаб — специальный полицейский, который обычно приступал к исполнению своих обязанностей в конце дня, когда закрывались базары и городские ворота.

¹⁵³ Бек — узбекское название правителя области, равнозначное арабскому хакиму и миру.

¹⁵⁴ Чарбаг — сад, парк. (О термине чарбаг см.: Е. А. Давидович. По поводу термина Чарбаг в работе П. П. Иванова. Хозяйство джуйбарских шейхов. В кн.: «К истории феодального землевладения в Средней Азии XVI—XVII вв.». М.—Л., 1954. Известия АН Тадж. ССР. Отд. обществ. наук, 1 (22), Сталинабад, 1960.

¹⁵⁵ Аксакал — базарный, цеховой или сельский староста.

¹⁵⁶ Қоран, 7, 142 (145).

¹⁵⁷ Қоран, 15, 74.

¹⁵⁸ Сумак — небольшая трубка, которую приспособливают к детской колыбели.

¹⁵⁹ Мюрид — член суфийского ордена.

¹⁶⁰ А'лам — высший из муфтиев (ученейший) сокращенно от (العلما) (اعلم) ученейший из ученых. Им, обычно, бывал самый сведущий из мударри-сов столицы.

¹⁶¹ Мунши — личный секретарь эмира.

¹⁶² Муфтий — законовед, назначавшийся эмиром, а позднее верховным судьей из лучших законоведов, хорошо знавших фикх (право) и хадисы (слова пророка и предания из его жизни). Обязанностью муфтиев было составлять фетвы и ривояти.

¹⁶³ Сабуктегин — первоначально гулям и наместник саманидов в Газне и Герате, а позже объявивший себя независимым правителем Газны (977—997).

¹⁶⁴ Падение Хорезма — 29 мая 1873 г. Хива была взята царскими войсками. 12 августа 1873 г. заключен русско-хивинский мирный договор и установлен русский протекторат.

¹⁶⁵ Ургенч — до монголов Гургандж. В X в. город находился на левом берегу Аму-Дарьи; в XIII в., когда он стал столицей сильной империи, он был расположен на обоих берегах, соединенных между собой мостом. Город был разрушен до основания Тимуром и им же восстановлен в 1391 г. В 70-х годах XVI в. стихийное бедствие — поворот Аму-Дарьи привело город к полному запустению. Только в XIX в. на месте старого Ургенча был построен город под названием Куня-Ургенч. Ургенч, о котором говорит А. Дониш, был построен в 1645 г. в южной части Хивинского ханства. Город существует в настоящее время под тем же названием.

¹⁶⁶ Сын эмира Музаффара — Абдулфатх.

¹⁶⁷ Имеется в виду посольство 1869 г.

¹⁶⁸ Т. е. посол Абулкасим.

¹⁶⁹ Коран, 17 (17) 16.

¹⁷⁰ В это время, т. е. в 1870 г., губернатором в Ташкенте был Константин Петрович Кауфман — генерал-адъютант, туркестанский генерал-губернатор (1867—1882 гг.).

¹⁷¹ Коран, 17, 60 (58).

¹⁷² Очевидно, имеется в виду недостаточное количество воды для орошения.

¹⁷³ О движении русских переселенцев в Среднюю Азию (см.: В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 145).

¹⁷⁴ Джуль — чрезвычайный налог. Взимался, обычно, в экстренных случаях, например во время войны.

¹⁷⁵ Танга — серебряная ходячая монета в среднеазиатских ханствах, стоявшая в зависимости от курса от 15 до 20 коп.

¹⁷⁶ Танап — один танап бухарский равен 250 м².

¹⁷⁷ Керки — административный центр Керкинского бекства, недалеко от Карши. В настоящее время Керки — районный центр Чарджоуской области Туркменской ССР.

¹⁷⁸ В тексте не ясно; по А. М. Мирзоеву — Кароулхона (Шарки сурх, № 5, 1962, стр. 138).

¹⁷⁹ Мамаджурграти — недалеко от Кагана.

¹⁸⁰ Нарзам — канал Зам, или Земм.

¹⁸¹ Чарджуй (старое название Амуль). Название Чарджуй впервые появилось в начале XIV в. В настоящее время Чарджуй (Чарджоу) — административный центр Чарджоуской области Туркменской ССР (Подробнее см.: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963, стр. 82).

¹⁸² Келиф — город недалеко от Балха.

¹⁸³ Река Хузар расположена в долине р. Кашка-Дарьи.

¹⁸⁴ Миянкаль — один из наиболее густонаселенных центральных районов Бухарского ханства, расположенный в средней части долины Зеравшана, между Ак-Дарьей и Кара-Дарьей.

¹⁸⁵ В тексте по ошибке *فیر*.

¹⁸⁶ Ушр — десятина, налог, составляющий $\frac{1}{10}$ часть урожая.

¹⁸⁷ Вероятно, во время второй поездки А. Дониша в Петербург в 1869 г.

¹⁸⁸ Месяцы «Близнецов» и «Рака» — Зодиакальное созвездие «Близнецов» соответствует июню, а «Рака» — июлю.

¹⁸⁹ Правителем Самарканда в это время, т. е. в 1870 г. (время возвращения из второй поездки в Петербург), был А. Г. Абрамов — генерал, начальник Зеравшанского округа.

¹⁹⁰ Друга — начальник района, полицмейстер, градоначальник. В данном случае имеется в виду лицо, служащее по хозяйственной части при армии.

¹⁹¹ Джади — Козерог название знака зодиака. По времени это соответствует декабрю. Соур — Телец, знак зодиака соответствующий апрелю.

¹⁹² Третья поездка А. Дониша в Россию состоялась в 1874 г. Целью ее было поздравить русского императора Александра II с победой над Хорезмом. Главой посольства был Абулкодирбек, который вместе со своим отцом Мулладжаном бывал в Петербурге в 1857—1858 гг. (см.: ст. Р. Ходи-зода. Чанд лахзаи нав дар тарчимаи холи Ахмади Дониш. Шарқи сурх, 1957, № 2, стр. 88).

¹⁹³ На протяжении многих лет Шахрисябз отстаивал свою независимость от бухарского ханства. В 1868 г. шахрисябзские беки подняли восстание против эмира Музаффера. Бухарский эмир обратился за содействием к Кауфману, и против восставших был отправлен генерал Абрамов во главе русского войска. Восстание было подавлено, а Шахрисябзское бекство возвращено эмиру. Здесь же речь идет о поездке эмира после победы русских над Хорезмом, т. е. в 1873 г.

¹⁹⁴ А. Дониш ошибается. О причине отправления этого посольства см. прим. 192.

¹⁹⁵ Додхо — один из высших светских чинов в Бухарском ханстве, «радеющий о правосудии».

¹⁹⁶ Туксоба — начальник войскового подразделения.

¹⁹⁷ Наджмаддин ходжа мир-асад, т. е. Мухтасиб (ранс) сейидов, проживавших внутри Бухары или не больше чем на расстоянии в один фарсах от нее. Наджмаддин ходжа не раз ездил к русским в качестве посла. В 1859 г. был в Петербурге с посольством Игнатьева, в 1865—1866 гг. — в Казани и Оренбурге, в 1867 и 1868 гг. принимал участие в переговорах с Кауфманом (см.: Мирза Абдалазим Сами. История мангитских государей. М., 1962, стр. 146—147).

¹⁹⁸ Возможно, имеется в виду поездка Абдалахада в 1883 г. по случаю коронации Александра III (см.: В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 241; Мирза Абдалазим Сами. История мангитских государей. М., 1962, стр. 115).

¹⁹⁹ Панджшанбе — город в бывшем Миянкальском округе на реке Ак-Дарья, рукаве Зеравшана, недалеко от Катта-Кургана.

²⁰⁰ Катта-Курган — административный центр Катта-Курганского бекства. Расположен западнее Самарканда на Зеравшанском канале Нарпай. Основан в XIV в. В настоящее время — районный центр Самаркандской области Узбекской ССР.

²⁰¹ Месяц Тельца — май.

²⁰² Месяц Скорпиона — ноябрь.

²⁰³ Персидские и арабские географы, подобно античным, делили землю по направлению с юга на север — на семь климатов (от греческого «клима» — склонение) или широтных зон (см.: The Encyclopaedia of islam, т. 2, стр. 460).

²⁰⁴ Астанкул — кушбеги при эмире Абдалахаде (см.: А. Е. Маджи. К истории двух последних десятилетий Бухарского ханства. Известия АН Тадж. ССР, Отд. обществ. наук, 2 (29), Душанбе, 1962, стр. 48).

²⁰⁵ Гиждуван — центр гиждуванского тумана одного из восьми районов, расположенных вокруг Бухары. В настоящее время — районный центр Бухарской области Узбекской ССР.

²⁰⁶ Эмир Абдалахад неоднократно совершал поездки в Россию, в Петербург, Крым и на Кавказ. О поездках в Крым пишет Мирза Азим Сами: «В подвластной России Ялте, местности здоровой, свежей веселой и приятной для времяпрепровождения его величество [Абдалахад] даже приобрел высочайшее имение. Там он возвел прекрасные здания, подобные дворцу Хаварнака и Так-и Кисра. Ежегодно безотказно и без опасений он с пятнадцатью-двадцатью слугами отправлялся в тот край и два месяца проводил в саду, украшающем рай, вволю наслаждаясь жизнью и счастьем. Растратив значительную сумму из казначейства на все то, что требовал его аппетит и на все то, что нравилось его глазам, он возвращался». (Мирза Абдалазим Сами. История мангитских государей. М., 1962, стр. 115—116). Автор записок по истории последних десятилетий бухарского ханства сообщает следующее: «В среду 43 улкадз 1319 г. хиджры (12 февраля 1902 г.) бухарский эмир Абдалахад в сопровождении Кушбеги Астанкулбия, Хайдар кул-бийя инака и Аулия-кулбек-бий-дадхи выехал по только что выстроенной железной дороге в Петербург». (А. Е. Маджи. К истории двух последних десятилетий бухарского ханства. Известия АН Тадж. ССР, Отд. обществ. наук, 2 (29), Душанбе, 1962, стр. 47).

²⁰⁷ Приблизительно в 1904 г.

²⁰⁸ В 1885 г.

²⁰⁹ Усрушанец — житель Усрушаны, или Осрушана (древнее Сутрушана). В состав области Усрушана входило почти все пространство между Самаркандом и Ходжентом. Ура-Тюбе — один из главных городов этой области (см.: Н. Негматов. Историко-географический очерк Усрушаны с древнейших времен по X в. н. э. Тр. ТАЭ, т. 2, 1948—1950).

²¹⁰ В 1842 г. глава кипчаков знатный кокандец Мусульманкул стал во главе восстания кипчаков против бухарского владычества в Коканде и захватил власть в свои руки.

²¹¹ Таммуз — восьмой месяц сирийского календаря — июль.

²¹² По поводу этого восстания кипчаков см.: ст. А. М. Мирзоев. Ахмади Дониш ва вақеаи қатли оми қибчоқҳо дар нимаи асри XIX. Известия АН Тадж. ССР, Отд. обществ. наук, 2 (29), Душанбе, 1962.

²¹³ Якуб Минг-баши — Якуб бек Кашгарский.

²¹⁴ Чоуган — широко распространенная на востоке игра в поло.

²¹⁵ Не ясный текст.

²¹⁶ 1295 г. — 1878 г.

²¹⁷ Коран, 34, 9.

²¹⁸ Абу ал Маоли, т. е. Абу ал Маони. Под этим прозвищем известен Бидиль (1644—1720 гг.).

²¹⁹ Коран, 7, 178 (179).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Вступление.	20
Беспорядки в эмирате при эмире Данияле и система управления эмира Шахмурада.	27
Некоторые события времени правления эмира Хайдара.	35
Смерть эмира Хайдара и время управления эмира Хусейна и эмира Омара	37
Пребывание у власти эмира Насрулло и характер его правления.	38
Некоторые события времени правления эмира Музаффара и способы его управления.	40
Порядки в эмирате и некоторые события времени правления эмира Абдалахада.	112
Примечание.	126

*Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР*

Трактат
Ахмада Дониша
„История мангитской династии“

*Перевод, предисловие и примечания
Инны Александровны Наджафовой*

Отв. редактор Александр Маркович Беленицкий

Редактор Л. Б. Бухтоярова
Худ. редактор Г. Сулейманов
Тех. редактор З. П. Маслова
Корректоры Л. Д. Полисская, Н. Н. Михайлова.

КЛ 06081. Сдано в набор 24/VIII-1967 г. Подписано к печати 29/XI-1967 г. Формат 60x90^{1/16}
Печ. 9 л. Уч.-изд. 9,325 л. Бум. тип. № 2. Сорт 2. Тираж 3000.
Заказ 44. Цена 75 коп. в переплете № 5—85 коп.

Издательство „Дониш“, Душанбе, 29,
ул. Айни, 121, корп. 2.
Типография Издательства „Дониш“, Душанбе, 29,
ул. Айни, 121, корп. 2.